

ЛЕТОПИСЬ БЕЛИНОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

А. БОРИСОВ

ВСТРЕЧА
С ПОГИБШИМ
ДРУГОМ

МОСКВА
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“
1987

ББК 63.3(2)722
Б 82

ОБ АВТОРЕ ЭТОЙ КНИГИ

Анатолий Борисович Борисов (1923—1986) родился в Москве. В 1940 году после окончания средней школы поступил на режиссерский факультет ГИТИСа. В июле 1941-го вступил добровольцем в истребительный батальон Красной Пресни. Член КПСС с 1942 года. Войну закончил в Германии в звании старшего лейтенанта. Награжден орденом Красной Звезды, орденом Отечественной войны 11 степени, многими медалями. В 1946 году А. Б. Борисов демобилизовался из армии и, сдав экстерном экзамены за второй курс, вновь поступил в ГИТИС, который окончил в 1948 году. Впоследствии осуществил несколько десятков постановок музыкальных спектаклей и пьес советских драматургов в театрах многих городов страны. С 1961 года и до последних дней жизни работал на радио, являлся режиссером передачи «ГС добрым утром!». Автор десяти пьес и ряда работ по вопросам музыкальной драматургии и театрального искусства.

Борисов А. Б.

Б 82! Встреча с погибшим другом. — М.: Мол. гвардия, 1987. — 160 с., ил. — (Летопись Великой Отечественной).

25 к. 100 000 экз.

Автор книги, участник Великой Отечественной войны, рассказывает о своем боевом товарище, студенте актерского факультета Государственного института театрального искусства имени А. В. Луначарского Василии Пластинине, чье имя золотыми буквами высечено на мемориальной доске ГИТИСа*. В основу книги легли дневники и письма В. Пластинина, воспоминания его товарищей, а также сохранившиеся документы военных лет.

Рассчитана на массового читателя.

Б 0505030202—167
078(02)—87 019—87

ББК63.3(2)722

© Издательство «Молодая гвардия», 1987 г.

ОТ АВТОРА

*Не умирать я в бой иду,
а побеждать и жить!*

*Из дневника
В. Пластинина*

Мы с ним учились вместе, поступив в ГИТ ПС* в сороковом. Он — на актерский, которым руководил М. М. Тарханов, я — на режиссерский Ю. А. Завадского.

В 1941-м вместе вступили добровольцами в истребительный батальон Красной Пресни. Воевали на подмосковных рубежах, под Калининском и Ржевом, на Украине. А потом наши военные дороги разошлись.

Я выжил. Он погиб в сорок четвертом.

Все эти годы у меня хранились его фронтовые дневники, письма, документы того времени. Их трудно перечитывать. И не потому, что стерлись отдельные страницы, а потому, что всегда тяжело вспоминать о друзьях, ушедших из жизни.

Среди них был **ВАСИЛИИ ПЛАСТИНИН**, талантливый актер, удивительный человек. Его любили и долго помнили товарищи по институту. И захотелось, чтобы с моим погибшим другом встретились живущие сегодня, встретились с его молодостью, незаурядным умом, щедрым сердцем. Ему бы-

* ГИТИС — Государственный институт театрального искусства имени А. В. Луначарского. (Здесь и далее прим, авт.)

ло восемнадцать, когда он ушел на фронт, в двадцать он погиб. Но за три года войны Василий успел понять, передумать и осознать больше, чем за всю свою довоенную жизнь.

Перечитал его дневники, заглянул в свои. И вновь нахлынули воспоминания... Попробую дополнить его записи, расшифровать непонятное или недосказанное, рассказать о тех днях, свидетелем и участником которых был я сам.

Анатолий БОРИСОВ

КНИЖКА
ПЕРВАЯ

*Корабль жизни подчиняется
всем ветрам и бурям, если не
имеет трудового балласта.*

Стендаль

2 сентября 1941 г. *

Сегодня первый урок по мастерству актера в 1941/42 учебном году. И я, студент 2-го курса актерского факультета ГИТИСа, не присутствую на этом уроке. Я — боец истребительного батальона Красной Пресни. Это необходимо, но я сохну от тоски по курсу и похож на маленького мальчика, которого оторвали от родной семьи, предоставили все условия, но жить без родителей он не может. И что удивительно? За какие-нибудь десять месяцев я так сросся с курсом, что боль разрыва ни на минуту не утихает. Я обнажаю голову перед дорогой Валентиной Ивановной Мартьяновой**. Это она сдружила нас. Это она смогла создать такой коллектив единомышленников, какого прежде я никогда не встречал.

Нестерпимо, безумно хочется вернуться на курс. Но мой путь к нему — через войну, через Победу.

ПИСЬМА В АРХАНГЕЛЬСК

Василий Пластинин — родителям

29 июня 1941 г.

Известие о войне застало меня за самым мирным делом: шел в магазин покупать чай и сахар. Да так и не купил. Москва живет теперь почти фронтовой

* Частично дневниковые записи В. Пластинина, «Письма из сегодня» от его друзей, а также письма военных лет, включенные в эту книгу, были опубликованы в 5-м номере журнала «Театр» за 1975 год.

** Мартянова В. — педагог ГИТИСа. Во время войны совместно с В. Белокуровым — руководитель актерского курса.

жизнью: у каждого дома круглосуточное дежурство групп самозащиты; в подвалах устраиваются бомбоубежища, роют щели, вечером Москва погружается во тьму. Организовано это удивительно здорово: уже вечером двадцать второго июня не было видно ни одного освещенного окна.

А на рассвете 23-го Москву разбудили частые гудки и тревожный вой сирен. Впечатление ошеломляющее. Все высыпали на улицы, как будто предстояло какое-то развлекательное зрелище: слово «война» вошло пока только в уши, но не вошло в сознание. Даже на трассирующие пули или снаряды, которые выпускали по, вероятно, летящим самолетам германским, мы смотрели как на эпизоды какого-то громадного фейерверка. Тревога продолжалась 1 час 20 минут, эта первая в истории Москвы тревога.

Комсомольская организация нашего института постановила: никому из Москвы не уезжать. Каникулы отменены. Поедем или на работу в колхозы или пойдем на предприятия. Может быть, из нас организуют концертные бригады для обслуживания фронтовиков. Днями все выяснится, а пока нас в общежитии осталось в комнате трое. Остальные разъехались перед самой войной. Таджики, уже окончившие институт, днями едут в Сталинабад на работу в театр.

В комнате нашей неудобно: стоят кровати с голыми пружинами, на окнах защитные шторы (слишком шикарное название, ибо это большие плотные листы темно-синей бумаги), горит крохотная лампочка на столе, верхнее освещение отключено, в общем, мрачно и то-скливо.

Говорят, заниматься будем до 1 августа.

Вчера на Арбате встретил Михаила Михайловича Тарханова*, он только вернулся из Минска СМХАТом. Осунулся, похудел. Остановился, посмотрел на нас внимательно и сказал: «Страшные вещи, ребята, видел». И пошел дальше.

В. И. Мартынова и А. З. Окунчиков ** тоже были в Белоруссии. Брестский театр, который они формировали, был на гастролях в Минске. И они там были, когда

* Т а р х а н о в М. — народный артист СССР, руководитель курса, а затем художественный руководитель ГИТИСа.

** О к у н ч и к о в А. — советский режиссер и педагог.

война началась. А сейчас театра нет, потому что все актеры-мужчины ушли в армию.

Обо мне не беспокойтесь, хотя жаль, что не увижусь с вами этим летом.

2 июля 1941 г.

Пишу из эшелона со станции Тихонова Пустынь, в 169 км к юго-западу от Москвы. Больше писать, вероятно, не будем, так что не волнуйтесь. Едем на какие-то работы, характера которых никто не знает. На сколько времени — тоже неизвестно. Едут студенты всех институтов Москвы. Не беспокойтесь.

МЫ СТРОИМ УКРЕПЛЕНИЯ

Это было первое испытание на прочность.

Помню, как сейчас: в большом зале института стояли столы, накрытые зеленым сукном. У каждого шла запись добровольцев в отряды трудового фронта. Желающих было много, но отбирали комсомольцев, тех, кто активно участвовал в общественной жизни института, хорошо учился.

Шел десятый день войны. В небольшом садике возле ГИТИСа построены отряды. Их три — актерский, режиссерский и театроведческий. Короткая переключка, и начался первый в нашей жизни военный марш. Путь следования — Киевский вокзал.

Шли по Арбату тремя колоннами. Встречный транспорт уступал нам дорогу, и это придавало нашему маршу какую-то незнаемую, что ли, доселе торжественность; а мы шли, сбиваясь с ритма, так и не осознав до конца, что ждет нас впереди, гордые и довольные собою, своей решимостью, готовые в свои восемнадцать лет к любым испытаниям.

Вступив на мост через Москву-реку, мы с удивлением увидели запруженную народом площадь. Тысячи людей, студенты многих московских институтов, собранные, как и мы, в студенческие рабочие отряды, ждали отправки на работы.

Вначале площадь стояла, шумела, смеялась, переговаривалась, а потом легла. Не хватало эшелонов, и была дана команда — спать. Спали вповалку, приткнувшись один к другому, положив под головы вещмешки, чемоданы, сумки с продуктами. Не думаю, что-

бы кому-нибудь прежде приходилось спать на брусчатке, но большинство восприняло это спокойно, даже с некоторой долей юмора.

Сколько раз потом вспоминали мы эту ночь у Киевского вокзала, который был совсем рядом с нашими домами, семьями, институтом. Ночь, когда не гудели над головой самолеты, не рвались снаряды, не выли мины, когда рядом были друзья, товарищи, город, в котором родился.

В 6 утра началась посадка в эшелоны. Состав товарный, в вагонах лишь немного соломы, но есть крыша над головой и молодость, а это, как теперь понимаешь, не так уж мало.

И потянулась дорога к фронту. Едем медленно. Больше стоим. В вагонах жарко, поэтому на каждой стоянке весь эшелон вылезает из теплушек. Купаемся в попадающихся на пути речках, на маленьких станциях пополняем запасы продуктов, которыми торгуют обступающие эшелон местные жители. Войны не чувствуем.

На одной из станций решаем дать концерт. Собирается несколько эшелонов, много местных жителей. Программа составляется на ходу. Наш институт занимает три вагона, в остальных студенты юридического, медицинского, Бауманского и других.

Вспоминаем, что готовили при поступлении в ГИТИС, что успели выучить на первом курсе, втором, третьем. У некоторых есть отрывки из спектаклей. Чтобы всем было видно, забрались на крышу станционного амбара. Концерт прошел с большим успехом, и это как-то подхлестнуло всех, воодушевило, так что как только эшелон тронулся, в наш вагон набилось много сокурсников с актерского, театроведческого и... начались репетиции.

На следующей стоянке был опять концерт, потом еще два. Почти целый день стояли мы на станции Сухиничи, мимо шли воинские эшелоны, задерживаясь на станции на час, полчаса, пятнадцать минут. Нам хватало этого времени, чтобы дать импровизированное представление. Солдаты аплодировали, кричали «спасибо», и мы были счастливы, понимая, что наше еще далекое от совершенства искусство нужно этим людям, которые, может быть, уже побывали в боях.

Однажды наш концерт был прерван кем-то из солдат военного эшелона. Он выждал образовавшуюся в

нем паузу и начал читать отрывок из «Тараса Бульбы»:

«Хочется мне вам сказать, что такое наше товарищество. Вы слышали от отцов и дедов, в какой чести у всех была наша земля: и грекам дала знать себя, и с Царьграда брала червонцы, и города были пышные, и храмы, и князья русского рода, свои князья! Все взяли басурманы, все пропало; только остались мы, так же, как земля наша. Вот в какое время подали мы, товарищи, руку на братство! Бывали и в других землях товарищи, но таких, как в Русской земле, не было таких товарищей».

Но вот он запнулся, очевидно, забыв текст, остановился... и вдруг продолжение монолога Тараса зазвучало с другой стороны, с крыши нашего вагона:

«Пусть же знают все, что такое значит в Русской земле товарищество. Уж если на то пошло, чтоб умирать, так никому ж из врагов не доведется так умирать! Никому, никому! Не хватит у них на то мышинной натуры их!»

Эстафету солдата подхватил наш Митя Лондон, любимый ученик Алексея Дмитриевича Попова *. В эту минуту воинский эшелон тронулся, а вслед неслись напутственные слова Тараса:

«Прощайте, товарищи! Да разве найдутся на свете такие огни и муки и сила такая, которая бы пересилила русскую силу!»

Эшелон медленно двигался вперед, в дверях каждого вагона сгруппировались группы солдат, внимательно слушающая Митю, а он, под аккомпанемент стука колес, вдохновенно читал гоголевские строчки.

Но вот поезд превратился в маленькую точку, слился с горизонтом, и наступила тишина. А потом весь эшелон взорвался аплодисментами. Митю долго не отпускали со сцены, вернее, с крыши вагона, и он читал и читал: Горького, Маяковского, Шекспира.

И все-таки мы встретили войну. На станцию, где стоял наш состав, прибыл эшелон с ранеными. Забеле-ла платформа, как будто снег пошел: белые халаты, марлевые повязки на головах, ногах, руках. Через минуту весь наш эшелон был у санитарного поезда. Нас интересовало, что на фронте, их — что в Москве. А потом все наши запасы продовольствия и табака переко-

* Попов А. — советский режиссер, народный артист СССР, доктор искусствоведения. В 1935—1960 годах — главный режиссер Центрального академического театра Советской Армии.

чевали к раненым бойцам. Мы словно чувствовали какую-то вину перед ними за то, что живы, здоровы, а они...

Кто-то предложил устроить концерт, кто-то сомневался — ко времени ли? Посоветовались с врачами, и концерт начался. Это был лучший концерт из тех, что мы давали в пути.

Прошло уже больше четырех с половиной десятков лет, а я не могу забыть, как прильнули к окнам лица бойцов, как застучали по ступенькам костыли — кто мог хоть как-то двигаться, вышли из вагонов. Тишина стояла поразительная, ведь в вагонах было много лежащих, и они жаждали быть если не зрителями, то хотя бы слушателями. А потом нас попросили зайти в несколько вагонов с тяжелоранеными, и мы, разделившись на несколько групп, читали им стихи, что-то пели, рассказывали о Москве. Позже командир нашего эшелона сказал, что по просьбе главврача санитарного поезда начальник станции задержал отправку нашего эшелона, которому уже давно был дан зеленый светофор.

Вскоре после этого памятного концерта мы прибыли на станцию назначения. Выгружались ночью, бесшумно, соблюдая все меры предосторожности. Недалеко от станции и заночевали — в лесу, наломав веток и укрывшись пиджаками да куртками. Утром выяснилось, что идти нам 20 километров, еды ни у кого не осталось, а воды — считанные фляжки. «Воду ■ — по глоткам» — такова команда комвзвода, и мы тронулись в путь.

Эти двадцать километров были нелегкими для ребят. Сильно пекло, хотелось есть и пить, зудели с непривычки ноги. Через каждые пять километров устраивали привал. Надо было беречь силы — впереди нелегкая работа.

К вечеру дошли. На окраине деревни обнаружили большой сарай. Наломали веток. Послали в деревню за водой и хлебом и завалились спать.

Поутру отправились на работу. Нам предстояло рыть противотанковые рвы, глубокие и довольно широкие ямы. Каждому взводу был отведен свой участок и установлена дневная норма. Мало кто из нас держал до этого в руках лопату, мало кто понимал, как правильно рассчитать силы, поэтому к концу первого дня на руках образовались волдыри. Однако молодость и энтузиазм делали свое дело.

Полтора месяца по колено в воде рыли мы эти рвы, так как после метровой глубины пошли грунтовые воды. Несколько раз в небе появлялись фашистские самолеты, сбрасывали бомбы, а потом на бреющем полете поливали студентов пулеметным свинцом. Было трудно, что говорить. Но об этом есть в Васиных записях.

ПИСЬМА В АРХАНГЕЛЬСК

Василий Пластинин — родителям

16 августа 1941 г.

Вот я и вернулся в Москву, Полтора месяца был на земляных работах. Работать было трудно, а последние две недели особенно. Вот наш распорядок дня за это время: подъем в 4.45. Затем, взвалив на плечи лопаты, шли на работу километров за 5—6. Приступали к работе в 6 утра и работали до 11.30. Затем шли на обед в столовую (километра два) и вновь продолжали работать с 13 до 19. В 21 добирались до дома (сарай с сеном) и ложились спать. Обеды и ужины вкусные очень готовили, хотя меню было довольно однообразно: суп и каша. Да еще 800 граммов в день на человека черного хлеба.

За полтора месяца был один выходной, и работали в любых условиях: когда дождь, а когда и бомбежка.

Последние дни работали даже по ночам и без перерыва на обед (нам его прямо к работам привозили), потому что надо было в срок сдать объекты.

В Москву вернулись рано утром. Шел пешком от Киевского вокзала по Арбату. Один дом наполовину разрушен, у других выбиты стекла, большие здания расписаны и замаскированы. У магазинных окон — мешки с песком.

В институте сейчас 139 человек. Занятия, говорят, начнутся с 1 сентября. Уже выдали продуктовые карточки. Вот нормы: хлеб — 600 г в день, сахар — 1200 г в месяц, масло животное и растительное — 400 г в месяц, рыба — 800 г, крупа и макароны — 1500 г, мясо и мясопродукты — 1200 г. Промтоварные карточки получу на днях. Очень нужны, ибо ботинки на работах порвал окончательно (хожу в чужих), да белые брюки приобрели непонятный оттенок и, по-моему, пугают прохожих своим видом.

29 августа 1941 г.

Итак, я в истребительном батальоне Красной Пресни. Хожу в форме: гимнастерка, пилотка, ремень. Сюда я пришел 18 августа.

А в институте уже начались занятия. Может быть, и нам разрешат посещать мастерство актеров. Хотя все это очень сложно, и я не знаю, как посмотрит командование батальона. Увольнения из части дают по воскресеньям, а в институте по этим дням нет занятий.

Думали с Моней * сегодня сходить в институт, для чего сами вчера попросились в наряд и 12 часов дежурили на крыше 12-этажного здания. Решили сегодня вместо положенного отдыха пойти на урок мастерства, но старшина не отпустил, отчего резко ухудшилось настроение.

Чувствую себя прилично и сам удивляюсь своему здоровью. Видно, закалился на земляных работах: ведь там были нелегкие условия — ночная работа под дождем, сон прямо на песке, вода, которую я пил, предварительно фильтруя через... носовой платок, и т. д. Видно, все это меня здорово закалило.

7 сентября

Вчера вечером в батальоне объявили, что мы находимся на боевом положении. Проверили оружие. Отпуска в город отменены. А мы так надеялись, хоть изредка, посещать занятия на курсе. Нас даже зачислили на стипендию, об этом рассказал Моня, который вчера был в институте. Он сказал, что все хотят меня видеть: «А где же Васенька? Передай ему большой привет!» Расстроился очень. Чуть не заплакал. Милые мои, как хочу я вас видеть... Подлец! Какой подлец этот Гитлер. Как поломал мою жизнь. Да разве только мою! Очень волнуюсь — давно не получал писем из дома. Да и сам, правда, не писал, вернее, написал, но не отправил... Как там мои? Сережа, верно, стал совсем большой?

Вечером был концерт самодеятельности. Я участвовал в одной сценке. Принимали хорошо, можно даже сказать, очень хорошо. Значит, это нужно людям. Завтра иду в городской наряд по охране столицы.

* Шварцберг Э. — выпускник ГИТИСа, участник Великой Отечественной войны. Впоследствии артист Ленинградского драматического театра имени В. Ф. Комиссаржевской.

НА БОЕВОМ ПОСТУ

Истребительный батальон Красной Пресни расположился в одной из школ района, в теперешнем Шмидтовском проезде. Красный кирпичный дом — Типичная новостройка сороковых годов. В классах — кровати, в коридорах висят наглядные пособия по военному делу, на верхнем этаже в актовом зале — клуб с небольшой сценой. С утра до вечера, а потом и по ночам, нас обучали. Среди добровольцев мало было людей подготовленных; преподаваемое в институте военное дело велось хаотично, да и кто тогда, в годы учения, думал, что предмет этот когда-либо пригодится. Вроде на уроках разбирали винтовки, учились обращаться с гранатой, стреляли в тире... А вот теперь выяснилось, что никто ничего не умеет. То, что прежде было скорее игрой, стало насущным делом. Занимались самозабвенно, особенно те, кто побывал на трудовом фронте, а таких набралось немало. В истребительном батальоне были целые семьи: отец, сын, дочь. Да, девушки тоже. Обучались разным специальностям: снайпера, связиста, истребителя танков, сапера. А по ночам наряды истребителей дежурили на военных объектах, на крышах зданий, патрулировали по Москве.

Сколько «зажигалок» потушили мы за это время, сколько ликвидировали пожаров... Москвичи, не сразу привыкшие к светомаскировкам, забывали иногда как следует затемнить окно, где-то образовывалась щель от плохо пригнанной черной бумаги, а это могло дорого обойтись; истребители заходили в квартиры, предупреждали, помогали исправить «прорехи». Однажды во время очередного налета на Москву фашистской авиации истребители обнаружили в одном из окон мигающий фонарь. Был пойман диверсант, заброшенный в столицу. И это был не единичный случай.

Разбирали завалы возле хлебозавода, ловили уголовников, пытающихся проникнуть в московские квартиры. К нам привыкли, нас узнавали на улицах, часто звали на помощь сами краснопресненцы: «Истребители, сюда, на третий этаж...» И мы шли. Помогали, ловили, успокаивали. А ведь большинству из нас не было тогда и двадцати.

9 сентября

Был на уроке мастерства. Мы, на урок опоздали, стояли у дверей и слушали, эту, который делали Са-

Н

ша Роговин* и Наташа [Качуевская]**. До боли знакомые и близкие голоса. Этюды они делали неважно, так показалось по репликам, которые мы слышали. После окончания этюда вошли в зал. Вот они, мои дорогие друзья — Вера, Лева, Коля, Наташа, Саша и Оля, Сережа и Нина, — такие близкие и такие... Почувствовал себя очень неловко. Владимир Вячеславович Белокуров*** долго смотрел на меня, а затем сказал: «Тебя, Вася, не узнаешь!» Потом обратился к курсу:

— Почему все такие вялые? Почему не получают этюды? (И правда, курс какой-то стал неузнаваемый, инертный, потухший, что ли... Неужели это от войны?)

— Мало мы стали встречаться, мало репетируем, — сказал кто-то.

Владимир Вячеславович прекратил урок и отправил всех на самостоятельные занятия. Все разошлись по аудиториям, а мы с Моней остались одни.

— Отчего они такие? Нас бы «запустить» в эти этюды, мы бы...

Ушли из института растревоженные. Будем делать этюды ночью, в батальоне, когда свободны от нарядов и дежурств, а потом покажем на курсе.

ИЗ СООБЩЕНИЯ СОВИНФОРМБЮРО. 21 сентября 1941 г.

В течение 21 сентября наши войска вели бои с противником на всем фронте. После многодневных, ожесточенных боев наши войска оставили Киев.

23 сентября

Сдали Киев. Это ужасно. Вечером беседовал с политруком. Оказывается, мой Архангельск и в этой войне играет немалую роль.

2 октября

Добились того, что имеем возможность ходить на мастерство актера два раза в неделю. Это мы делаем за счет отдыха после суточного наряда. (Мы дежурируем на

* Роговин А. — выпускник ГИТИСа, впоследствии артист Московского театра имени К. А. Станиславского.

** Качуевская Н. — студентка актерского факультета ГИТИСа, участница Великой Отечественной войны. Героически погибла под Сталинградом в 1942 году. Ее именем названа одна из улиц Москвы.

*** Белокуров В. — народный артист СССР, педагог ГИТИСа, один из руководителей актерского курса.

вышках штаба противовоздушной обороны Москвы. Гасим зажигалки и следим за всякими другими «неожиданностями».)

На курсе начали работу над «Любовью Яровой» Тренева. Сначала будем разбирать пьесу по линии действия. Известие о взрыве Жигловского моста — очень действенный кусок, разбирали его первые два урока. А затем было собрание. В перерыве подошла ко мне Валентина Ивановна и сказала, что я «вырос, изменился, и взгляд стал веселее». А потом спросила, правда ли, что я копал сидя?

Это все Лешка Глазырин* натрепал. Сказал, будто бы я на трудовом фронте, с которого мы недавно приехали, копал противотанковые рвы сидя. Я сказал, что все это враки. И она ответила, что верит, что напридумали. А Кэ-Ин**, оказывается, преподает в институте востоковедения китайский язык. Вот здорово: Кэ-Ин — преподаватель!

Владимир Вячеславович рассказал, что Герка*** прислал письмо в деканат, где выдвигает какие-то проблемы «зрелости актера», пишет, что «познал любовь» и т. д. в том же духе. Вот уж от него не ожидал такого! Приехал со спецзадания Волик****.

А на собрание пришел директор Г. А. Иофин*****. Владимир Вячеславович (Белокуров) сказал, что собрание чрезвычайно серьезное, и призвал нас соответственно к нему отнестись. Белла Давыдовна — наш декан — нарисовала страшную картину дисциплины курса. Оказывается, ребята не считают нужным регулярно ходить на занятия, безобразно ведут себя на некоторых уроках. Как пример вопиющей недисциплинированности она привела случай с Колей Богатыревым ***** и

*Г л а з ы р и н А. — выпускник ГИТИСа, заслуженный артист РСФСР, артист театра имени К. А. Станиславского. Умер в 1973 году.

** С у н - К э - И н — выпускница ГИТИСа. В 1958 г. — художественный руководитель Пекинского молодежного художественного театра. Дальнейшая ее судьба неизвестна.

*** Г р е б е н к и н Г. — выпускник ГИТИСа, впоследствии артист Куйбышевского ТЮЗа.

**** Г л и к и н В. — выпускник ГИТИСа, артист Воронежского драматического театра.

***** И о ф и н Г. — директор ГИТИСа в предвоенные годы, участник Великой Отечественной войны.

***** Б о г а т ы р е в Н. — выпускник ГИТИСа, затем артист МТЮЗа, режиссер радио. Умер в 1973 году.

Алей Титовой*. На уроке западной литературы, когда преподаватель сделала им замечание, Аля сказала, что им неинтересно слушать ее лекции. Преподаватель ответила, что ее урок — урок свободного посещения и они могли бы не приходить. Тогда Коля поднялся и ушел из аудитории. Преподавательница была новая, не знала Колиной фамилии, и никто не захотел ее назвать. Потом выступил директор. Он спросил:

— Кто внес плату за обучение? ** — Ни одна рука не поднялась.

— Кто был на последнем воскреснике? — Ни одна рука не поднялась.

— Кто был на встрече с бойцами-фронтовиками? — Одна-две руки.

— Вот, — торжествующе сказал он, — вот лицо курса! Потом он стыдил ребят, пообещал издать специальный приказ о состоянии курса. Обнародовал выговор Титовой и Богатыреву, а курсу дал срок на исправление — пять дней. И все ушли. С курсом осталась только Валентина Ивановна. Горькими были ее слова, обращенные к нам. Она приехала в Москву, к курсу, из глубокого тыла, оставив умирающую мать. Она говорила:

— Мы старались, чтобы отношения между нами и вами были не отношения подчиненных и подчиняющих, а отношения старших и младших товарищей. Мы старались глубже проникнуть в вашу личную жизнь, помочь во всем, даже материально. Ведь только поэтому Михаил Михайлович, человек чрезвычайно строгий и требовательный, позволил себе зависить некоторым из вас оценки по мастерству актера.

Много еще горьких слов было сказано в наш адрес.

— Теперь мы будем беспощадны к курсу. Пусть останется десять человек, но таких, которые хотят заниматься, которые будут ценить, что им отдают силы, время, средства в это нелегкое для Родины время.

Я был потрясен услышанным. Мы, находясь в батальоне, и представить себе не могли, что те, кто учился, так неблагодарны. Они просто еще не понимают, не знают, что такое быть оторванным от учебы, от курса.

* Титова А. — студентка ГИТИСа.

** В октябре 1940 года в старших классах средних школ, а также в вузах страны временно была введена плата за обучение.

21 октября

Наш батальон из города переведен в Кунцево, на окраину Москвы. Занимаем оборонительный рубеж. Роем укрепления. Опять земля. Сколько же я вырыл ее за последнее время! Пожалуй, более четырехсот кубометров. Солидно. И хотя день целиком занят работой, мысли, неотвязные мысли, возвращают к дням недавним, к товарищам и друзьям курса, находящимся теперь от меня так далеко, за многие сотни, а может быть, тысячи километров.

Вспоминаю последний день, проведенный в институте. Было очень напряженное время — немцы рвались к Москве. Из батальона уже никого не выпускали, мы умолили отпустить нас попрощаться с курсом. ГИТИС отправлялся в эвакуацию.

И мы простились с ними. Особенно тепло с Валентиной Ивановной. Это самая дорогая нам женщина, дорогой наш Человек, соединила нам руки — мы с вами! И мы ушли! Дорогие, так тяжело расставаться с вами, так тяжело... Мы остаемся защищать наш любимый город. Вы вернетесь в него, да? Это от нас тоже зависит, чтобы вы поскорее вернулись. Мы не подведем, надейтесь на нас.

Я часто, нет, ежечасно вспоминаю тот день, когда узнал об эвакуации института. Как потянуло в тот миг опять к вам, моим родным. И пусть Лешка (Глазырин) куда-то выбросил из общежития мои все вещи (остались только валенки и кинодневник), я бы пошел за вами, пошел бы пешком, раздетый. Вы бы меня одели, согрели, оживили, я знаю. Но я защищаю Москву! Мне нельзя. И мы расстались. Может быть, навсегда. А может...

24 октября

Все время комок в горле. Все время гнетет тоска. Я не знаю, как соединить несоединимое. Всем своим существом я предан театру. Без него мне не жить. Опять этот проклятый комок! Писать мешает. Даже слезы за капали — чертовщина какая-то. Кто меня понимает? Кто поймет? Разве война убила в людях чуткость?.. Нет! По себе сужу. Но цель, какая у меня цель в жизни? Учиться и стать хорошим, нужным людям актером. А еще победить фашистов. Какая главнее? Обе сейчас плавные.

Получил письмо из дома. Мама очень скучает. Ко-

мок! Опять комок! Успокоиться надо. Почему я не пишу- тебе, дорога» мама? Чтоб не расстраивать. Что-то раз. шоки лея я, а зачем тебе знать об этом. Трудно собираться. Неужели у меня нет силы воли? Такие знакомые- слова, такое привычное словосочетание: Никогда не думал, что столкнусь с этим не на бумаге, не зрительно, а так ощутимо.

26 октября

Какая прелесть Вальс-фантазия Глинки! Слушая его, забываешь все на свете. Я наслаждаюсь этими чистыми, нежными звуками. И видится... бал. Все танцуют. Но какая-то безысходность, тоска на лицах. Почему? Кончился вальс и... пора собираться. Связал свои вещи. Написал сверху домашний адрес. Так положено. Немцы все бдиже и ближе. Скоро бой. Буду драться ожесточенно. Неужели убьют? Как жаль! Ведь мне восемнадцать. Я только начал жить!

В ЖИЗНИ РАЗ БЫВАЕТ ВОСЕМНАДЦАТЬ ЛЕТ...

Мне тоже было¹ тогда восемнадцать, теперь за шестьдесят. Целая жизнь прошла. Но я помню, какие мы был« тогда романтики и фантазеры, как нелегко давался нам каждый жизненный шаг.

Заноем читали Шолохова и Шекспира, Николая Островского и Войнич, Ильфа и Петрова. В кинотеатрах по десять раз смотрели «Чапаева», «Веселых ребят», «Мы из Кронштадта», «Горячие денечки». Ночами стояли в очереди, чтобы достать билет на мхатовскую «Анну Каренину» или *спектакль* А. Райкина.

А какие вечера в школах бывали в те годы! Все нам было ижгересж), ко всему готовились заранее, сами что-то придумывали, организовывали, помогали друг другу.

Глядя сегодня из восьмидесятых в сороковые, я понимаю, что главной чертой, объединявшей нас в те годы, была одержимость. И еще: умение ценить то хорошее, что получали мы от родителей, школы, страны. Не могу сказать, что мы безразлично относились к своей одежде, помню даже, что первый парадный костюм, полученный мной к шестнадцатилетию и перелицованный из отцовского, стал предметом зависти многих моих одноклассников.

Мы радовались новой школе, в которую перебрались из старой развалюхи на Рождественском бульваре, пионерскому лагерю, расположившемуся под Москвой в снятых у частников одноэтажных деревенских домиках, радовались каждой новой вышедшей книге. Мы не стремились их приобрести — стремились прочитать, поэтому наши портфели каждый день были набиты книгами, которые мы таскали в школу для обмена. Смешно вспомнить, но «Три мушкетера» являлись тогда библиографической редкостью, а томик Есенина передавался нами друг другу так, чтобы не заметили учителя — в те годы это была запрещенная литература.

На демонстрации непременно ходили всем классом, А продукты в наших семьях зимой хранили между оконными рамами, и это был отличный холодильник.

Когда поступили в институты, продолжали встречаться со школьными друзьями, а с однокурсниками вместе готовились к экзаменам. У нас было много друзей, были общие интересы, у каждого была своя цель в жизни.

Нам было по восемнадцать, когда началась война, и мы знали, что идем защищать.

ИЗ СООБЩЕНИЯ СОВИНФОРМБЮРО. 28 октября 1941 г.

В течение 28 октября наши войска вели бои с противником на **Можайском, Малоярсславцеком, Волоколамском и Харьковском** направлениях. Атаки немецко-фашистских войск на наши позиции на ряде участков **Западного** фронта отбиты частями Красной Армии с большими потерями для врага.

29 октября

Вчера перешел в пулеметное отделение. Теперь почти все время в окопе. Или в землянке. Раньше читал об этом в книгах или видел в кино. А теперь... Землянка, Это яма, вырытая в рост человека, а сверху покрытая бревнами и землей. На нарах могут лежать четыре человека. В углу — печурка.

Сегодня закончил зимнюю экипировку: на мне одето две пары нижнего белья (трикотажное и фланелевое), суконная гимнастерка, ватные брюки, фуфайка, шинель, сапоги, шапка и рукавицы. Кроме того, я оставил пиджак, который иногда ношу под фуфайкой.

В рюкзаке на сегодняшний день: банка консервов, 60 штук патронов, томик Тургенева — «Дым» и «Дво-

рянское гнездо», пара нижнего белья, детыре блокнота и ложка.

Говорят, что передвигаемся завтра на новую линию обороны, ближе к фронту. Прощай, первая в моей жизни, землянка. Здравствуй, новая!

30 октября

Стоит паршивая погода. Бесконечный дождь, заливающий окопы. Сильный холодный ветер. В окопе, как в той реке, про которую говорят — «по колено». А мне спокойнее. Уже нет той гнетущей тоски, которая была неделю назад, и все стало на свои места. Прогнать Гиглера, вот что главное. А потом заживем такой жизнью!..

За день не было ни одного выстрела. Мешает погода гадам!

31 октября

Только что выскочил как ужаленный из землянки — духота невозможная. А остальные спят, как ни в чем не бывало. Утро раннее. Дождя ночью не было, и сейчас хорошо просматривается все кругом. Слева Рублевское шоссе (мы на правой его стороне начали рыть новые окопы). Все кругом перерезано траншеями. Впереди и сзади противотанковые рвы. Пусть сунутся, попробуют!

МЫ ВИДИМ ТАНКИ

И сунулись, но...

Вдоль всего Рублевского шоссе, с правой стороны, если ехать из Москвы, были вырыты (о чем пишет в дневнике Вася) индивидуальные окопы, точнее окопчики, расположенные по отношению друг к другу в шахматном порядке. Между ними — ходы сообщения. Сам окоп — это яма глубиной в человеческий рост и очень небольшая по окружности, на одного человека. На уровне рук — углубление для противотанковых гранат и бутылок с горючей смесью. Отдельно лежат запалы.

Круглые сутки, сменяя друг друга, несем мы вахту. Стоя, потому что присесть невозможно.

Мы все еще не верим, что враг подойдет так близко к Москве, хотя знаем, что некоторые наши роты уже ведут бои под Наро-Фоминском.

Однажды ночью, дежуря в таком окопчике, мы услышали нарастающий шум танков. По окопам пронеслась

команда: «Гранаты к бою!» Вставлены запалы. Руки дрожат. Шум усиливается. Вот уже видны силуэты танков. И вдруг: «Отбой!» Ничего не понимаем. Танки движутся по шоссе в сторону Москвы, а нам не разрешают их атаковать.

Все разъяснилось довольно просто. По окопам пробежал связной и сообщил, что это наши тянут захваченные в боях трофейные машины. Так мы впервые встретились с немецкими танками.

Вспоминая сегодня эту встречу, признаюсь честно: было страшно. Даже очень. Но то, что бойцы своими глазами увидели эти машины с черными крестами, покореженными пушками, продырявленной броней, отложилось в сознании надолго, и в последующих боях, вспоминая эту ночь, мы говорили себе: вражеские танки уязвимы, их можно уничтожить.

7 ноября

За эту неделю произошло очень многое, о чем я сейчас буду писать. Во-первых, я получил письма. Целых пять писем! Из Архангельска, Воронежа, Барнаула, Еревана. Север — юг — запад — восток. Из дома пишут, что Володя возвратился из колхоза, что выпал снег. А мамино письмо расстроило. Эта исключительно честная женщина — моя мама — не допускает мысли, что я не пишу. Думает, что письма не доходят, пропадают. Стыдно-то как! Ничего, дорогая, скоро увидимся, непременно увидимся!

Из Воронежа пришло письмо от Володи Карпова *. Он все еще в Госстройтресте, в том самом, в котором и я провел полтора месяца трудового фронта. Никак не соберусь ему написать. Он мне приснился однажды. Этаким гордым рыцарем. Я его восторженно встречаю, вернувшегося с трудфронта, а он как-то холодно меня отстраняет — месть за мое молчание. И правильно. Так мне и надо!

Барнаульское письмо от Бори Вахрушева **. Строки полны глубокой тоски по вместе прожитым дням. Пишет, что в театры больше не ходит, чтобы не растравлять себя, и окончательно потерял надежду на возврат к любимому делу.

Ну и зря это он! Право, зря! Нельзя терять надеж-

* Карпов В. — выпускник ГИТИСа.

** Вахрушев Б. — выпускник ГИТИСа, артист Барнаульского драматического театра.

ду — все образуется. Последнее письмо от Жени Нерсисяна*.

Вот они — мои друзья! Мне с ними и радостно, и тяжело, когда им больно. И я не один. Вон их сколько у меня! И все «пришли на свидание» в один день. А сколько еще тех, которые придут завтра, послезавтра...

РАЗНОЦВЕТНЫЕ ТРЕУГОЛЬНИКИ

У Васи было много друзей, он вел обширную переписку. Мы удивлялись, сколько писем приходило к нему с каждой почтой. А он говорил: «Письмами проверяется дружба. В войну они искренни, без фальши. Будем перечитывать их после Победы и очень многое поймем. А сейчас они нас делают сильными и смелыми».

Он и сам писал часто и много. Это была потребность рассказать о себе, узнать, что и где происходит с каждым из его друзей, кому-то посочувствовать, кого-то подбодрить.

В каждом получаемом им письме приходили новые адреса, он умудрялся разыскивать своих друзей, перебивших воинские части, уехавших в эвакуацию. А Вася все писал, писал, используя каждую свободную минуту.

Некоторые из его писем вы уже прочли, другие, чудом сохранившиеся, прочтете дальше. В этих письмах он не только расспрашивал, фиксировал события, он был отличным психологом и комментатором.

Письма фронтовых лет! В моем архиве их много. Разных размеров, различных цветов. Сейчас трудно поверить, что писались они порой на оберточной бумаге, обратной стороне бухгалтерских отчетов, широких полях старых книг, даже обоях, содранных со стенки.

Как они были нам нужны! Как мы их ждали!..

Не только строчки о жизни друзей и близких, не только пожелания успехов находили мы в них. Когда «Правда» напечатала стихотворение К. Симонова «Жди меня», не было письма, в котором не оказалось бы таких нужных нам слов, переписанных рукой любимой, — ведь каждого из нас кто-то ждал. А мы посылали в от-

* Н е р с е с я н Е. — студент ГИТИСа, затем артист одного из театров Армянской ССР.

вет «Василия Теркина» — поэма А. Твардовского по главам печаталась во фронтовых газетах. А статьи И. Эренбурга, М. Шолохова, Б. Горбатова, Б. Полевого! Они вкладывались в разноцветные треугольники, совершали длинную дорогу и зачитывались до дыр.

Многие солдаты сами начали писать стихи. Корявые, неумелые, но искренние. Война рождала поэтов. Проза военной жизни требовала поэтической отдачи. Не случайно многие сегодняшние поэты моего поколения начали писать стихи на фронте.

8 ноября

Заходил Толька *. Командование полка поручило ему устраивать в частях концерты, киносеансы, и поэтому предоставило возможность свободных поездок в Москву. В одну из таких поездок он зашел в институт и увидел объявление, извещавшее всех, имеющих отношение к институту, что 6 ноября в два часа дня состоится торжественное собрание, посвященное Октябрю.

В тот же день он встретил Елизавету Федоровну Сарычеву **, которая очень просила его прийти, если он сможет. Толька, конечно, не растерялся и ровно в два часа пришел.

Собрание проходило в кабинете директора. Стоял стол, на столе чай, скромная закуска. Собралось человек сорок. Из преподавателей были: Елизавета Федоровна Сарычева, Нина Павловна Збруева, Дживилегов, Игнатов, Зись и др. Из нашего курса, оказывается, не уехали Аля Титова и Наташа [Качуевская]. Были еще Толя Васильев***, Мила Шапошникова****. Ну а потом — театроведы. Толя называл их фамилии, но я их не знаю.

А. Зись, как всегда, говорил много и интересно. Он теперь редактор фронтовой газеты. Потом Нина Павловна прочла письмо от бывшего директора института Г. А. Иофина. Он на фронте. Письмо было теплое, заботливое. Решили тут же ответить. И сочинили два варианта: «патетический» и «лирический». Первый начинался: «Дорогой Григорий Аронович! Получили ваше

* В. Пластинин имеет в виду автора этой книги.

** Сарычева Е. — педагог ГИТИСа, профессор.

*** Васильев А. — участник Великой Отечественной войны, разведчик.

**** Шапошникова Л. — выпускница ГИТИСа, народная артистка РСФСР, артистка Театра имени Моссовета.

письмо» и т. д., второй — «Дорогой наш друг Гришенька, как мы Вас называем...» Письма приняли с восторгом и решили послать оба варианта за подписью всех присутствующих.

Затем выступил Дмитрий Данилович Данилов, парт-орг института, с сообщением об эвакуированных. Вкратце дело обстоит так: большая часть института находится вне Москвы. Первая партия, вышедшая из Москвы пешком, села затем на поезд и благополучно доехала до Горького, откуда была получена телеграмма, что они направились на юг. Вторая группа, уехавшая с эшелоном МХАТа и консерватории, приехала в Саратов.

Студия Коми в полном составе уехала в Сыктывкар. Неужели и Окунчиков с ними уехал?

ПИСЬМО ИЗ СЕГОДНЯ

Все было так, как описывает Вася. Я его помню: невысокий, светлый, а глаза такие лучистые. Я была в их части, когда они стояли в районе Кунцева с концертом. И мы с ним долго разговаривали, потягивая из кружек солдатский сладкий чай.

Мне трудно сейчас, спустя много лет, вспомнить, о чем мы тогда с ним говорили, но его влюбленность в театр, в родной институт, его убежденность в правильности избранной им профессии я помню до сих пор. Это сквозило и в каждом его письме, которые он присылал нам в Саратов.

*Людмила Шапошникова,
народная артистка РСФСР,
артистка Театра имени Моссовета.*

17 ноября

Вчера утром пошел к врачу. Замучился с ногой — болит. Уйма народу. Жду уже часа полтора, как вдруг вбегает боец моего отделения Легков и говорит, чтобы я в полном боевом и с вещмешком явился к командиру роты. Немедленно. Ушел я от врача, так и не попав к нему на прием, и помчался, вернее, заковылял к командиру. По дороге встретил Авдокушина и Моню. Их тоже вызвал комроты. Все вместе строили тысячи предположений. Старшина потребовал сдачи оружия и направил нас в штаб полка. Вышли на Можайское шоссе. До штаба далеко. Хотели подъехать, но машины

не останавливаются. Но вот одна из мимо мчавшихся, полуторка, притормозила. Шофер-девушка вняла нашим просьбам, пустила в кузов. Но откуда-то налетела уйма народу, все они понабились в кузов, так что борт затрещал. Шофер заявила, что не поедет, пока не сойдут. Часть сошла. Доехали мы до Филей — пункт нашего назначения. А когда слезли с машины, присмотрелся я к шоферу и увидел, что это очень красивая девушка — смотрел бы на нее, не отрывался.

Штаб полка оказался в бывшем родильном доме. Там уже был Орест Шевцов*, кстати, первый получивший боевой орден в истребительном батальоне. Он сказал, что, кажется, нас направляют во вновь формируемую роту противотанковых ружей. Каково! Мой «удельный вес» стремительно растет: от ружья обыкновенного к противотанковому. Кстати, и вес ружья, по-моему, значительно возрастает!

24 ноября

Как долго я не писал. Произошло немало событий, попробую вспомнить. Наутро после того дня, о котором уже говорил, мы действительно оказались в роте противотанковых ружей. Направляли в нее молодежь, преимущественно комсомольцев. Командир — девятнадцатилетний лейтенант — произвел хорошее впечатление. За два дня изучили противотанковое ружье и ручной пулемет. А жили в школе, где в одном из залов стоял рояль. Арбатский из первой роты (он консерваторец) — играл Шопена, Рахманинова. Музыка — это волшебница, которая все муржет, я в этом убедился, когда глядел на ребят, а пианист жаловался, что трудно играть без педали.

А еще в школе был телефон. Но по нему можно было звонить в Москву — и мы позвонили. В ГИТИС. Подошла Наташа [Качуевская], по счастливой случайности оказавшаяся в институте. Она «ошеломила» нас последними новостями. Наш курс, оказывается, распался. До Саратова никто не доехал. Юля Сазонов** и Саша Роговин поехали из Горького куда-то к Юлькиной тете, Лиза Солодова*** у себя в Рыбинске. Много наших

* Шевцов О. — журналист, в 1970-х годах заместитель главного редактора газеты «Советский спорт».

** Сазонов Ю. — выпускник ГИТИСа, артист Москонцерта.

*** Солодова Е. — выпускница ГИТИСа, впоследствии народная артистка РСФСР, артистка Малого театра.

в Москве, человек десять. 19 ноября актерский факультет начал занятия. Все курсы занимаются вместе. Мастерство ведет Вронская, сценическую речь — Сарычева, танец — Шаломытова; еще есть один какой-то предмет теоретический. А немцы — под Москвой!

МЫ СОЗДАЕМ АГИТБРИГАДУ

Как-то меня неожиданно вызвали к комиссару полка Колесникову.

— Надо создать агитбригаду для обслуживания частей. В полку много профессиональных артистов, есть студенты театральных институтов, музвзвод. Надо собрать всех, подготовить программу и дать концерты в частях.

— Но обстановка... — попытался возразить я.

■ — Вот именно, поэтому и надо, — сказал комиссар. — Кто думал, что 7 Ноября будет парад на Красной площади? А он состоялся. Никто сегодня не ждет концертов, когда враг под Москвой, а они должны состояться, они нужны сейчас нашим бойцам как никогда.

О старшем батальонном комиссаре Колесникове я всегда вспоминаю с волнением и благодарностью. Был он до войны, кажется, профессором Московского университета, необученным, как и многие наши комиссары, военному делу, но прекрасно понимавшим души солдат, их желания и потребности. Редко бывал комиссар в штабе полка, все больше в частях, деля невзгоды с рядовыми воинами. Он мало чем напоминал кадрового командира, был круглолиц и розовощек, носил пенсне, разговаривал вежливо, но убежденно.

— Вы обучались искусству, — сказал он мне, — это великое оружие, которое сегодня нужно нашим бойцам не меньше, чем автоматы и минометы. Оно должно стрелять, а ваше дело отладить его и пустить по нужному направлению.

В наших частях было действительно немало профессиональных артистов: певцы Иван Титов и Валентин Шинковский, пианист В. Венков, поваром служил великолепный трубач О. Степанян. Были студенты консерватории, театрального института, участники самодеятельности.

В тот же день я отправился по частям в поисках талантов. А уже наутро комиссару был представлен список предполагаемых членов агитбригады.

25 ноября

Нас'опять перевели. Меня и Моню. На этот раз в агитбригаду. Всего нас 23 человека вместе с музвзводом. Оказывается, в каждой дивизии есть музыкальный взвод. Война и искусство — однополчане. Здорово! Хотя непривычно. Работаем с энтузиазмом. Через день — первое выступление. Нужен хор, но нет тенора. После глубокомысленного размышления наш хормейстер решил, что тенор — это я! И вот хор, усиленный моим тенором, начал репетировать. Два дня лез из кожи, вытягивая «ко-о-выльная, родимая сторонка» и «от мо-оря до мо-о-ря...». К концу второго дня засип. Хорошо, хоть в день первого концерта пожалели — не открывал рот полдня.

В четыре — первый концерт в той самой роте противотанковых ружей, где служил двое суток. В шесть — в еще какой-то части по соседству. Решив, что это последний на сегодня концерт, в финале так на совесть «тенорил», что вновь посадил свой «натренированный» голос. А потом оказалось, что будет еще один концерт, третий, в медсанбате. Там нам очень обрадовались, были знакомые по Краснопресненскому истребительному. Рая Иванченко, наша орденоноска, организовала ужин: по тарелке супа и кружке чая (с сахаром).

Запомнился мне повар медсанбата — здоровенный парень с обаятельным русским лицом, обладатель мощного баса. «Застольную» Бетховена он пел удивительно красиво, а песенку из кинокартины «Юность Максима» несколько необычно, примерно так.

Сколько раз из-за вас
Мучился, томился,
Один раз, ейн, цвей, дрей.
Из-за вас, ейн, цвей, дрей,
Чуть не удавился!

А наш концерт, хоть и устали мы здорово, прошел с успехом. Нам даже кричали: «Браво!»

После концерта Монька-о чем-то долго разговаривал с какой-то миловидной блондинкой и жал ей, расставаясь, руку. Ночью она ему снилась. Он улыбался во сие. Значение этой улыбки передать на бумаге не могу — в ней заключается главная сила его обаяния.

26 ноября

Забыл написать, что разместились мы в деревне Мазилове. Небольшая такая деревушка на окраине Москвы, между Москвой и Кунцевом. Если ехать из Москвы, это на правой стороне шоссе. А по левой стороне не то бывшая мельница, не то еще какое-то одинокое строение, в котором располагается штаб батальона. Там мы дневалили. Почему-то, когда мы стояли там ночью в карауле, это называлось «дневалить». Никак не могу понять, как это ночью — дневалить? А морозы выдались удивительные. Уж на что я северянин, так и то здорово мерз.

А тут деревушка. И хатка двухэтажная, иначе это строение не назовешь. Заняли мы весь дом, а нас все же 23 человека — музвзвод и агитбригада. Комната, где я живу, черная-черная, как, впрочем, и все помещения. То есть в каком смысле черная? Стены бревенчатые и от времени почернели. Но это не страшно. В этом есть даже что-то первозданное, что ли.

После окопной жизни, после сна по три-четыре часа в сутки настали золотые денечки под крышей и теплые ночки на деревянном полу.

МЫ РЕПЕТИРУЕМ

Старожилы Москвы, вероятно, помнят деревню Мазилово, недалеко от Кунцева. Теперь там новый микрорайон, а в те годы была маленькая деревушка с десятком двухэтажных покосившихся домиков да двумя-тремя десятками небольших одноэтажных строений с печным отоплением и водой на дворе.

Вот в одной из таких хат мы и репетировали. Здесь же жили. После окопов и землянок такое жилье казалось роскошным и привилегированным. Дощатый пол, на котором мы спали, крыша над головой долго потом будут сниться нам в наших последующих походах.

С чего начинать? С репертуара, это ясно. А где его взять? Моя поездка в Москву увенчалась успехом. В отделе распространения агентства авторских прав познакомился я с отзывчивой, чуткой женщиной, ведающей репертуаром. До сих пор помню ее — Александра Дмитриевна Серикова. В те дни военный репертуар только создавался, большинство поэтов, писателей, композиторов были на фронте, но Александра Дмитриевна умуд-

рилась наладить с ними переписку и получала от них шшгое из того, что публиковалось во фронтовых газетах. А печаталось все это на папиросной бумаге убористым шрифтом. Бумага к тому времени уже стала дефицитом.

Репетиции шли напряженно, с раннего утра до позднего вечера. Мы все сознавали, что чего-то не хватает в нашей программе, хотя были в ней и стихи, и песни, и даже какие-то сценки. А потом поняли — нужен свой репертуар, из жизни нашей части, песни про наших героев, сценки про нерадивых бойцов. Стали писать сами, что-то придумывать, импровизировать. Спасибо А. Раскину, служившему в одной из наших частей, профессиональному литератору, — помог. И в дальнейшем на все годы войны «свой» репертуар стал одной из отличительных черт нашей дивизионной самодеятельности.

23- ноября

Готовим вторую программу. Я учу стихи Маяковского и немецкого поэта Эриха Вайнерта. Монька уздаал, это блондинка Рая замужем. Ха-ха-ха! Я ему посочувствовал. Последние дни у мевя что-то веселое настроение. Кончится это, как всегда, печально. Заступаю на дневальство.

29 ноября

Утром пошли на комсомольское собрание. Выборы комсорга и другие вопросы. Вечером концерт на сборе политруков. Встретили политрука 2-й роты Мельников ва. Спросил, как мы живем в роте ПТР, а когда узнал, что мы в агитбригаде, крепко выругался. Оказывается, он посылал лучших комсомольцев, а их... он сделал выразительный жест... как бы ударяя в тарелки и барабан. Выступали в нетопленных помещениях, в шинелях. Коченели руки ноги. А надо было улыбаться и делать вид, что тебе тепло.

красноармейская АГИТБРИГАДА

Из статьи в дивизионной газете «Вперед, за Победу!»
(ноябрь 1941 года)

Там, где комиссаром т. Колесников, успешно работает небольшая агитбригада — 12 человек. Художественными средствами она воодушевляет бойцов на предстоящие бои, разоблачает наглого и

подлого врага, доставляет красноармейцам разумный, культурный отдых.

В каждую программу включаются песни, пляски, игра на баяне, гитаре. Бригада живо откликается на все текущие события, составляет злободневные стишки, сценки, вводя новый материал в конферанс.

Много усилий вкладывает в работу бригады ее талантливый руководитель — боец-комсомолец т. Борисов. Он же конферансье. Во время выступлений он пользуется случаем для боевой агитации живым словом. Агитбригада завоевала авторитет среди бойцов.

Старший политрук *И. Алампиев*

ИЗ СООБЩЕНИЯ СОВИНФОРМБЮРО. 12 декабря 1941 г.

В ПОСЛЕДНИЙ ЧАС

ПРОВАЛ НЕМЕЦКОГО ПЛАНА ОКРУЖЕНИЯ
И ВЗЯТИЯ МОСКВЫ

Поражение немецких войск на подступах Москвы

С 16 ноября 1941 года германские войска, развернув против Западного фронта 13 танковых, 33 пехотных и 5 мотопехотных дивизий, начали второе генеральное наступление на Москву.

Противник имел целью, путем охвата и одновременного глубокого обхода флангов фронта, выйти нам в тыл и окружить и занять Москву...

6 декабря 1941 г. войска нашего Западного фронта, измотав противника в предшествующих боях, перешли в контрнаступление против его ударных фланговых группировок. В результате начатого наступления обе эти группировки разбиты и поспешно отходят, бросая технику, вооружение и неся огромные потери...

После перехода в наступление, с 6 по 10 декабря, частями наших войск занято и освобождено от немцев свыше 400 населенных пунктов...

ЭШЕЛОНЫ ИДУТ НА ВОСТОК

В конце 1941 года, находясь на подмосковных рубежах, мы частенько дежурили у небольшого железнодорожного переезда. Днем и ночью бесконечной вереницей шли мимо нас воинские эшелоны на фронт, а на встречу двигались эшелоны на восток.

Эвакуация! Наше поколение помнит, что это такое. Столь массового перебазирования миллионов людей,

оборудования, ценностей, пожалуй, еще не знала история.

В свое время в нашей центральной печати были опубликованы цифры, свидетельствующие о колоссальной масштабности эвакуации. Они удивительны, эти данные. Так, например, в июле — ноябре 1941 года было эвакуировано 1523 промышленных предприятия. В тыловые районы вывезено более 12 миллионов человек. Только из Москвы к концу ноября сорок первого года эвакуировали 498 крупных предприятий, 145 вузов, десятки НИИ. В тяжелых условиях делалось все, чтобы сохранить будущим поколениям культурные ценности. Редчайшие экспонаты Оружейной палаты Московского Кремля, Музея Революции, Исторического, Пушкинского музеев, Третьяковской галереи были отправлены на восток.

Только из Ленинградского Эрмитажа вывезли более миллиона экспонатов. Были полностью эвакуированы 66 крупнейших музеев из пятнадцати областей РСФСР.

Заводы на востоке быстро разворачивали производство продукции для нужд армии. Уже в конце 1942 года наша страна значительно превзошла гитлеровскую Германию по производству боевых самолетов, танков, орудий.

И если сегодня западная пропаганда пытается доказать, что техническое оснащение Красной Армии во время войны якобы было в значительной степени обеспечено поставками из США и Великобритании, то опубликованные цифры говорят обратное — поставки по ленд-лизу в те годы составляли всего четыре процента производства промышленной продукции нашей страны.

Ничего этого мы, конечно же, не знали, смотря на проходящие эшелоны. А когда в конце 1942-го в армии стало явно ощущаться прибавление техники и боеприпасов, мы не очень-то представляли себе, какой ценой все это досталось.

9 декабря

Долго не писал — некогда. Да и трудно наверстывать, когда запустишь. А я за это время приобрел навыки в... пилке дров. Хотя сам — коренной северянин, выросший в лесах, а никогда еще не встречался с этим видом работы. И уж, конечно же, никогда не думал, что буду пилить саженные подмосковные леса. Подмос*

ковные! Для противотанковых завалов! Место нашей работы в десяти километрах от Можайского шоссе. Ночевали здесь две ночи. И 5 декабря здесь провели. День Конституции. А мы не праздновали.

15 декабря

За эти дни дали шесть концертов. Один в штабе дивизии. Всюду принимали очень хорошо. Комиссар дивизии даже вынес благодарность.

Люблю после концерта, поздним вечером, посидеть у наших старших товарищей. Они рассказывают интересные истории. Из жизни. Вот старшина наш, Михаил Сергеевич Львов, мой земляк, человек немолодой и много повидавший, рассказывает о Севере, Чукотке. Интересно!

2 января 1942 г.

Вот и еще один год прошел. Нет прежнего Васи, каким он был год назад. Жаль. До слез. А может быть, я ошибаюсь?.. Захотелось почему-то восстановить в памяти встречу Нового года.

С утра ходили в баню. Все-таки Новый год надо встретить чистым. Потом поехали, а кое-где пошли по батальонам. Давали концерты. Первый в боевом охранении — это наша родная третья рота, где мы прослужили два с половиной месяца. Не все нас встретили хорошо: вот, мол, были в строевой части, а теперь... Но большинство были нам рады. После концерта меня остановил Борис Мазин — пом. политрука роты — и сказал:

— Ну, Вася, из тебя выйдет артист, запомни мое пророчество.

Что ж, спасибо ему. Но меня это не обрадовало, а где-то внутри, глубоко где-то, оборвалась маленькая струнка, и долго звук этот был во мне.

Дали еще один концерт, и еще, а потом пошли встречать Новый год в расположение бывшего 5-го взвода. В столовой собрался актив полка. Было начальство. Наш оркестр играл, а мы стояли и смотрели, как провозглашаются тосты и опустошается стол. И стало тоскливо и противно, когда увидел, как наш капельмейстер с лакейской услужливостью взмахивал палочкой, стараясь предупредить малейшее желание сидящих за столом. Не всех, конечно. И я подумал: а вдруг заставят выступать нас? Как я буду играть? Не знаю.

К счастью, не заставили. А когда все ушли, нас посадили за стол и выдали по 100 граммов и на закуску гуляш. Удивительно, но вкусно... я имею в виду гуляш.

ВСПОМИНАЯ ПЕРВЫЙ ГОД ВОЙНЫ

Многое в тот первый год войны казалось нам непонятным. Мы вспоминали слова популярной недавно песни: «Мы мирные люди, но наш бронепоезд стоит на запасном пути», и не могли понять, что же случилось с нашим «бронепоездом»? Почему немцы дошли до Москвы?

Были Хасан, Халхин-Гол, была финская кампания, были победы. А сейчас вот война, начавшаяся где-то далеко, на наших западных границах, докатилась до столицы.

Когда фашистов погнали от Москвы, мы считали это началом конца войны, наивно предполагая, что, коли они сумели дойти до Москвы за каких-то пять месяцев, то обратно мы их погоним значительно быстрее. Если бы кто-нибудь тогда сказал, что впереди годы боев и сражений...

Правда, бойцам нашей дивизии было не так тяжело, как другим, мы не знали еще, что такое бой, атака, хотя слово «бомбежка» обрело для нас реальный смысл.

Впервые с фашистскими самолетами нам пришлось встретиться в июле 41-го на трудовом фронте. Мы видели кресты на крыльях и фюзеляжах, иногда различали лица летчиков, но было это в открытом поле — мы не видели следов разрушения, только воронки. А в Москве 41-го...

Самый центр города — Красная Пресня, Арбат, Петровка, площадь Дзержинского — уже зиял громадами разрушенных домов. «Граждане, воздушная тревога!» Вой сирены, и тысячи москвичей, спешащих в бомбоубежища.

Несколько ночей и я провел там. Однажды сигнал тревоги застал меня дома, на Неглинной, и я вместе с жильцами отправился в ближайшее укрытие, расположенное в складских помещениях Петровского пассажи. Подвалы переполнены. Скамейки, ящики. На них женщины и дети. Многие засыпают, едва заняв места.

Отчетливо слышны залпы зениток. Разговаривают шепотом. Обстановка напряженная.

В тот вечер бомба упала где-то рядом, на Петровке. В подвале посыпалась штукатурка, проснулись и заплакали дети, запричитали женщины, упала в обморок старушка. Страшно вспомнить.

Как точно написала потом Ю. Друнина:

Я только раз видала

рукопашный.

• Раз — наяву. И тысячи —

во сне.

Кто говорит, что на войне не страшно,

Тот ничего не знает о войне.

Здесь тоже была война, все прекрасно понимали, что стеклянная крыша пассажа не спасет даже от самой легкой фугаски.

В другой раз воздушная тревога застала нас у Большого театра, и мы попали в метро. Спустились по эскалатору и увидели платформу, заставленную лежанками, такими, как нынче на пляжах. Сотни детей и женщин лежали на этих деревянных настилах; кое-кто уже приспособился и приносил с собой детский матрасик, одеяло, подушку. Поезда не ходили, и тем, кому не хватило места на платформе, располагались на путях.

Мы, несколько молодых ребят, вошли в туннель и по нему добрались до станции «Площадь Маяковского», где увидели ту же самую картину. Нам повезло, тревога на сей раз была непродолжительной, и мы вышли из метро часа через два.

В ту ночь у меня умер отец. Он лежал в больнице имени Склифосовского. Накануне я был у него. Все больные и раненые находились в подвальных помещениях. Чистота и порядок. Отец чувствовал себя лучше. Я говорил ему о своих делах, военной службе, товарищах. А потом я ушел, а он, как мне после рассказали, долго прислушивался к залпам зениток, гадал, где падают бомбы, а вскоре попросил чаю и заснул. И не проснулся.

Уже после я понял, что был «счастливчиком»: знал, где умер отец, сам хоронил его. А сколько людей до сих пор не знают, где погибли их отцы, братья, дети.

Москва же продолжала жить напряженной фронтовой жизнью; затемнение, «ежи» на улицах, аэростаты в небе, мешки с песком у витрин магазинов, зенитки на

крышах, театр Красной Армии, расписанный в причудливые краски в целях маскировки, продуктовые карточки, — все доселе неназываемое, непривычное, тревожное.

И в то же время работающие кинотеатры, концерты в зале Чайковского, спектакли популярного в тот год театра «Ястребок», которые игрались в помещении теперешнего Театра имени Станиславского на улице Горького.

Я забрел туда однажды в поисках репертуара. Интересные актеры, программа, составленная из скетчей, миниатюр, песен. А в антракте — танцы. И всегда полно народу. Как-то не вязалось все это с тем, что враг под Москвой, что где-то рядом идут бои...

Работал в те дни в столице еще один театр — ■ «Театр агитобозрений». Его руководителем был замечательный советский режиссер А. М. Лобанов. (Мог ли я предполагать тогда, что, вернувшись после войны в ГИТИС, попаду к нему на курс.) Из актеров помню Р. Плятта, М. Волкову.

Спектакли свой театр давал в Большом Гнездиновском переулке, в подвале огромного десятиэтажного дома, что создавало дополнительные удобства зрителям — театр работал как бы в бомбоубежище.

Спектакль, который показывала труппа, назывался, кажется, «Наша Москва». Это было обозрение; действие его разворачивалось в каком-то музее, где несли дежурство комсомольцы-ополченцы, на глазах которых оживали музейные экспонаты, рассказывающие об истории нашего народа. Были здесь персонажи «Войны и мира», «Тараса Бульбы», читал стихи воскресший Денис Давыдов. Был и какой-то водевиль времен Наполеона. Здесь услышал я впервые и ставшую впоследствии знаменитой песню Д. Шостаковича «Фонарики».

По лицам зрителей, по их реакции чувствовалось, как благодарны они актерам, как нужно им сегодня их искусство.

Невольно вспоминаются строчки из Васиного дневника: «Война и искусство ■ — однополчане!»

6 января

Вчера в Кунцевском клубе был концерт московских актеров. С большим триумфом прошел. Особым успехом пользовались артисты Днепров и Оганезова Татьяна Сумбатовна, и еще Княжинская и Дементьева,

кажется. Какие великолепные актеры у Юрия Александровича Завадского. Толька ходил именинником, ведь перед войной он учился у Завадского и называет себя его учеником; говорит, когда война кончится, вернется непременно на его курс.

После концерта всех актеров, накормили ужином. Видно, им тоже несладко живется, потому что ужинали они с удовольствием, хотя делали вид, что не очень голодны. Командир части приказал отвезти их ночью домой на машине и вручить каждому по две банки мясных консервов, только осторожно, чтоб не обиделись. Толя потом рассказывал, что они приняли этот дар с благодарностью, но очень достойно.

МОСКВА, ЯНВАРЬ 1942-го

Помню эту ночь. Лютый мороз, холодный автобус. Мне поручили развезти актеров по домам, а жили они в разных концах Москвы. Чувствую, что устали, замерзли, но вида не показывают. Расспрашивают о нашей жизни, о тех, перед кем только что выступали. Сообщил, что до войны учился на курсе Ю. А. Завадского (он руководит их театром, который сейчас эвакуирован в Алма-Ату), с упоением рассказывал об уроках Юрия Александровича, о своих товарищах по институту.

Автобус кружил по заснеженной Москве. Несколько раз нас останавливали патрули и проверяли документы. Около четырех утра последняя остановка в Мамоновском переулке — здесь живет Т. С. Оганезова. Прощаемся. Прошу передать привет Ю. А. Завадскому.

— Он завтра уезжает в Алма-Ату, к театру, — говорит Татьяна Сумбатовна.

На обратном пути машину занесло, и она перевернулась. Отделался легкими ушибами.

На следующий день, созвонившись с Юрием Александровичем, поздно вечером отправляюсь на вокзал. Поезд Москва — Алма-Ата. Безлюдный перрон. А вот и Завадский, красив, подтянут. Рассказываю о своих однокурсниках, Юрий Александрович — о задуманных им спектаклях, которые собирается поставить в театре. Подходит женщина, нас знакомят. Это Валентина Серова, популярная в те годы актриса. Разговор идет об их совместной работе. Трогается поезд... И вот мы идем

по ночной Москве. И вновь разговор о театре, о Юрии Александровиче, о его спектаклях. Молодой, еще не состоявшийся режиссер и уже опытная актриса! Разговор идет на равных — это она задала такой тон. С увлечением говорит о новой роли, просит совета... Возвращаюсь в часть окрыленный и долго делюсь с Васей впечатлениями об этой встрече.

9 января

Сегодня — незабываемый день. Вернее, вечер. Приезжала агитбригада ГИТИСа с концертом. Нам сказали днем, что вечером будет концерт во втором батальоне. Я пошел и увидел... Алечку Титову. Вот радость-то была! Обнялись, расцеловались, поговорили о жизни. Только мало пришлось говорить — торопили с концертом. После них выступала наша агитбригада. И хотя зал принимал нас великолепно, сами мы ужасно волновались. Подробно описать этот вечер я не сумею и не смогу...

А Я ПОПРОБУЮ

Я заехал за ними в ГИТИС днем, договорившись заранее о концерте с Наташей Качуевской. Она была комсоргом ГИТИСа, и организация всех шефских концертов проходила через нее. Об этом удивительном человеке, любимце всего института, в Васиных дневниках написано много, не буду забегать вперед. Знал бы я в тот день, что вижу ее в последний раз...

Наташа сказала, что желающих поехать на концерт много, но она отобрала двенадцать человек (я предупредил, что автобус будет небольшой). И мы поехали.

Концерт прошел, как и пишет Вася, с большим успехом. А после студентов ГИТИСа выступила наша агитбригада. Мы очень волновались — ведь на концерте присутствовали наши товарищи, мы как бы отчитывались перед ними. Очень помогли нам зрители, бойцы родного второго батальона. А когда в финале мы все вместе вышли на сцену, зал встал, горячо аплодируя.

Уже прощаясь, у автобуса, ребята нам говорили:

— Вы счастливые, у вас такой замечательный зритель!

10 января

Сегодня чудом вырвался в Москву. Конечно же, поехал в институт. Видел Наташу [Качуевскую]. Как она меня встретила... Извинилась, что не смогла вчера приехать с ребятами на концерт — дежурила в райкоме комсомола. Сказала, что ребята очень хвалили нашу программу и меня. Если бы она знала, как нужны мне были именно сейчас эти слова.

Иногда задумываюсь: то ли я делаю в это трудное время? Учился на автоматчика, потом на пулеметчика, а в результате мною «выстрелили» в агитбригаду. Имею ли я право, моральное право, заниматься искусством, когда многие мои сверстники оторваны от своих профессий и сидят в окопах? А я живу хоть и в плохом, но домике, сплю на деревянном полу, над головой крыша, сравнительно тепло. Правда, работаю я в полную силу, не берегусь, отдаю людям все, чему меня научили за год в институте.

Ребята сказали Наташе, что я очень эмоционально читаю, играю сценки. А как же может быть иначе? Ведь я играю для тех, кто живет сейчас в очень трудных условиях, ежеминутно подвергается опасностям. Знаю, сам побывал в их «шкуре».

Поделился сомнениями с Наташей. Она сказала: «То, что умеешь ты, — умеют немногие. Ты должен был лишь после окончания института, то есть через четыре года волновать сердца людей, нести им радость. Жизнь укоротила эти сроки. Искусство необходимо людям, особенно когда им трудно...»

Ушел из института какой-то окрыленный. Умница, Наташка, все расставила по своим местам. И говорила просто, душевно как-то.

Вечером давали концерт для колхозников деревни Мазилово. Очень много народа было, великолепно принимали. А я, окрыленный после встречи с Наташей, играл особенно вдохновенно. Даже охрип немного. В перерыве мне передали «за кулисами» крынку молока. Парного. Выпил с удовольствием. А крынку даже не знал кому вернуть.

11 января

Вчера вечером, как обычно, зашел в комнату к старшим товарищам, я люблю у них посидеть. Захожу, а один из музыкантов, Маркелов, спрашивает:

— Что вас сюда тащит, в чужую комнату?

— Привычка, — говорю.

— Мы здесь добавки не даем, не к чему привыкать.

Грубо почему-то так ответил. Мне неловко стало.

А Юрий Николаевич Венков (он аспирант Московской консерватории, пианист), чтобы как-то замять маркеловское хамство, начал разговор о кино, знает, что я люблю эту тему. А я не мог его слушать. Сказал Маркелову, что могу вообще не ходить в его комнату, и вышел. Очень меня оскорбило поведение этого хама. И истом, почему он считает общую комнату своей? До сегодняшнего дня все жители этой комнаты отлично ко мне относились, никогда я от них даже грубого слова не слышал. А тут...

ПИСЬМО НА ФРОНТ

Валентина Ивановна Мартыанова —
Василию Пластинину и Эммануилу Шварцбергу

Январь 1942 г., Саратов

Дорогие мои Вася и Моня!

Очень меня растрогало Ваше письмо — благодарю Вас! Очень мне недостает Вас, и необыкновенно приятно было обнаружить вашу тягу к институту, к курсу. Пишу об этом, т. к. считаю, что ребята, занимающиеся сейчас здесь, очень мало ценят возможности, которые им предоставлены, и очень недобросовестно относятся к делу, к своей учебе. Особенно мальчики.

Как живем? Жизнь, дорогие мои, суровая, для меня очень непривычная, и я часто болею. Но работаю с удовольствием и много. В этом и только в этом нахожу оправдание своему пребыванию в глубоком саратовском тылу. Хочется сделать все как можно лучше и как можно больше успеть.

О Вас скучаю и мечтаю о том, чтоб Вы приехали. Когда мы вернемся? Очевидно, не скоро, думаю, к осени. Будем принимать все меры к тому, чтобы собрать всех вместе на один курс. Если нужно будет создать две группы, сделаем это и организуем дополнительные занятия. Все это я и Владимир Вячеславович [Белокуров] можем Вам обещать, но зависит все от Комитета, а не от нас. Михаил Михайлович [Тарханов] в Тбилиси. Приедет в Саратов, когда потеплеет немного. Ваше письмо прочитаю ребятам на уроке — пусть оно послужит им укором,

Вас обоих, мои дорогие, обнимаю крепко, желаю вам успехов. Владимир Вячеславович шлет вам привет.

Ваша *Валентина Ивановна*.

Милый Вася! Ты представить себе не можешь, до чего я рада, что ты так пишешь — прелестно написано твое письмо. Еще раз обнимаю Вас обоих.

ПИСЬМА В АРХАНГЕЛЬСК

Василий Пластинин — родителям

2 января 1942 г.

Вот и 42-й наступил. В прошлом году, лишь неделю был дома, ну а в этом, надеюсь, буду дольше.

Как встретили Новый год? Я концертами по частям, а потом традиционным поднятием бокалов. Правда, на этот раз были вместо бокалов солдатские кружки; крепко всех вас обнимаю и желаю здоровья в наступившем Новом году.

Получил посылку новогоднюю от неизвестного адресата. Написано «Бойцу Красной Армии». В посылке: сушеные фрукты, кондитерские изделия, пачка табаку, коробка спичек, мыло и шерстяные рукавицы. В общем, то, что небесполезно каждому из нас. И вложено несколько теплых слов. Как жаль, что нет обратного адреса — поблагодарить бы...

7 января 1942 г.

Как?! Что я слышу?! Володя по истории получил двойку? Поражен! Неужели не мог почитать чего-нибудь. В библиотеке взять нужную книжку. Смотри у меня, приеду — покоя не дам.

Насчет моего обмундирования не беспокойтесь, я же воин Красной Армии, которая настолько хорошо обмундирована, что замерзнуть невозможно.

С Наташей [Качуевской] мы учимся на одном курсе. Она умеет писать, так что представляю, какое письмо она вам накатала.

В ГИТИСе занятий нет, так как все разъехались. Работают только партком, комитет ВЛКСМ и канцелярия.

Сережа! Спасибо тебе за шарф, который ты вложил

в посылку. Очень он меня, братик, растрогал, но я тепло одет, лучше ты его сам носи. Умеешь ли ты кататься на коньках или лыжах? А читать и писать?

Вот приеду — научу тебя многим красивым песням.
Поздравляю с Новым годом!

31 января 1942 г.

Сегодня у нас приподнятое настроение: началось освобождение Украины! Весь наш взвод живо интересуется такого рода событиями. У нас даже «розданы» своеобразные должности. Старшину, как руководителя политзанятий, возвели в «генералиссимусы», а меня, как обладателя удивительно подробных географических карт и знатока географии, назначили «начальником штаба».

Когда слушаю «В последний час», очень хочется быть вместе с вами, чтобы сообща радоваться нашим победам.

Ты спрашиваешь, папа, курю ли я? Нет, хотя и получаю махорку наравне со всеми. Отдаю ее товарищам.

5 февраля

Света нет. Холодно. Со дня на день должны сняться с места. Скорей бы. Говорят — едем на фронт. Так томительно ждать.

Объявили тревогу. Вновь бомбят. Вышел на улицу — в луче прожекторов мечется фашистский самолет, а с земли в небо — дождь трассирующих пуль. Красиво. И страшно.

КНИЖКА ВТОРАЯ

...Я придаю фактам, повседневным, постоянным, тайным или явным, а также событиям личной жизни, их причинам и побудительным началам столько же значения, сколько до сих пор придавали историки событиям общественной жизни народов.

Бальзак.
Предисловие к «Человеческой комедии».

15 февраля 1942 г.

Эшелон. Пульмановский вагон, превращенный в теплушку. Стоим второй день. Сели вчера на Киевском вокзале. На том самом, на котором грузились 1 июля 41-го года, уезжая на трудовой фронт. 14 августа вернулись сюда же. Вернулись! А теперь? Скоро будем на фронте. А пока отъехали от Киевского до... Воробьевых гор.

16 февраля

Очень провинились вчера наши музыканты Бобровский и Мосолов. Первый стоял на посту ночью, а под утро взвод недосчитался нового бидона под обед и бочки для воды. Вероятно, кто-то с соседнего эшелона стянул. А другой с поста отлучился куда-то погреться. На обоих наложили арест. Все-таки наша дивизия во многом еще «штатская» — не успели люди осознать, что такое воинский устав, воинская дисциплина. Наверное, это с годами приходит, а мы в армии всего несколько месяцев. Может быть, мы так и не успеем стать военными? Но для этого война должна кончиться в самое ближайшее время. А на это что-то не похоже.

19 февраля

Бологое. Станция забита эшелонами. Говорят, что едем в Великие Луки или Пено — в общем, Калининский фронт. Черт возьми, вот уж не думал, что попаду сюда, думал — на Западный. Страх перед фронтом — никакого. Только что-то непонятное копошится в глубине души, но знать о себе не дает. Это чувствуется,

когда все кругом замолкает и становится очень тихо,¹ но такое редко здесь бывает.

Вчерашним днем очень доволен — дали четыре кон*
церта в пути. Три из них для соседних эшелонов, еле*
дующих, как и мы, на фронт. Народу на каждом кон*
церте — тьма. Мы выступаем в вагоне при открытых
дверях — это наша площадка, а кругом бойцы и коман*
диры: на буферах, крышах соседних эшелонов, даже на
крышах станционных построек. У меня особенно хоро*
шо принимали «Печника» Твардовского * и куплеты
«Маркиза». А «Печника» читал так, как никогда. Чув*
ствовал, что нужно это людям. И мне не холодно, хоть
на дворе мороз.

23 февраля

Мне — девятнадцать!

Два дня назад проехали Осташков. Только миновали
мост через Селигер, как увидели, что несколько немец*
ких самолетов бомбят станцию, а там наши передовые
эшелоны. Остановились. Постояли ночь, а к утру уже
находились по дороге на Пено. Приехали туда в чет*
вертом часу дня, а ровно в четыре возле эшелона на*
чали рваться бомбы, застрочил пулемет. Когда само*
леты улетели, выяснилось, что разбит путь. Быстро по*
чинили и поехали дальше. На другой день, опять ровно
в четыре часа, начался налет на эшелон. Ужасающий
свист, видно, как летят над головой бомбы. 18 убитых.
На моих глазах. «Война забирает жизни». Только те*
перь мне стал понятен смысл этих слов. Ночью печь не
топили.

25 февраля

В 3 утра прибыли в Андреаполь. Разруха колоссаль*
ная; домики деревянные превращены в щепы. На горе
видны остовы каменных зданий — все сгорело и обуг*
лилось. На улицах несметное количество немецких ав*
томашин. Разбитых, конечно. Валяются патроны и раз*
ное другое военное имущество. Здоровенная труба кир*
пичного завода насквозь пробита снарядом, и в ней
зияет громадная дыра. Удивительно, как эта труба дер*
жится.

Выгружались быстро: дана команда как можно ско*
рее покинуть станцию. И не случайно. Как только ото*

* Стихотворение А. Твардовского «Ленин и печник».

шли на несколько километров, на станцию налетели фрицы и разнесли в щепы эшелоны, на которых мы приехали. Все-таки фашистские самолеты с их дьявольскими силуэтами и белыми, на концах, крыльями вселяют в душу страх.

Мы разбились на маленькие группки и двигаемся по дороге на Нелидово. По обочинам — обломки машин, разорванные на куски лошади, часто попадаются могилы немецкие с крестами и надписями. На одной прочитал: Карл Вебер, 8.10.41 — 12/653. Часа в три пришли в деревню Вороны. Вошли в один из уцелевших домов. Хозяйка, радушная, гостеприимная, вскипятила самовар. Семья здорово пострадала — все немцы забрали, а у нее четверо детей. Очень немного удалось спрятать в лесу. А леса немцы боятся. Если дорога идет через лес, они сначала простреливают его из автоматов и пулеметов и только потом двигаются с величайшей осторожностью.

26 февраля

Сегодня была баня. В буквальном смысле. Только баня «по-черному». Вообще-то мы не мылись давно, с отъездом из Москвы, а это уже десять дней прошло, так что с наслаждением влезли в местные «сандуны». Удивительно, как эта банька уцелела. Хозяйка рассказала, что немцы очень любили русские бани, и это были строения, которые они при отступлении не сжигали.

Сооружение это удивительно по своей простоте и наивности, что ли, ибо после баньки, отмыв одну грязь, приобретаешь другую. Небольшой такой домик, вернее избушка на курьих ножках (кажется, случайно нашел более точное определение) — курятник, внутри — крохотное окошко, как в землянке, кирпичная печка, в которую вмазана железная бочка из-под бензина. Рядом стоит вторая бочка с холодной водой. А поскольку дрова горят под бочкой, прямо здесь же, то вся копоть плавно осаждается на потолок, не минуя по пути и людское тело. Особенно это заметно на соседе, который рядом с тобой. Но все равно после бани приятно: чистый, хоть и черный.

А Николай Сафонов, он по рождению сибиряк, мылся как-то чудовищно легкомысленно: нагреется в баньке, а потом выскакивает на мороз и катается в снежных сугробах. Говорит, что в Сибири все бани около водоемов строятся, и зимою все бегают из бани в про-

рубь и обратно. Поставил себя на их место и понял, что со мною при подобных обстоятельствах было бы одно из двух: либо не добежал бы до проруби, либо не вылез бы из нее.

Часа в четыре, отмытые и полегчавшие, двинулись в путь. Шли не по основному шоссе, а по параллельно идущей проселочной дороге (для безопасности) в направлении Биберева. Сказали нам, что это 12 километров. Дорогу занесло — метель сильная, идти невероятно трудно. Проселочная дорога попетляла и вывела на тракт. Осталось, по нашим подсчетам, километра два, не более. Боже, какие это были трудные два километра! Но вот показалась деревня, и, собрав последние силы, я побежал ей навстречу, предвкушая отдых. Подошли остальные, и мы начали бродить в поисках хоть какого-то места для ночлега. О крыше над головой уже никто не думал — хоть бы какую полуразрушенную стеночку, чтобы было к чему приткнуться. Увы, вся деревня была забита войсками,двигающимися, как и мы, в западном направлении и сейчас остановившимися на ночлег.

До следующей деревни 3 километра. Решили идти. А ноги не держат. Падаешь каждую минуту. Еле-еле доплелись и разместились в какой-то хате. Вповалку. Заснул сразу как убитый.

27 февраля

Мы все идем. Идем медленно, т. к. днем идти почти невозможно. Летают немецкие самолеты. Чуть увидят кого на дороге, спускаются, начинают бомбить, а сбросив бомбовый груз, опускаются еще ниже и на бреющем полете строчат из пулеметов, а то и давят лыжами зарывшихся в снег бойцов. Звери какие-то. Прошли Каменку, Бутки, Гарбузово. На отдых устроились в крохотной баньке полуразрушенной, но все-таки тепло: набилось человек 17. Только прочитал мне письмо, которое получил от Лизы Крюковой *. Счастливый человек! Ему пишут такие письма. И он может писать такие же! А я, как говорится, в этом отношении одинок!

28 февраля

. Получена команда расположиться в близлежащем лесу. Стали строить жилища. Признаться, в строитель-

* Крюкова Е. — выпускница ГИТИСа, затем артистка Волгоградского драматического театра.

стве лесных хижин я никогда не принимал участия (знал о них только по Сетон-Томпсону). Выбрали сучковатую елку и к ней шалашом приставили другие. Дырки кое-как прикрыли ветками — получилось высокое сооружение, в стиле Исаакиевского собора, с неустрашимым количеством дырок. «Прожили» в этом «соборе» недолго — до вечера, а потом двинулись на Нелидово. Пришли ночью. Вокруг черно от воронок. Торчат во все стороны трубы разрушенных домов, десятки разрушенных машин, на которые уже перестал обращать внимание. Улицы пусты. Свет луны усиливает впечатление от этого мертвого поселка. Ночь на редкость холодная, хочется спать, а нельзя — замерзнешь. Наконец обнаружили на окраине сарай без крыши, но со стенами; легли вповалку, и заснул я, согреваемый дыханием соседа. Утром на наш сарай набрел старикашка — старожил. Рассказывал:

— Неожиданно по дороге на Белый из Нелидова потянулись немецкие войска. Шли бесконечной вереницей, бросая машины и повозки, сжигая штабные автобусы. Наконец ушли из Нелидова. Утром двадцать пятого на восточной окраине показались русские. Двигались перебежками. И вот поселок заняли русские войска. Немало их было, человек сто пятьдесят. Видимо, разнюхали что-то немцы, потому что на другой день начали наступление на поселок, вернуть его хотели. Худо было бы, кабы не подоспели партизаны и не отстояли Нелидово. Немцы удрали, и целую неделю не было подкрепления. Если бы наши подошли сразу, — комментировал старикашка, — гитлеровцев можно было гнать до самого Берлина.

ЭТО БЫЛО!

Из дивизионной газеты «Вперед, за Победу!»

О МАЛЕНЬКИХ ДЛЯ БОЛЬШИХ

Колькин любимец

Это произошло в одном из встретившихся нам сел. Уже наступила зима, и по замерзшему пруду катались ребяташки.

В этот день на каток пришел и четырехлетний Коля Тараненко. Пришел не один, взял с собой своего любимца — котенка Ваську, которого нес за пазухой.

На пруду уже собрались все Колины друзья. Вот и санки. Котенок пущен на лед. Коля привязал к веревке бумажку и

побежал по льду. А котенок за ним, так и норовит схватить бумажку.

Началась веселая игра. То и дело слышались крики и смех ребят. Вдруг не遠деке раздался лай. Мальчуганы вздрогнули и обернулись. С горки спускался германский офицер с большой рыжей собакой. Все разбежались кто куда. Коля бросился за своим любимцем, но котенок расшалился и убежал от него.

— ■ Это чей киска? — спросил у него подошедший фашист.

Коля не успел рот открыть, как тот крикнул собаке:

— Пиль! — и указал на котенка.

У котенка при виде собаки взъерошилась шерсть, и, почуяв беду, он сам бросился на руки Коли. Собака остановилась в нерешительности. А Коля прижал к себе котенка и просил плача:

— Не трогайте моего Ваську, он маленький. — И, спрятав котенка за пазуху, мальчик собрался было идти.

Но офицер взвизгнул: «Пиль!»

Овчарка, рыча, бросилась на Колю. Она повалила его на лед и впиалась зубами в его горло. Через минуту на льду, покрасневшем от крови, лежал детский трупик.

А фашист стоял довольный, поглаживая собаку...

Ответ Миши

Мише Ермаченко было всего пять лет. Но он обижался, когда его называли маленьким. Как же так! У него и сабля есть деревянная, и он недавно, когда с ребятами играл в войну, так ударил ею Федьку, которому уже семь лет, что тот взревел на всю улицу.

Миша невзлюбил фашистов, когда еще и духу их не было в селе. Видел он, как о них зайдет разговор, так бабка и мамка плачут.

«Значит, злые они презлые люди, — решил Миша. — А раз так, то он, Миша, в случае чего будет воевать с ними всерьез».

А тут нагрянули они в Мишино село, и один немецкий офицер поселился в Мишиной хате. Видел Миша, как отобрали у них корову, и как мамка и бабка плакали, и как фашист бил их плеткой.

Детское сердце загорелось злобой. Забьется Миша в угол и подолгу смотрит ненавидящим взглядом на чужеземца.

Однажды немец спросил у мальчика:

— Ты кем хочешь быть, когда большим станешь?

— Летчиком, — ответил Миша.

— А что ты будешь делать?

Миша весело взглянул в глаза фашиста и решительным голосом сказал:

— Берлин бомбить.

Немец вначале оторопел, а потом пришел в ярость. Он набро-

сился на мальчика и стал избивать его, топтать ногами. Мать и бабка еле вырвали из рук озверелого фашиста полумертвого ребенка.

Дружная четверка

Немцы сперва удивлялись, а потом устроили слежку, но тан и не могли выяснить, в чем дело.

Вот ночью к станции подходит эшелон, груженный сахаром, мукой или солью. Немцы осматривают его: пломбы целы, двери заперты. Все будто в порядке. А на другой станции оказывается, что многие вагоны полупусты.

Немцы объявили, что дадут крупную награду тому, кто выдаст «воров», грозили расстрелом. Но история неизменно повторялась.

Ночью к прибывшим эшелонам пробиралась отважная четверка ребят. Одиннадцатилетний Витя и двенадцатилетний Толя Зуевы, тринадцатилетние Борис Остапенко и Коля Ремизин. У них была с собой небольшая тележка. Сверлами они продырявливали снизу вагоны и подставляли к дыркам мешки.

Так ребята работали целые ночи. Мешки прятали недалеко от станции, на пустыре, в большой яме, и снабжали мукой, сахаром, солью местных жителей. Маленькие герои спасли от голодной смерти многие семьи.

А. Борисов

2 марта

Странно, но меня больше тянет к музыкантам. Мне с ними лучше, чем в агитбригаде, большинство из них меня любит и даже уважает. Для них я неопровержимый авторитет во многих вопросах — все-таки учился в ГИТИСе, много читаю, о многом знаю.

В агитбригаде я же не выделяюсь — народ там все с высшим образованием, и я себя с ними как-то стесненно чувствую. Идиотское какое-то качество — моя робость. А как от нее избавиться? Привыкли мы друг к другу. А не трусость ли моя робость? Нет. Это-то я твердо знаю.

4 марта

Весь день гудят фашистские самолеты, не встречающие никакого сопротивления. И как стало радостно на душе, когда вчера пролетел наш У-2. Днем ходить нельзя. Сделали из сарая огневую точку и напряженно прислушиваемся к пулеметным очередям, злорадным завываниям стервятников, разрывам бомб и мечтаем; «Хотя бы три «ястребка»!...» Но их нет. Непостижимо! Часто вспо-

минаю дом. Мысли об институте как-то стыдливо прячутся. Не о том сейчас думы! Вечером, часов в 6, очень близко застрочили пулеметы, раздались орудийные взрывы в стороне Ржева. Что это? Все встревожились! Жутко. Ведь это — окружение.

10 марта

Прочел запись за 4 марта. Смешно и грустно. То наши наступали на деревню Карповку.

МЫ! ВСТУПАЕМ В ПЕРВЫЙ БОЙ

Ох уж эта Карповка...

Густой, почти непроходимый лес окружал деревню со всех сторон. А стояла она на пригорке, от лесной опушки метров двести. Сказочно красивое место! Наши части окружали деревню с трех сторон, с четвертой к ней вела гора, которая тщательно охранялась фашистскими танками. Трудно подсчитать, сколько раз деревня переходила из рук в руки. Да, собственно, деревня как таковой не было — остовы домов да трубы; всех жителей вывезли. Но немцы, словно кроты, окопались в земле, каждый погреб был превращен в дот или дзот. А если учесть, что засели в них побывавшие уже во многих боях эсэсовские части, а мы вступали в свое первое сражение, то было ясно — силы слишком неравны.

Утром, предприняв штурм деревни, мы сумели все же выбить врага из Карповки, но в середине дня налетела фашистская авиация, и наши части были вынуждены оставить этот населенный пункт. И так в течение нескольких дней.

Наша агитбригада была переименована в санитарный взвод, и нам поручили выносить раненых с поля боя, придав несколько санных собачьих упряжек. Дело это было для всех непривычное. Во время очередной атаки мы шли, вернее, ползли за наступающими и, подбрав раненых, оттаскивали их в лес либо укладывали на санки, запряженные собаками. Это были удивительные псы! Не боялись выстрелов, ползали по-пластунски, мгновенно откликались на условный свист и, отвезя раненых, тут же возвращались обратно.

В один из дней, когда Карповка оказалась ничейной, нами был получен приказ проверить подвалы и по-

греба, так как поступили сведения, что в них остались наши раненые бойцы.

Относительно спокойно мы подползли к деревне, облазили все укрепления и, никого не обнаружив, уже собирались обратно, как налетела немецкая авиация и начала бомбить Карповку.

Такой бомбежки нам до этого не довелось испытать ни разу. Самолеты пятерками заходили над деревней и, сбросив бомбовый груз, отходили в сторону для еле дующего захода, а их тут же сменяла другая пятерка. Ад крошечный: земля дрожала как при землетрясении, уши заложило напрочь, рот был забит землей.

Мы с Васей укрылись в каком-то погребе и, спрятав головы (тело не помещалось) под какой-то деревянной балкой, лежали, прижавшись к земле. Другие ребята нашли столь же «надежные» укрытия в других домах, вернее, под ними.

Как только кончился налет, немцы пошли в атаку на деревню. Уже слышны были отрывистые слова команды, уже первые фашисты показались на разрушенной улице...

Мы понимали, что со своими винтовками (автоматы санитарам не полагались) не сможем противостоять вооруженным до зубов эсэсовцам. И все-таки решили вступить в бой. Свой первый бой в жизни. Наши выстрелы заставили фашистов залечь. Началась перестрелка.

В том, что мы сумели остановить немцев, большую роль, по-видимому, сыграл фактор неожиданности. Гитлеровцы, судя по всему, просто-напросто не ожидали, что после такой бомбежки кто-либо может уцелеть. Наша артиллерия была лишена возможности бить по деревне, артиллеристы знали — там свои. Тогда наши поднялись в атаку. Видя, что подходит подкрепление, мы вылезли из своих укрытий и присоединились к атакующим. После боя недосчитались нескольких бойцов агитбригады, точнее, нашего санитарного взвода.

Сейчас, вспоминая тот бой, я думаю, почему о нем ничего нет в дневниках Василия. Почему он почти не описывал военные эпизоды, в которых принимал участие? Почему в одной из книжек его дневников стоит подзаголовок «Некоторые заметки из моей личной жизни»?

А, видимо, потому, что не собирался он писать историю войны, понимая, что это лучше сделают другие,

на умел, а может быть, не хотел описывать баталии, ибо был скромн и больше писал о своих мыслях, переживаниях, которые рождались у него по тому или иному поводу, чем о поступках. Он сам себя ограничивал, ибо считал своим оружием слово. «Искусство и война — однополчане». Эти слова часто встречаются в его дневниках.

Он был дальновиден, мой друг. О боях и сражениях этой войны написано немало: полководцами и офицерами, солдатами и партизанами, активными участниками боевых операций. А Василий боролся с врагом посвоему, «воспламеняя веру в высокое предназначение человека, воспитывая и поддерживая в людях истинную культуру чувств, нравственные идеалы». Так писал, ознакомившись с дневниками Пластинина, Герой Советского Союза генерал армии А. Гетман.

ПИСЬМА В АРХАНГЕЛЬСК

Василий Пластинин — родителям

8 марта 1942 г.

Здравствуйте, родные мои! Наконец-то выпала свободная минута, и могу написать вам. Я уже сообщал, что нахожусь на фронте. Нас перевели в санроту, и мы теперь — санитары-носильщики, вытаскиваем раненых и убитых с поля боя. Пришлось и самому участвовать в двух боях.

Страшно ли? Конечно. Но только стоит выползти на поле за ранеными, а там уже страх пропадает. «Лиха беда — начало», как говорится.

Живем в лесу в шалашах и землянках. Первое время я жил в шалаше, а теперь живу в землянке, что значительно «комфортабельней». Правда, весной будет трудно: калининские леса болотистые, и землянки наверняка зальет. Но пока стоит холодная погода.

Вид у меня фронтовой: шинель с прожженным рукавом и полой, полысевшая шапка, на подбородке и под носом какие-то перья растут вместо усов и бороды. Крепко всех целую. Вася.

18 марта 1942 г.

Дорогие мои! Вы спрашиваете, почему я не описываю вам факты, эпизоды фронтовые. Да потому, что незнакомы вы с моей здешней жизнью, с окружающими

меня людьми. А отдельно от них я не существую. А о них писать надо много, что я и делаю в своих дневниках. Когда-нибудь прочтем их все вместе. Сядем за наш стол, поставим самовар, мама напечет блинов...

Получил ваши карточки, дорогие мама и папа. Как вы постарели. Знаю, и вам трудно приходится. Давайте все вместе потерпим еще немного, разобьем фашистов и вновь заживем чудесной мирной жизнью. Целую вас всех. Вася.

25 марта

Плохо стало с продуктами. Трудно доставлять по здешним дорогам. Получаем на день черный сухарь да супчик из муки или пшена, почти без соли. А картошка в суповом котле сушеная, даже не знал, что бывает такая. Когда она попадает в котелок, кажется, что попал кусок мяса. А Сашка-повар знает это и выуживает кусочки, как великое одолжение, тем, кто ему нравится. И еще смеется, что у этой картошки два преимущества: сладкая и чистить не надо. А вот почему в супе хвойных иголок полно — не объясняет. Я сам догадался: воды поблизости нет, так растапливает в котлах снег с деревьев.

-А у Сережи Чернавцева горе — убит брат на фронте. Хочется помочь человеку, но я не умею.

18 апреля

Сегодня в бою ранили Моню. Я остался один.

Без даты

В замечательном фильме Чарли Чаплина «Диктатор» тирольский шпик играет с глобусом. Он возомнил себя владыкой мира. Сначала он вертит земной шар, потом подкидывает его рукой, ногой, головой. Наконец он ложится на живот и своим задом подкидывает шарик с двумя полушариями. Это — минута упоения славой. Но вдруг шарик лопнул. Это был детский шарик. И шпик с удивлением рассматривает оставшийся в руке лоскутик — все, что осталось от земного шара, от славы, от власти.

Есть в фашизме много страшного, много горя для человечества, много крови. Не детский шарик уничтожает Гитлер, а города и страны Европы. И все же есть в затее Гитлера нечто от плохого балагана, дешевого

фиглярства, от абсурда. Как может мир подчиниться невежественному, припадочному прощелыге, который после тысячелетней культуры, после мифа о Прометее, после гуманистов, после всех открытий науки принес на землю дурацкую «теорию» о превосходстве черепа немецкого фельдфебеля или таза Гретхен над скелетами прочих смертных и во имя этого бреда предал огню и мечу мир? Пора прикрыть кровавый балаган! Пора прогнать поганных шутов! Поиграл маньяк миром, хватит!

ПИСЬМА НА ФРОНТ

Наташа Качуевская — Анатолию Борисову,
Эммануилу Шварцбергу, Василию Пластинину

Апрель 1942 г.

Дорогие Толечка, Моня и Вася! (Впрочем, Васек и Моня — поросята, не написали мне, но все же, дорогие мои, прощаю.)

Спасибо тебе, Толенька, за открытку, а то я так волновалась. Смерть Топа * — тяжелое известие для нас, для меня, он был мой товарищ, да и все, кто его знал, любили его. Это уже не первое тяжелое испытание для нас в эту войну. Но мы должны стойко вынести и это. Наши товарищи отдали свои жизни за Родину, и они будут отомщены.

Ребятки, родные мои, пишите мне почаще и побольше, ведь я бепокоюсь, и каждая весточка от вас — огромная радость.

Меня сейчас из бригады забрали в РК ВЛКСМ инструктором по агитации и пропаганде. Мне очень не хотелось, я просилась на фронт, но меня мобилизовали, и все.

Дорогие мои ребятки, пишите мне. Я вам тоже буду писать. Не забывайте меня. Целую вас крепко, крепко, Ваша *Наташа*. Жду письма.

Наташа Качуевская — Василию Пластинину

11 июня 1942 г.

...Васенька, дорогой! Только получила твое письмо и сейчас же на него отвечаю. Знаю, как это трудно —

* И с а е в Т. — студент ГИТИСа. Погиб в 1942 году.

ждать **ответа** долго. Видишь, на какие импровизации я **пускаюсь**: открыток нет, так я сама их «фабрикую».

Васенька! Прощаю тебе твоё молчание, только чур, впредь писать. Договорились? И я буду. Нас ведь война сдружила, так пусть эта дружба будет крепче. О том, что Моне́чка [Шварцберг] ранен, узнала от Толи [Борисова] и очень ждала, что увижу его в Москве, вместо этого получаю открытку от Мони, где он пишет, что был в Москве всего 30 минут и не мог дать мне об этом знать, сейчас едет дальше... Больше от него ничего не получила. Два дня тому назад пришла открытка от его сестры из Тифлиса, она пишет, что Моня в госпитале в Иванове, и просит написать о нём, разузнать все, а я не знаю, в каком он госпитале и как это узнать. У наших в Саратове учеба вовсю, сдали 1-й акт «Трёх сестер», много отличных оценок. Очень хорошо сдали Лиза Солодова, Галя Вигулярная, Шульмейстер. Остальные предметы сдавали легко. Завидно, конечно, безумно. Ну, Вася, не надо унывать. Кончится война, и мы непременно будем учиться. Подумай только, сколько нас: ты, Моне́чка, Нина Суржи́кова, Боря Вахрушев, я, да и ещё ребята. Будем все вместе. Из нас должны организовать спецгруппу, и это будет обязательно. В Комитете по делам искусств согласны с этим. Жаль, конечно, не быть со своим курсом сейчас, но мы ещё молоды, у нас есть силы, и вся жизнь перед нами. Мы будем в театре. Мы будем в ГИТИСе. Сейчас все время работала много. В настоящее время, идя навстречу моему желанию идти на фронт, военный отдел ВЛКСМ направляет меня в высшую школу санитаров на обучение.

Целую крепко. *Наташа.*

Наташа Качуевская — Василию Пластинину
и Анатолию Борисову

25 июня 1942 г.

Дорогие мои, хорошие ребята!

Что-то давненько от вас ничего не имею. Как-то вы там поживаете, родные мои, на новом месте? Получили ли вы от меня открытки и общее письмо? Последняя ваша открытка была около месяца назад. Бессовестные, заставляете меня волноваться. Пожалуйста, не делайте этого, вы же обещали.

Вот уж несколько дней, как я не работаю, так как

меня отпустили в связи с добровольным уходом в армию, но я еще никак не могу получить направление, и это меня очень мучает — мое вынужденное безделье в такое трудное время.

От Монежки до сих пор ничего не имею, просто не знаю, чем объяснить. Может, он вам написал что-нибудь, где его там в Иванове искать, в каком госпитале, к кому обращаться? Да там ли он уж? Дома у него тоже ничего не знают. Будем надеяться, что все благополучно и он скоро напишет. В Москве сейчас из Саратова: Лиза Солодова, Леша Глазырин... Скоро едут обратно — ездили с концертной бригадой. Юлька Сазонов по своим делам приезжал. Сун-Ке-Ин проездом едет в Саратов.

Ну, ничего, ребятки, в Саратов мы хоть и не поедem, но в институте будем, черт возьми! Только бы скорее разбить проклятых фашистов — войне конец. ГИТИС и МХАТ — в Москву, и мы все встретимся вместе. Догоним! У них даже грима и танца не было, да и теории никакой почти. А мастерство?! Мы пережили и увидели в жизни столько за это время войны, а это главное, а еще нам поможет наше горячее желание и крепкая дружба.

Пишите скорее, я тоже скоро напишу, как и что у меня.

Крепко целую. *Наташа.*

ПИСЬМА С ФРОНТА

Василий Пластинин — Наташе Качуевской

10 апреля 1942 г.

Наташенька!

У нас все в порядке! Живы и здоровы. Работа в агитбригаде временно прекратилась, так как не было на то времени и возможности, а теперь, в канун майских праздников (если фрицы дадут нам их отпраздновать), предстоят концерты по частям.

Нашу жизнь можно будет рассказывать многими вечерами, конечно, после войны, ибо фронт, как выясняется, очень полезен тем, кто еще не знает жизни и никогда не переносил никаких невзгод.

Как поживает наш ГИТИС? Пиши, родная, обо всем и подробно. Крепко тебя целую.

17 апреля 1942 г.

Здравствуй, дорогая Наташа!

Собрался-таки тебе написать черт знает когда, да все не было времени да и настроения тоже. Как живете? Чем занимаетесь? Как саратовские? О своем житье-бытье можно писать или очень много, или ничего не писать. Мне по душе последнее. Скажу только, что все это время мы были санитарями-носильщиками, а теперь возвращаемся к своей прежней деятельности — в агитбригаду. Учим стихи Симонова. Моня — «Сын артиллериста», Толя — «Жди меня», я — «Письмо к другу».

Москва не перестает притягивать все наши мысли и чувства. Напиши, пожалуйста, о наших знакомых в ней. Прости, что в голову ничего не лезет. На этом кончу. Обязательно напиши ответ — подробный и интересный.

Наверное, из дома тоже писали в институт обо мне. Если не трудно, ответь им, а то мои письма долго идут. Заранее очень благодарен.

Вася.

1 мая 1942 г.

Здравствуй, Наташенька! С праздником!

Мы ждем с нетерпением твоих писем — с институтскими новостями. Ты ведь понимаешь, что это такое — письмецо с приветом и новостями для тех, кто так далеко от друзей и родных.

А мы сегодня почему-то поняли, что вернемся к вам очень и очень не скоро. Как вы там? Как Мила Шапошникова? Нет ли чего от Лизы Крюковой? Как себя чувствуют наши любимые учителя Нина Павловна Збруева и Елизавета Федоровна Сарычева? Привет им от нас нежный.

17 мая 1942 г.

Здравствуй, дорогая Наташа!

Сам удивляюсь своей дерзости — после столь продолжительного молчания опять пишу как ни в чем не бывало. И ты хороша: за такой период не могла черкнуть хотя бы открыточку. Прощаю тебя, ибо предполагаю, что и ты сильно загружена работой. Моню ранили 18 апреля, и до сих пор от него ни слуху ни духу. А я поведаю тебе мою повесть после нашего с ним расставания.

Идти в госпиталь он не хотел, но... На следующий

день фрицы предприняли контратаку. Ее отбили. Стало потише, и потянулись долгие дни одиночества. Толю перевели в клуб дивизии, а я — я не мог спать по ночам, до того захотелось вновь увидаться со всеми вами, снова заниматься... Все думал, мечтал... Представляешь, во всех подробностях: вот я вхожу в желтые двери института, вот поднимаюсь по лестнице, вхожу в малый зал. .. Да что говорить, сама, наверное, все прекрасно понимаешь. Но есть еще мысль-молния. Она пронзает все — потерянного не вернешь! Год, пропущенный год, наверстать трудно, да и можно ли?!

Уйдя из полка, Толя действовал, конечно. Он как зам. нач. клуба вел подготовку к смотру самодеятельности. Смотр этот состоялся 14 мая. Я в нем участвовал. Приказом по дивизии я был премирован 100 р., и мне была объявлена благодарность.

Продолжу свою повесть: и вот меня перевели в 148 отдельный медико-санитарный батальон, на базе которого решено создать дивизионный коллектив самодеятельности. Вот уже полмесяца, как я живу в доме, сплю, сняв верхнюю одежду, умываюсь каждое утро и даже раз в неделю хожу в баню. Плохо, что не получаю давно писем. Было такое, втемяшилось в башку, что мои письма никому не интересно читать. И я не писал. Ну а теперь всем напишу.

Дорогая моя Наташа! Умоляю ответить сразу же обо всем: о Москве, о Саратове... Пиши, Наташенька, буду безмерно рад и счастлив получить и прочесть.

Целую крепко, твой *В. Пластинин*.

ИЗ СОХРАНИВШИХСЯ ДОКУМЕНТОВ ВРЕМЕН ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

П Р И К А З

по 155-й стрелковой дивизии от 17 мая 1942 г.

Для развертывания красноармейской художественной самодеятельности нашей дивизии, для выявления лучших, наиболее способных ее участников 14 мая с. г. был проведен дивизионный смотр художественной самодеятельности. Смотр прошел с большим подъемом и выявил много способных талантливых исполнителей среди бойцов, командиров и политработников.

В программе были представлены разнообразные жанры: художественное чтение, песни, танцы народов СССР, красноармейские пляски, игра на народных инструментах.

Необходимо, чтобы самодеятельность нашей дивизии носила более массовый характер, чтобы ни одно подразделение не осталось в стороне от этого важного дела. Тематикой самодеятельности должны стать песни, рассказы, стихи о Великой Отечественной войне, воспевающие ее героев, а также героев нашей дивизии.

Красноармейская художественная самодеятельность должна помогать организовывать культурный досуг и отдых бойцов и командиров нашей дивизии.

В целях дальнейшего развития красноармейской художественной самодеятельности в частях и подразделениях

п р и к а з ы в а ю :

За активное участие в красноармейской художественной самодеятельности наградить ценными подарками и денежной премией в размере 100 руб.

4. В. Пластинина — 659 сп.

Командир дивизии полковник Блинов
Комиссар дивизии Волгин

МУЗЫ НЕ ДОЛЖНЫ МОЛЧАТЬ

В мае 1942 года меня назначили помощником начальника дивизионного клуба. Начальником клуба был майор Есютин, довольно пожилой человек, бывший когда-то боцманом чуть ли не на «Потемкине», перед войной возглавлявший крупный животноводческий совхоз. (В конце 1942-го его отозвали из армии на прежнюю работу — уже тогда начали думать о восстановлении народного хозяйства.)

Что же такое клуб на фронте? Об этом написано мало; для несведущего человека слово «клуб» ассоциируется с помещением, зрительным залом со сценой, киноустановкой, прочими традиционными клубными атрибутами.

В то время дивизионный клуб — это повозка или автомашина и семь человек: начальник клуба, его помощник, зав. библиотекой, фотограф, в основную обязанность которого входило фотографировать для партдокументов вступающих в ВКП(б), ездовой или шофер, художник, киномеханик. Чем же занималось это боевое подразделение? Пропагандой боевого опыта, организацией художественной самодеятельности, наглядной агитацией, показом кинофильмов, фотографированием паи-

более отличившихся бойцов, организацией концертов в частях, подготовкой к проводившимся на отдыхе смотрам армейской самодеятельности, докладами, лекциями, обеспечением бойцов художественной литературой и многими другими делами.

Показ кинокартин в боевой обстановке — дело не легкое. В первый год войны репертуар был крайне ограничен. Когда мы выехали из Москвы на фронт, го имели в своем распоряжении всего одну художественную кинокартину «Салават Юлаев» да два киножурнала. Бойцы знали «Салавата» наизусть, просмотрев его десятки раз. А других фильмов не было, поскольку сразу по приезде на Калининский фронт дивизия вступила в бой и нужны были боеприпасы, а не кинокартины. Зато потом мы меняли фильмы регулярно, и бойцы смотрели все появляющиеся новинки.

Сеансы шли в полуразрушенных сараях, палатках, землянках, просто на открытом воздухе. Аппаратура была старая, изношенная, по многу раз ломалась, запасных частей не было. Поэтому часто войны, только вышедшие из боя и собравшиеся на просмотр кинофильма, вынуждены были мириться с плохим освещением экрана, остановками из-за то и дело рвущейся ленты. Было очень обидно, и немало выговоров получил я за сорванные киносеансы.

Это уже потом мы получили новую аппаратуру, даже привезли из Москвы так называемое дневное кино, которое можно было демонстрировать в любое время суток на открытом воздухе. А в те первые год-полтора мы мучились сами и удивлялись терпению бойцов, которые приходили на наши сеансы. Жажда встречи с киноискусством была огромна. И мы показывали тогда такие фильмы, как «Профессор Мамлюк», «Оборона Царицына», «Парень из тайги».

Во время наступательных боев «коломбина» (так называли бойцы клубную полуторку) двигалась в первом эшелоне, и часто входящие в деревню или в город войска уже видели на стенах домов лозунги и призывы, написанные нашим художником; приветствуя воинов, играл духовой оркестр.

Музвзвод также был придан дивизионному клубу. Музыканты участвовали в концертах солдатской самодеятельности, в разучивании новых песен, поднимая своей игрой настроение уставших бойцов, вселяли в них силы, уверенность, повышали боевой дух.

Музыканты часто выбывали из строя, а найти на фронте замену погибшему трубачу или раненому баянисту было не так-то просто, поэтому в прибывающем пополнении мы всегда старались отыскать музыкантов.

А сколько мучений -пришлось претерпеть с инструментами, которые часто ломались, отказывались играть на морозе. Правда, выручали трофейные аккордеоны: бойцы тут же приносили их к нам в клуб. Лишь однажды к нам в руки попал комплект духовых инструментов, брошенный немцами и украденный ими в каком-то из наших городов. Вот радость-то была!

А количество концертов, данных нашей бригадой художественной самодеятельности, сосчитать просто невозможно. В перерывах между боями, разбившись на группы, мы пробирались в окопы переднего края, и часто число наших слушателей и зрителей ограничивалось десятком бойцов. Работали вдохновенно: пели песни, читали стихи, разыгрывали сценки.

Я уж не говорю о проходивших слетах снайперов, политработников, комсомольского или партийного актива, которые мы непременно обслуживали. Здесь давались, как теперь говорят, гала-концерты, когда число участников доходило до полусотни человек.

Кроме того, мы выступала перед ранеными в медсанбатах, давали концерты в частях, зачастую на открытом воздухе — собиралось на них иногда по тысяче воинов одновременно. Конечно, давались такие концерты либо во время отдыха, либо во время переформирования. Бывали случаи, когда зрители, прервав концерт, открывали огонь по пролетающим фашистским «рамам». Однажды такую «раму» сбили во время концерта, и немецкий летчик на парашюте приземлился чуть ли не на нашу «сцену».

Особо ответственно мы относились к концертам для населения освобожденных деревень и городов, выкладываясь на них, что называется, до конца. Наградой был такой прием, такие аплодисменты, что мы завидовали сами себе. Зрители слушали давно забытые, а порой неизвестные им песни, стихи, рассказы; юмористические сценки вызывали дружный смех, а русские песни — слезы на глазах. Не скрывая своих чувств, люди плакали, и порой «Вот мчится тройка удалая...» прерывалась рыданием кого-нибудь из зрителей. А после кон-

цетров нас окружали, засыпали вопросами, рассказывали о жизни «под немцем», делились своими скудными запасами, желая хоть как-то отблагодарить артистов.

Прошло более сорока лет, но забыть это невозможно.

ПИСЬМО С ФРОНТА

Василий Пластинин — родителям

28 мая 1942 г.

Одиннадцатый месяц войны. Что-то она затянулась... Вот и на нашем участке затишье, хотя каждую ночь слышна канонада.

Как я провел 1 Мая? Как обычный день. Снег в лесу еще не растаял, и на полянах и на полотне железной дороги, около которой мы находимся, приятно пригревало солнышко. А в остальном все по-будничному: вечеров и банкетов не было, боев тоже.

Ты, мама, спрашиваешь, сухо ли в наших квартирах. Прости, но я не мог удержаться от смеха, когда прочитал насчет «квартир». Хотя в общем-то ты права: стены есть, пол и потолок — чем не квартира! Только все это в земле и размером в пол нашей кладовки. И под ногами — болото. Кто не ленив, делал настил см 40, а кто торопился — тот в своей «квартире» по полу хлюпает, ибо он «на плаву», пол-то.

Очень иногда хочется попробовать маминых селянчечек, но знаю, что это сложно. Ты, мама, не волнуйся, я ими вдоволь напитаюсь. И прошу тебя, не думай обо мне день и ночь, я все сделаю, чтобы ты не огорчалась.

«Не умирать я в бой иду, а побеждать щ ж и т ь». Запомни эти слова поэта, моя родная.

31 мая

Сегодня по дороге на концерт попали под минометный обстрел. Ринулись в обход — попали в болото. Шли по колено в грязи, еле вытаскивая ноги. Добрели до 786-го полка, грязные, мокрые. Думали, концерт отменят. А нас ждали и даже построили сцену в лесочке, невысокую, сантиметров тридцать от земли, но все же дощатую сцену. Правда «дощатую» не точное слово — скорее, бревенчатую: напилили деревьев, уложили их ряд-

ком, а потом слегка обтесали кругляши. Нам-то ничего было, а вот нашим танцорам трудненько пришлось. Концерт все равно прошел отлично. Бойцы безропотно ждали, пока мы отмывались и чистились. Конечно же, мы забыли об усталости, опасности и «выкладывались» по-настоящему. После концерта угостили нас ломтями черного хлеба с маслом, густо посыпанными сахарным песком. Чудо! Это же пирожные из московской кондитерской!

На обратном пути попали под артобстрел и чуть было не забрели к фрицам у деревни Шарки.

6 июня

Сводка о бомбежке Германии. Первая. Наконец-то в тылу у немцев почувствуют то же, что испытывали мы все это время.

14 июня

Сегодня был концерт в саперном батальоне. Молодцы, саперы, устроили сцену из двух здоровенных дверей от разрушенных сараев. И так здорово доски подстругали!. А вокруг устроили «озеленение» из молодых березок. Это для маскировки. А нам было где прятаться и переодеваться. Начали концерт в 10 вечера при двух керосиновых лампах. Немного темновато, но и мы и зрители уже привыкли к такому освещению. Ночевали здесь же, на сцене. Под березками.

ПИСЬМА ИЗ САРАТОВА

Валентина Ивановна Мартыанова — Наташе Качуевской

(Фонды архива Центрального музея Вооруженных Сил СССР)

19 ноября 1941 г.

Милая Наташа!

Приехали мы в Саратов 16-го. Ехали абсолютно спокойно и доехали благополучно. Здесь жизнь суровая, но деловая. Ребята собрались, и начались занятия. Здесь: Леша Глазырин, Саша Крылов, Сергей Пушкин, Володя Карпов, Володя Серков, Лева Штейнрайх, Юля Сазонов, Саша Роговин; из девушек: Лиза Солодова, Галя Вигулярная, Лола Ходжаева.

Наш курс количественно представлен сильнее всех. Ребята устроены неплохо, но жизнь суровая.

Твоя В. М.

5 января 1942 г.

Милая Наташа!

Что же написать тебе о нашей жизни?

Местные власти очень много сделали для института: хорошее общежитие, столовая, вполне пристойные помещения для занятий, повышенная норма снабжения, отсрочка ребятам от призыва. Оправдываем ли мы это к себе отношение?

Не всегда. Есть студенты, которые прекрасно занимаются, дисциплинированы, принципиальны, нетерпимы к проявлению плохого в товарищах. Но есть и такие, которые не желают работать, а просто проводят время на занятиях. Я имею в виду не только наш курс. Но хороших и сознательных намного больше. У нас на курсе новенькие: Коля Шаталюк, Толя Стабилин и Лева Дурасов. Они внесли какую-то трепетную атмосферу и очень хорошо работают.

До сих пор горюю, что с таким трудом, с такой любовью собранный курс разрознен. Очень мне не хватает каждого из вас

Что мы делаем? У нас новый этап: работа с авторским текстом. Делаем две сцены из «Любови Яровой» и 1-й акт «Трех сестер». Кроме того, у каждого самостоятельные отрывки. А поскольку занимаемся мы в основном во второй половине дня, в первую все работают, многие в мастерских МХАТа.

Если бы ты видела, как работают мхатовцы! Много и охотно. Выходных в театре нет, да каждый день еще концерты, кроме спектаклей.

А я мечтаю о том времени, когда соберу всех вас вместе в одну группу. Крепко обнимаю всех, которые в Москве.

Валентина Мартыанова.

14 июня 1942 г.

Вот и закончилась сессия. В итоге у Солодовой и Глазырина — персональные стипендии им. Станиславского, у Дмитриевой — им. Качалова. На днях приез-

жает Михаил Михайлович (Тарханов). Его уже поехали встречать в Астрахань.

Получила письма от Нины Суржиковой и наконец, после большого перерыва, от Васи Пластинина. О Моне пока неизвестно. Очень надо крепко держать связь со всеми, чтобы не растерять людей...

Тебе я не пишу «береги себя». Это не по времени и не по твоему характеру, но все же следи за собой.

Твоя *Валентина Мартянова*.

КНИЖКА ТРЕТЬЯ

Некоторые заметки
из моей личной жизни

*...Ни в коем случае не теряй
надежды. Без надежды тебе
жить нельзя, а без тебя наше
существование неполноценно.*

*Из письма
Лизы Солодовой*

10 июля 1942 г.

Тревога, зудящая, гнетущая. Нет ни минуты покоя. Все мое существо наполнено каким-то ожиданием. Мозг не перестает лихорадочно работать. Все это создает гипертрофию мысли, парализующе действует. Как это мучительно! Я создал себе иллюзию, что хорошее настроение приносит несчастье, и потому боюсь улыбнуться (не говоря о смехе), боюсь мурлыкать (не говоря о пении). Время тревожное: пришел приказ об эвакуации населения Нелидовского и Октябрьского районов. Недавно изрядно потрепали 1210-й полк. Из медсанбата взяли на передовую 28 человек. Когда лее кончится эта чудовищная бойня?

11 июля

Сегодня проводили сестер Климушевских. Забрали их в армейский ансамбль. Расстались навсегда. Все-таки они были хорошими друзьями. Вот уехали, и не осталось у нас в части ни одной оригинальной девушки. С сестрами молено было чудесно провести время в минуты затишья. Они меня понимали, а я их. Мне больше нравилась Валентина, хотя внешне она менее интересна, чем Маша. Но мои отношения из-за этого нимало не страдали, ибо не это главное. Правда, она в чем-то ветреная, но в чем-то откровенная до наивности. А ей 20. Маша не нравилась мне своим характером: хитрая, иногда до лицемерия. Если Валентина непосредственна бессознательно, то Маша строит из себя нечто неотразимое. Но «архитектор», надо сказать, она неважнецкий. Правда, порой с ней тоже приятно поболтать, но

это в те минуты, когда ей удастся убедить собеседника, что она не та, что есть на самом деле. Как-то грустно без сестричек. И простились мы не так...

«Ну, Васек, мы с тобой больше не увидимся».

«Да? Ну, всего хорошего».

«Ты пиши...»

«Обязательно...»

Ну а как можно иначе? Если поцеловаться по старой московской привычке, окружающие, да и сестрички тоже, могут не тюнуть, а если и поймут, то чертовски превратно. Да и необходимости не было,

12 июля

Когда я проводил Моню, два дня места себе не находил, да глаза были на мокром месте. Это был друг. Был... Теперь с горечью думаю, что друга нет. Чем он оправдывается, что с 19 апреля не сообщил о себе? Случайно узнал, что он в госпитале в Иванове. А адреса никто не знает. Как он может так... Ведь полтора года мы не отходили друг от друга, и с начала войны спали на одной койке. И вот... забыл.

ПИСЬМО ИЗ СЕГОДНЯ

Я писал. Но сменился адрес полевой почты, а я его не знал. Вася был моим другом. Нет, братом. Мы дружили в институте, проучившись вместе последний довоенный год. Жили в одном общежитии, питались в одной студенческой столовой. Вместе ушли мы и добровольцами в истребительный батальон Красной Пресни, вместе сидели в одном окопчике на рубежах Подмоскovie. А потом на фронте ' спали в землянке под одной шинелью (вторую мы подкладывали под себя). Он — из Архангельска, я — из Ленинграда, мы оба любили Москву, наш ГИТИС, своих однокурсников. Мы боготворили наших педагогов, особенно Михаила Михайловича Тарханова, были влюблены в профессию актера, в театр.

Василий был человек удивительно творческий: к любому этюду или отрывку, которые мы делали на уроках мастерства, он готовился самозабвенно, ходил на показы и экзамены старших курсов. Его волновало все: новая кинокартина и напечатанная в журнале повесть, очередной «капустник» ГИТИСа и вечер молодежи в Доме актера.

Он был верным другом, чутким товарищем, с душой,

открытой всему доброму, искреннему, нежному, талантливому. Потому что сам он был талантлив!

Э. Шварцберг, артист Ленинградского театра имени В. Ф. Комиссаржевской

ВО ВТОРОМ ЭШЕЛОНЕ

После июльских боев под Ржевом нашу изрядно поредевшую дивизию отвели на переформирование во второй эшелон. Началась активная работа клуба. Мы готовили новую программу и давали концерты в частях, показывали «Путевку в жизнь», «Чапаева», «Обломки империи». Шла активная подготовка к смотру армейской самодеятельности, в частях проходили спевки ротных запевал.

Пришло письмо из ГИТИСа. Погибли на фронте мой однокурсник Юра Арго, чудесный был парень, и Митя Лондон, тот самый, что читал Гоголя по дороге на трудовой фронт. Ребята писали, что погиб он в Ленинградской области, попав под очередь фашистского пулеметчика, и последними его словами были: «В руку, в грудь, в голову — ах, как хочется жить!» Эх, Митька, Митька...

Сводки Совинформбюро малоутешительны: пал Севастополь, прорвана оборона в районе Белого.

А мы стоим в деревне Волчище. Население эвакуировано. Солнце греет вовсю. А кругом война. Какие-то несовместимые понятия — солнце и война... Почему? Возможно, потому, что это наше первое фронтовое лето.

Прочитал в «Правде» пьесу К. Симонова «Русские люди». Вот бы поставить в настоящем театре. Мечты... А пока репетируем, готовим новую программу, ее даже отпечатали в нашей типографии. Программа эта у меня сохранилась.

ПРОГРАММА

ВЫСТУПЛЕНИЯ КОЛЛЕКТИВА КРАСНОАРМЕЙСКОЙ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ САМОДЕЯТЕЛЬНОСТИ 155-й СД

1. Вступление — оратория, слова техн.-инт. II ранга А. Раскина.
2. Фанфарный марш. Исп. оркестр п/у Гордеева.
3. «Убей его». Монтаж статей И. Оренбурга, исп. Пластинин.
4. «Священная война». Муз. Александрова, исп. хор и оркестр.

5. «Наши батальоны». Сл. А. Раскина, исп. Пластинин.
 6. «Песня 786-го полка. Сл. А. Раскина, муз. техн.-инт. II ранга Патрикеева, исп. хор и оркестр.
 7. «Два товарища». Исп. Малышева.
 8. «Песня о барзиловцах». Сл. техн.-инт, III ранга Почекутова, исп. Зрелина.
 9. «Мсти!». Стихи сержанта Зуева, исп. Малышева.
 10. «Солнце низенько». Исп. Чернявцев.
 11. «Скажи-ка, дядя». Сл. Мих. Пустынина, исп. Пластинин,
 12. Лирические песенки. Исп. Шмелева.
 13. «Однажды вечером». Сценка А. Раскина, исп. Спиридонов, Намумов, Исаев.
 14. Ритмический танец. Исп. Шестухин.
 15. «Наши предки». Частушки А. Раскина, исп. Малышева и Исаев.
 16. «Чрезвычайное происшествие у гробницы Наполеона». Исп. Злобин, Борисов, Пластинин.
 17. «В школе». Юмористическая сценка, исп. Исаев.
 18. «Парень кудрявый». Вокальный дуэт, исп. Шмелева и Чернявцев.
 19. «Все хорошо». Юмореска. Сл. А. Борисова, исп. Борисов и Пластинин.
 20. Белорусский танец. Исп. Гусева и Злобин.
 21. «Бывайте здоровы». Сл. А. Борисова и А. Раскина, исп. хор.
 22. «Марш 155-й дивизии», Муз, Патрикеева, исп. оркестр п/у автора.
 23. Красноармейские частушки. Сл. Раскина, исп. Малышева и Исаев.
 24. Красноармейская пляска. Исп. Малышева, Гусева, Зрелина, Злобин, Шестухин, Исаев.
 25. Эпилог.
- Баянисты — Лужков, Павлов, аккордеонист — Злобин.
 Капельмейстер — Гордеев, хормейстер — Патрикеев.
 Танцы в постановке лауреата международного фестиваля танцев в Лондоне Н. Злобина.
 Зав. литературной частью А. Раскин.
 Художественный руководитель А. Борисов.

О том, как проходили эти концерты, подробно написано в дневниках Василия Пластинина.

9 августа

Месяц не писал, а событий много. Главное из них — наше поражение в низовьях Дона. Снова оставлен Ростов. Приказ Сталина № 227: «Ни шагу назад!»

Дал клятву я, клянись и ты отпор дать силе вражьей,
Дал клятву я, клянись и ты советским людям всем,
Что исполнишь приказ родной Отчизны нашей —
Приказ наркома двести двадцать семь!

(Это из новой программы, которую готовим.)

В личной жизни события конца июля удивительны. Вызвали нас 30-го в дивизионный клуб, чтобы подготовить новую программу и дать концерт для солдатской конференции (нашу дивизию, изрядно потрепанную в боях, отвели на переформирование). В деревне Волчище увидел вызванных для подготовки концерта Клаву Шмелеву и Фису Кораблеву... Клава сразу же привлекла мое внимание. Концерт прошел с большим успехом. После концерта, когда уже собрались расходиться, Клава поправила мне воротник. Сделала она это, конечно же, потому, что он действительно был не в порядке, не придавая этому особого значения, но у меня вдруг что-то екнуло, а сердце забилось часто-часто.

Ночью пошел сильный дождь, и мы, все участники концерта, спрятались в сарае с сеном. Было шумно, весело, и я ни на минуту не сомкнул глаз. Больше я ничего не могу писать об этой ночи — слов нет.

Серьезны ли мои чувства к Клаве? Не знаю. В этом у меня нет опыта. Подобное испытывал лишь однажды.

Ее звали Наташа Грибанова. Она нравилась мне три года подряд: 6, 7, 8-й классы. Безумно нравилась. Я мучился, когда она была рядом, ничего не мог делать, даже язык отнимался. Но все равно это было удивительно приятное время. Помню наперечет все дни, когда были вместе, все моменты, когда сидели рядом. Вершиной счастья был поход на кинокартину «Волочаевские дни», когда мы сидели, тесно прижавшись друг к другу. На ней тогда была заячья шубка.

Потом я уехал из Котласа в Архангельск. Долго не мог забыть ее. Одно письмо, видно, случайно ею написанное, хранится у меня до сих пор. На следующее лето опять приехал в Котлас. Она в это время была в пионерлагере — вожатой. Там был и Женька, мой товарищ, поэтому я поехал туда, как бы к нему. Встреча с ней была продумана до мелочей. Но, увы, все мои планы рухнули, как только я ее увидел.

«Здравствуй, Наташа», — удивительно громко сказал я. И все... Дальше не мог говорить. Я не знаю, питала ли она ко мне какие-нибудь чувства. Кажется, что-

то было. Наташа была напичкана всякими романами, по которым, видимо, училась себя сдерживать от проявления каких бы то ни было чувств, поэтому она никогда вида не подавала, что я ей нравлюсь. В свою очередь, и я, напичканный изречениями типа: «Не замечай женщину первым — пусть она сама подойдет к тебе», оправдывал этим свою робость. К чему это вспомнил про Наташу? Ах да, со времени нашей последней встречи прошло уже три года, и я теперь чувствую себя свободным.

И все равно школьные дни в Котласе будут всегда связаны с милым образом Наташи Грибановой, теперь, уже, наверное, Натальи Владимировны.

А о Клаве сейчас не буду. Пока опять не встречу, Сегодня ночное дежурство — пора готовиться.

10 августа

Ночь прошла спокойно. Стоял в наряде до половины пятого. Утром был Толя, рассказал новости. Оказывается, МХАТ переехал в Свердловск. Туда же уехал Иосиф Моисеевич Раевский*. ГИТИС или тоже поедет туда, или возвратится в Москву. Последнее кажется маловероятным. Спросил у Толи, когда соберут ансамбль. Он сказал, что есть телеграмма — вызывают на смотр армейской художественной самодеятельности. Значит, скоро увижу Клаву. Днем мне передали приказ: немедленно явиться в политотдел дивизии. Выписал продат-тестат, схватил плащ-палатку и помчался. В клубе — никого, я первый. Посидел, почитал газеты и журналы. У Армавира идут тяжелые бои, враг рвется к Майкопу, уже на подступах к нему. У Клетской наши тоже отошли. Южнее Воронежа мы накануне заняли один населенный пункт. Сегодня немцы пошли в контратаку, пытаясь вернуть его. Заняли западную окраину. В «Огоньке» — «Похождения Швейка». Увлекательно все-таки. В том же номере фото Джо Луиса в форме солдата американской армии: брюки навывпуск, выглажены «по правилам науки», как сказал незабываемый Борис Житков.

Прочел очерк Вл. Беляева об одном из наших северных портов, куда прибыли англо-американские корабли (видимо, Мурманск). Очень интересный очерк. Впер-

* Раевский И. — народный артист СССР, заведующий кафедрой актерского мастерства ГИТИСа.

вые увидел журнал «Краснофлотец». Весьма любопытен. До армейского смотра, как сказал нач. клуба, десять дней. Все эти дни, по приказу политотдела, отведены на подготовку программы. Параллельно будут концерты по частям.

И августа

Собираются постепенно участники самодеятельности. А из 6-го полка пока никого. Там Клава. За время существования нашей агитбригады мы очень подружились — все такие чудесные ребята и девушки. Если не перестану вести дневник, то о них, моих друзьях, буду писать много и подробно.

Сегодня концерт. Член Военного совета Калининского фронта генерал Катков будет вручать ордена и медали награжденным, а потом будем выступать мы. Медаль «За отвагу» получит наш Виктор Исаев. Завидно? Чуть-чуть. Он сейчас сидит напротив меня и читает вслух «Хитрую девчонку» Сергеева-Ценского. На столе стоит консервная банка с ветками черники. Из-за ягод, наверное, поставили. А их уже нет. Надо выбросить. А из шестого полка никто не идет.

На календаре портрет Талалихина — мужественный парень. Виктор что-то запел. Неплохо. «Гитара стонет», как сказали бы сестрички Климушевские. Может быть, встретимся на армейском смотре. Ну, хватит бумагу портить, пойду попою с Виктором — очень уж заразительно тянет «...возврата нет!...».

А из шестого полка — никого.

Сходили в лес за малиной. Великое множество ягод. Чем дальше в лес, тем больше... малины, конечно. Набирали два котелка и наелись сами до отвала. Обратного в клуб не пустили — началось совещание комиссаров полка. Пришел оркестр 6-го полка. Больше никого. Вручение медалей и орденов перенесли на 6 вечера. Начнут в семь. Значит, концерт не раньше девяти.

12 августа

Вечером был концерт, а потом мне поручили обеспечить всех ужином и ночлегом. С ужином было не легко, потому что десять человек из 4-го полка не принесли продаттестатов. В конце концов все устроилось. С ночлегом оказалось сложнее. Ребятам подыскивали сарай, но, поскольку подходящего пристанища для девушек не обнаружили, то выселили из сарая ребят и поместили туда девушек. А ребят устроили в другом са-

рае, где уже кто-то спал, сотрясая ветхие стены густым храпом. Я понес в сарай к девушкам шинели, и они попросили меня остаться — одному, мол, можно. Немного поломавшись, я остался. Лег рядом с Клавой, на сено. Через несколько минут в сарай пришли ребята из другой дивизии, приехавшие за получением наград. Услышав девичьи голоса, они, конечно, воодушевились, и тогда я подал голос, сказав, чтоб они перестали так примитивно острить. Они ушли. Проснулся, когда брезжил рассвет.

Днем было вручение орденов. Вчера вручали медали, а сегодня ордена. Орден Красного Знамени получил бывший боец истребительного батальона Красной Пресни Толя Сидоров. Теперь он уже лейтенант.

Начался концерт. Я начинаю его монтажом из статей И. Оренбурга. По глазам сидящих в зале видел — волнуется. Стихи «О наших батальонах» читал, чтоб в каждой строчке, в каждом слове звучала гордость за Москву, за москвичей. Ведь дивизия-то наша — московская. Аплодировали здорово, а комиссар Волгин с сияющими глазами кивал мне головой. А еще в программе играл «Кашевара». Надел колпак, фартук, взял дуршлаг. Не знаю, что зрителям понравилось: то ли одевание, то ли как читал, только в конце услышал из зала восхищенное: «Молодец!» Хорошо принимали наших частушечников Мальшеву и Исаева.

письмо ИЗ СЕГОДНЯ

Это я была когда-то той самой частушечницей, которую, как пишет Вася, «хорошо принимали». Во многих концертах на фронте участвовали мы вместе с ним. Он по скромности мало пишет, как его принимали. А принимали его великолепно. Был он человек творческий, легко воспламеняющийся на сцене и очень робкий и скромный в жизни. Это были два человека, абсолютно не похожих друг на друга. Мы ценили его как актера и уважали как человека. Он был для нас авторитетом в вопросах искусства, литературы, а вот над его робостью мы иногда подтрунивали. И он обижался как ребенок.

Но главной чертой его характера была, пожалуй, целеустремленность. Он верил, что окончит свой родной институт и будет актером.

*З. Авдусь (Мальшева),
кандидат физико-математических наук, Москва.*

13 августа

Вчера не успел дописать. Пишу сейчас. Концерт прошел с большим успехом. Много раз кричали «браво» и «автора». Раскину * сегодня вообще много аплодируют. Он действительно молодец. Его тексты всегда придают нашим выступлениям некоторую оригинальность, не присущую, может быть, ни одному другому ансамблю армии. А кроме того, они всегда злободневны и целенаправленны.

НАШ РЕПЕРТУАР

И вот здесь хочется рассказать о работе над «своим» репертуаром, которая не прекращалась далее в эти трудные времена.

Я уже упоминал, что многие бойцы и командиры, никогда доселе не писавшие песен, стихов, рассказов, в перерывах между боями стали заниматься творчеством. Написанное ими печаталось в армейской и дивизионной газетах и непременно присылалось к нам¹ в клуб. А поскольку профессиональных композиторов в нашей дивизии не было, многие вещи писались на мотивы популярных довоенных песен. Была у нас, например, своя дивизионная песня, написанная А. Раскиным на мотив песни Дм. и Дан. Покрассов «Москва майская».

Землю кровью заливая,
Убивая жен, детей,
Рвался враг ордой несметной
К сердцу Родины моей,
Над седым Кремлем Московским
Реял вражий самолет,
И раздался клич народа:
«Сын мой, Родина зовет!»

П р и п е в :

Вставай, страна,
Вставай, Москва,
Огнем войны объята!
Победа ждет,
Шагай вперед,
Сто пятьдесят пятая!

* Р а с к и н А. — участник Великой Отечественной войны, поэт и драматург.

В мыслях бьется пульс столицы,
К ней, как жизнь, сильна любовь,
Каждый камень в ней нам дорог —
В нем отца и деда кровь.

В бездорожье, снег и бурю
Шла дивизия вперед —
Отстоять Москву родную,
Отстоять родной народ.

Припев.

Не жалея нашей жизни,
Мы ведем с врагами бой,
И несем мы русским людям
Счастье, радость и покой.

Пусть наш стяг освобождения
Сквозь пожар войны пройдет
И в Москву, мою столицу,
Наше имя принесет.

Припев:

Вставай, страна,
Вставай, Москва,
Огнем войны объятая!
Победа ждет,
Шагай вперед,
Сто пятьдесят пятая!

Была в нашем репертуаре и лирическая песня (музыка к ней мы взяли из кинофильма «Александр Пархоменко»):

Военный товарищ,
Сквозь пламя пожарищ,
Сквозь грохот разрывов шагаем мы в бой;
Столица родная,
Москва дорогая
Пас в бой провожала морозной зимой.

Морозной зимою,
Протившись с семьею,
Мы шли на защиту родимой Москвы,
Холмов, гор высоких,
Ручьев, рек глубоких,
Полей золотистых, небес синевы.

Ломая преграды,
Не зная пощады,
Мы мстили за муки Советской земли.
За кровь Украины,
Донские равнины
В атаку, товарищ, с тобою мы шли.

Разгрома час грянет,
И счастье настанет,

Победный луч солнца нам будет сиять.
Родных и любимых мы снова обнимем —
Никто нашу радость не сможет отнять.

Вася Пластинин проникновенно читал на концертах стихотворение «Фронтовому другу», в котором, как и во многих наших фронтовых произведениях, звучала тема родного города.

Вдали от дома, от своей семьи,
Среди топей, болот, где ель и березняк,
Где ночью распевают песни соловьи,
Здесь мы с тобой живем,
а там, за лесом, — враг,
Мы делим здесь, в землянке, уголок,
Ломаем хлеб от общего куска,
С тобою делим супа котелок,
Последнюю затяжку крошек табака.
Смотрели мы опасности в глаза,
Нас смерть с тобой сторонкой обходила,
Когда ж рассеется военная гроза,
Вернемся мы к тому, что дорого и мило.
Промчатся тучи, станет небо сине,
На улицах Москвы зажгутся вновь огни,
Наполненную чару мы тогда поднимем
И вспомним эти фронтовые дни.

Большой популярностью пользовалась среди бойцов шуточная сценка-диалог на музыку знаменитой утесовской «Маркизы». Она разыгрывалась в немецких трофейных мундирах, которых у нас к тому времени было предостаточно, и всегда вызывала бурную реакцию солдатской аудитории.

Раз Гитлер был взволнован страшно,
С него катился градом пот:
— Как, генерал, наш бой вчерашний
У облюбованных высот?
— Все хорошо, в том нету спора,
У нас блестящие дела,
И лишь у храброго майора
Там неувязочка была.
Он шел, сверкая грозным взглядом,
Снесло погон ему снарядом,
А в остальном, божественный мой фюрер,
Все хорошо, все хорошо.
— Позвать немедленно портного, —
Приказ тут Гитлер отдает, —
Пусть моему майору снова
Погон покрепче он пришьет.
— Увы! Божественный правитель,
Портному ни к чему спешить,
Хотя вы чуткость проявили,

Но только не к чему пришить.
Как установлено врачами,
Погон снесло ему с плечами,
А в остальном, божественный мой фюрер,
Все хорошо, все хорошо.
— Какая тяжкая утрата! —
Тут Гитлер в ужасе вскочил. —<
Позвать скорей гомеопата,
Чтоб он майора излечил.
— Боюсь, не выполню приказа,
Врачи майору ни к чему,
Ведь заодно с плечами сразу
Снесло и голову ему.
А с головой майора вместе
Снесло голов семь тысяч двести,
И от удара русских вдруг
Снесло семь тысяч двести брюк.
А в остальном, божественный мой фюрер,
Все хорошо, все хорошо!
— Ты, генерал, дурак, ей-богу,
Ты — шляпа, а не генерал,
Так почему же на подмогу
Ты войска больше не послал?
— Увы, божественный правитель,
Полна отчаянья душа,
Мы шли вперед на все преграды,
Но только толку ни шиша!
На нас послали танки в ход,
За самолетом самолет,
Разбили дзоты, блиндажи,
Разбили пушки, гаражи,
И с фронта бьют, и с тыла бьют,
И отдышаться не дают...
И убежали мы без брюк,
И наступлению каюк.
А в остальном, божественный мой фюрер,
Все хорошо, все хорошо!

А кончалась наша программа неизменным «Бывайте здоровы...»:

Бывайте здоровы,
Богато живите,
Поганых фашистов
На запад гоните.

Гоните фашистов
На запад скорее,
Чтоб жить всем богато,
Чтоб жить веселее.

Исполняли мы и много классических произведений: стихи А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова, арии из опер и оперетт, русские и украинские песни. Но основу на-

шего репертуара составляли созданные в нашей дивизии стихи, песни, фронтовые сценки и, конечно же, произведения советских композиторов, которые были любимы и популярны в народе.

14 августа

Вчера после концерта я и получил это письмо. Письмо от Лизы Солодовой, из Саратова. Милая, чудесная девушка! Она безумно хочет мне помочь, но не знает, чем и как. Сколько в ее письме нежности. Только сейчас я понял то, что давно увидели в ней наши педагоги — изумительную душу!

Все-таки тархановский курс — силища! Из ее письма узнал, что буквально за две недели курс проделал большую работу и привел всех в восхищение, а экзамен прошел с триумфальным успехом. Как это радостно! Как важно для меня. Лиза пишет, что меня любит и помнит весь курс и что они мечтают о моем возвращении. Пишет, что я им необходим для будущего театра, что без меня их театр будет неполноценным.

Что это? Сон? Нет, строки письма, идущие от курса, от лучшей из лучших, Лизы Солодовой. —А конец письма? Сколько нежности и теплоты: «Пиши, славный ты человек...» Лизка! Что это ты?! Всерьез?

Она уверяет, что я буду с ними. Что они не допустят, чтобы я учился у других мастеров, потому что они мечтают о театре-студии Михаила Михайловича Тарханова. Это же счастье великое! Счастье людей, живущих одной мыслью, одной мечтой, одной жизнью. Эти люди, даже разрозненные, разбросанные, всегда вместе. Кто же еще может похвастаться такой дружбой?!

Прочитал выдержки из письма Клаве. Она молчала. Думаю, что величайшая сила этого письма не могла на нее не подействовать. Видимо, она думала о своих довоенных друзьях.

Я преклоняюсь перед чуткой душой этого человека — Лизы Солодовой. Я люблю ее, люблю как друга, настоящего, верного.

Надо написать ей ответ, но пока не могу. Не хватает слов.

А Клава уже не притягивает меня той огромной силой притяжения, как было раньше. Она, конечно, приятная девушка, что ни говори, но до сих пор я с ней чувствую себя стесненно.

А концерт сегодня был для слета снайперов. В том

же помещении, где мы выступали 30 июля. Только теперь сарай с удобствами: саперы пристроили закулисную часть, и есть где переодеваться и готовиться к выступлению. Клава сидит с Виктором. Он ее обнял. Что такое? Ревность?.. Не может быть!.. Да, точно...

Какое-то сумасшедшее настроение: хочется кричать, бесноваться... а потом опять апатия. Залез на балку, под потолок, и кинул в сидящих внизу охапку сена. Только выругался матом. С ним это редко бывает. Неужели я перегнул? Наступило полное ко всему безразличие. Вышел на сцену и... захотелось сделать что-то такое... выложить всю душу, отдать в зал, все, что имею, назло всем! Объявил как всегда: «Выступает ансамбль 155-й стрелковой дивизии. Баянисты Павлов и Лужков, аккордеонист Злобин, хормейстер Патрикеев, дирижер Гордеев, танцы в постановке лауреата международного фестиваля народного тайца в Лондоне Николая Злобина, художественный руководитель ансамбля — Анатолий Борисов».

Все это сказал торопясь, язык заплетался. А потом начал читать Эренбурга. Решил не делать ни одного жеста — как встал руки за спину, так и прочитал все от начала до конца. Читал, пальцами сзади какие-то кренделя выделял: смотрите, как я умею! Глупо до чего... А Клава одна сидит. Не подсаживаюсь... Как я люблю эту ее привычку. Она крепко жмет твою руку и в тебя как вливаются... не знаю что... но очень хорошо становится вдруг. Что это? Сцена озаряется ярким светом... упала лампа керосиновая... с бензином. Вспыхнули ветки, которыми была украшена сцена, все запылало. Схватил какую-то плащ-палатку, накрыл ею и телом огонь, срывал доски... куда девать энергию?! Пожар потушили, концерт продолжался. Что я только не делал! Как я играл «Маркизу»! Рвал и метал! Все к черту! Уныние и всякие там меланхолии!

ПИСЬМО ИЗ СЕГОДНЯ

Я никогда не думала, что через столько лет мне доведется прочитать строки Васиного дневника.

Он был удивителен, Вася. Так же удивителен, как этот его дневник. Тогда, много лет назад, я не понимала, откуда у этого восемнадцатилетнего паренька такая эрудиция, такие познания во всех областях искусства. Теперь я понимаю — он торопился и торопил других.

Он говорил, что одной жизни мало, чтобы познать все прекрасное. Одной жизни мало... Несправедливо...

У меня растет сын. Я очень хочу, чтобы он был таким же целеустремленным, добрым, умеющим щедро открывать сердце людям, как друг моих фронтовых лет Василий Пластинин.

Клавдия Шмелева, экономист, Москва.

15 августа

В нашей дивизионной газете сегодня заметка; «Вручение правительственных наград». А еще написано там: «Награжденным бойцам и командирам был дан концерт силами красноармейской художественной самодеятельности. Концерт прошел с большим успехом». Это про нас.

Пройдет время. Кончится война. Соберемся вместе с друзьями, и я прочту строки своего дневника. Не знаю, смогут ли кого-нибудь они взволновать, но самому мне будет приятно вспомнить это тревожное время.

О днях войны будут написаны сотни томов, и это будут книги о подвигах, о доблести великих пехотинцев, танкистов, летчиков. А жизнь красноармейского ансамбля, быть может, будет забыта. Какое это великое дело — искусство на фронте. И понимаешь это тогда, когда к тебе подходят и спрашивают: «Когда приедете с концертом?», когда после концерта к тебе пробираются люди с суровыми лицами и благодарят, когда тебя знают и узнают в частях, когда ты понимаешь, что тебя ждут, что ты нужен. Какая же это радость, какое великое счастье быть актером!

Обо всем этом я расскажу моим друзьям и подругам, и корявый язык моих заметок наверняка дойдет до них, взволнует. Ведь у них такие чуткие души, такие чистые сердца, такая огромная нежность к человеку. Милые вы мои! Вы счастливейшие люди. Вы учитесь. С вами занимаются самые лучшие педагоги, самые дорогие нам люди...

И с такой нечеловеческой силой вдруг потянуло меня к вам, на ваши занятия, в ваш спектакль...

Я СДЕЛАЛ ЭТО ЗА ТЕБЯ, ВАСЯ!

Ты хотел после войны прочитать строки своего дневника товарищам. Я читал их многим из тех, о ком ты упоминал в своих записях: Леве с Колей, Лизе и дру-

гим товарищам по курсу; Валентине Ивановне, твоему любимому педагогу, Клаве Шмелевой.

, Когда страна отмечала 30-летие со дня Победы, твои друзья уговорили меня опубликовать некоторые страницы дневников в журнале «Театр».

— О Васе должны знать не только гитисовцы, — убеждали они меня, — с ним должны познакомиться и другие.

Твое намерение прочесть свои дневники друзьям позволило мне эту публикацию. Теперь у тебя друзей еще больше. И не только среди работников театра. Как участника Великой Отечественной меня иногда приглашают в московские школы на уроки боевой славы, просят рассказать о войне, и я читаю им твои дневники, рассказываю о тебе.

В дни празднования 40-летия Победы меня попросили выступить в Центральном Доме работников искусств. Помнишь, на Пушечной? До войны мы с тобой там часто бывали, совсем еще мальчишками. И снова я рассказывал о тебе, читал строки твоих дневников. Стояла тишина. На фронте она нас всегда тревожила. Здесь она была торжественна и величава. А потом зал аплодировал. Твоему мужеству, твоему оптимизму, твоему таланту.

16 августа

Мой дневник этого периода озаглавлен: «Некоторые заметки о моей личной жизни». И поэтому я пытаюсь не уводить заметки из этих «рамочек», которыми сам себя ограничил.

Сегодня понял, что Клава никаких чувств, кроме дружеских, ко мне не питает. Давно мог бы это понять, но не хотел. Очень мало я о ней знаю. Училась в Гнесинском училище. А потом бросила. Почему? Бросать любимое дело — беспринципно. А может быть, это не было ее любимым делом? Все равно легкомысленно. Вот заставьте меня, например, бросить театр. Ни за что на свете! Если только меня убьют или оторвут ту или иную часть тела. Искусство актера — это самое интересное из всех искусств. Ведь в основе его — человек, которого ты создаешь в себе самом. Это не глина скульптора, не краски художника, не чернила писателя, даже не его слова...

Да... Милая, чудная Клава! Грустно. Уже собирается народ на концерт. Как я буду сегодня играть?!

Эх, если бы не война... Как бы я работал! Над чем бы я работал! С кем бы я работал! Дух захватывает от одной мысли. Прочсть бы сейчас мои мысли со сцены. Как бы я играл! Боже мой! А сейчас... Даже вдохновенные, прекрасные слова Эренбурга не могут дать выхлест моей душе.'

5 часов вечера.

После концерта разговорился с Марусей. Она давнишняя подруга Клавы, вместе работали на московском заводе, вместе учились на токарей. Оказывается, Клава перед войной подала заявление в консерваторию.' Маруся говорит, что она талантлива и у нее все впереди, ведь она с 22-го года, а сейчас 42-й.

Почему-то расхотелось писать дневник.

17 августа^I

Сегодня ездили на машине в Степаново. С концертом. Набрался нахальства и всю дорогу пел какие-то песни. До начала концерта было время, и все пошли на речку. Умылись и в ожидании обеда улеглись на траве. Тут на Зину напало какое-то игривое настроение, и она стала ко всем приставать:

— Фисочка, дай я тебя поцелую...

— Клавочка, дай я тебя поцелую...

— Васечка, дай я тебя поцелую...

Я, конечно, не дал, так сказать, себя поцеловать. Тогда она говорит:

— Тебе, значит, можно меня целовать, а мне нельзя?

А я, хоть убей, не помню, когда же я ее целовал.

— Забыл? В Ярошевке, после концерта...

Черт, действительно, я ее поцеловал в щечку за то, что здорово спела, но ведь это было просто так, это была благодарность за исполнение. Смутился я почему-то и вроде покраснел. И сказать чего не знаю. А тут еще Клава рядом, делает вид, что не слушает, но я-то вижу, прекрасно все слышит. Выручил обед — позвали к котелкам и, к моей радости, сменили тему разговора: заспорили о том, какие сухари вкуснее — черные или белые.

Народу на концерт собралось много. А у меня испортилось настроение, как назло. Мы здесь впервые выступаем, надо не ударить в грязь лицом. Попытался взять себя в руки: ни о ком и ни о чем, кроме концерта,

не думать. Перед началом подошла Клава, видно, ей передалось мое волнение, взяла мою руку и слегка сжала. Ну, этот наркотик подействовал безотказно. Начал концерт с необычайным подъемом. А уж после он покатился, как по хорошо смазанным рельсам. Потом было обсуждение. Дурацкое: нас хвалили, и все. А я-то знаю, что многое у нас недотянуто. Вот, например, дуэт «Парень кудрявый». Поют его Клава и Сергей. То, что они делают на сцене, ну абсолютно противоречит тексту этого дуэта. Они совсем не обращаются друг к другу, всё поют в зал. Я не знаю, может быть, певцам это и не нужно, но мне кажется, что донести смысл того, что поёшь, не менее важно, чем верно взять какую-нибудь высокую ноту. Надо им сказать об этом, все время забываю.

ТЕАТР В ЕГО ЖИЗНИ

Василий относился к театру очень серьезно. Театр был делом всей его жизни, увы, такой короткой. Он не мыслил себя вне профессии актера, вне жизни в театре. Он мечтал о возврате на курс страстно, порой болезненно. Война для него была бедствием, нарушившим мирную жизнь его народа, оторвавшим его от любимого дела, принесшим горечь и страдания. Но он и мужал на войне, учился переносить лишения, познавал жизнь.

Вася часто говорил, что М. Горький прошагал тысячи километров дорог до того, как стать писателем, а для него война — это те же горьковские дороги, только более жестокие и трудные.

Он прочитал множество книг, любил кинофильмы, где его интересовал не сюжет, а мысли, которые несли актеры. Он ничего не давал поверхностно, всегда «копал» в глубину.

Я много с ним репетировал, будучи еще начинающим режиссером, и удивлялся жажде и неутомимости его творческих поисков. Неважно, что это было — стихотворение А. Твардовского, страстный очерк И. Оренбурга или бытовая сценка из фронтовой жизни. Сейчас-то я понимаю, что он был ПРОФЕССИОНАЛОМ уже в те юные годы. Принимали его великолепно, он знал успех, был любимцем солдатской аудитории. Но это не снижало той требовательности, какую он предъявлял к себе. В жизни Василий был застенчив и робок, а на концер-

тах — собран и подтянут. И как только его хватало?! Ведь зачастую он выступал в четырех-пяти концертах за день, и на него всегда выпадала самая большая нагрузка. А как переживал он неудачи; разного рода наклад-ки, нетворческое порой отношение к делу товарищей. Только теперь понимаешь, что уже тогда он готовил себя к серьезной работе в театре. Он бредил им, ибо для него театр был все.

Я убежден: если б жизнь Василия не оборвалась столь трагически, сегодня его имя было бы среди ведущих актерских имен советского театра.

21 августа

Радостная весть — союзники открыли второй фронт. По этому поводу давали концерт в школе сержантов. Даже специально написанные Раскиным стихи читали.

24 августа

Второй фронт — липа. Союзнички потерпели солидное фиаско. Вояки! В ансамбле вчера был день наивысшего смятения. Нач. клуба Крубаков дошел до того, что назвал весь ансамбль ротой, в роте — два взвода, во взводах по два отделения. Начальников стало столько, что не упомнишь. Примерно на двух ансамблистов по командиру. Начались строевые занятия. Ходим ничего, прилично. Вечером концерт в 4-м полку. Меня начинает удивлять «Маркиза». Всегда проходит с успехом. Всегда смеются и шумно аплодируют. А ведь мы ее играем с ноября 41-го. Никак не пойму: в чем секрет? После концерта комиссар полка обратился к бойцам:

— Ну как, хорошо?

— Хорошо, очень хорошо! — закричали со всех сторон.

Он повернулся к нам:

— Спасибо!

>— Служим Советскому Союзу! — с гордостью ответили мы.

Обратно пошли пешком, это километров 7, в расчете встретить машину, попутную. Клава шла с нач. клубом. Знаю, что не любит, презирует его, а тут идет и кокетничает. Такое зло меня взяло — пошел вперед. Километра четыре шел быстрым шагом, скорее бежал. В эту ходьбу вложил всю свою злость и обиду. А потом успокоился, сел — отдохнул немного. Вдруг слышу вдалеке шум

машины и голоса наших — дождались, значит, попутки. Неужели приедут раньше меня? Ни за что! И я побежал. Как я бежал! Вспомнил былые годы и кличку «Курьерский», которую дали мне товарищи по школе. Бегу, а за мною шум машины. Поддаю хода и влетаю в деревню. Первый! Раньше их. Какая-то безумная радость охватила — я обогнал машину! Походил. Успокоился.

26 августа

На ПМП * очень много девушек. Они даже несут караульную службу. У нас в полку этого не было. Сцену не приготовили, просто положили на землю несколько досок и укрепили их, чтоб не шатались. Во время концерта со мною произошло что-то непонятное — чуть не расхохотался сам во время сценки «Эликсир бодрости». Эти девчонки в зале так заразительно хохотали, что проклинал их на чем свет стоит, хотя в душе приятно было, что так реагируют.

ЗНАМЕНОСЦЫ И ГОРНИСТЫ

*Муза истории измеряет поля
вокруг Тулы и Ростова. Муза
трагедии облетает пустыню Европы.
Муза поэзии ведет полки в бой.
Мы все нужны народу на войне:
знаменосцы и горнисты...*

И. Эренбург

Концерты на фронте. Рядом льется кровь, кругом страшные картины разрушений, опасность и в то же время жажда приобщения к искусству. Ни залпы орудий, ни вой бомб, ни скрежет металла не могут заглушить музыку, песни, стихи. Почему? Да потому, что они поднимают настроение, воодушевляли людей, давали им новые силы.

Я отлично помню ансамбль красноармейской самодеятельности. Он исполнял монтаж «Убей фашиста». Я смотрел и слушал этот монтаж несколько раз, и настолько огромна была сила вызываемой им ненависти к врагу, сжигавшему наши города и села, мучившему наших женщин и детей, что у многих зрителей, в том числе и у меня, навертывались слезы и сжимались кулаки. И если

* ПМП — полевой медпункт.

искусство вызывало такие эмоции, значит, оно служило войне так, как того требовали интересы Родины.

*И. Баграмян, генерал армии.
Газета «Советское искусство»,
23 июня 1945 года*

Всегда ли молчат музы, когда стреляют пушки? Я думаю, что нет. Иногда они не только не умолкают, а даже наоборот — вторят пушкам. Все зависит от того, во имя чего стреляют пушки. Когда они стреляют во имя порабощения людей, музы не только умолкают, они умирают. Когда же они стреляют во имя свободы, музы громко поют.

*Леонид Утесов, народный
артист СССР. Из книги
«Талант и мужество»*

ПИСЬМО С ФРОНТА

Василий Пластинин — родителям

9 сентября 1942 г.

Конечно, это неприятно, что начались налеты авиации на Архангельск. Это, в общем-то, если каждый день, то даже противно. Но мы, москвичи, научились презирать бомбежки, тем более что эффективность их была чрезмерно малой. Думаю, что и у вас выработается такое же к ним отношение.

Жаль, конечно, что наш огород «пал жертвой» первого налета, но... лучше огород, чем расположенное поблизости предприятие. Если в сводках с Калининского вы прочитали, что «наши войска частью сил перешли в наступление», так мы (и я в том числе) имеем к этому некоторое отношение.

Из писем ребят узнал, что МХАТ в Свердловске, ГИТИС по-прежнему в Саратове. Говорят, что скоро они съедутся в Москве. Это уже что-то, коли в Москву стали возвращать театры и институты.

Без даты

Сегодня на концерте в ПМП было много накладок. Напутали в «Маркизе», потом Сережа в дуэте дважды спел второй куплет. Анатолий очень кричал на баяниста, обвиняя его в невнимательности. Правда, последним номером все сгладили, но осадок какой-то неприятный остался. А по дороге домой случилось несчастье — перевернулась машина, в которой ехали. Все ушиблись, но

больше всего досталось Виктору, он вылетел на противоположную сторону и сильно ударился о камень головой.

Вот и кончилась моя записная книжка. А с ней и дневник.

Сейчас писать не на чем (нет блокнота), да особенно и не о чем. Все понятно. Нет, не все... Многое пока загадка...

СЕНТЯБРЬ —ОКТАБРЬ 1942-го

В Васином дневнике пропуск. Почти в два месяца. Может быть, потерялась книжка, а может быть, писать было некогда, хотя на Василия это не похоже — дневник был ему необходим. В одной из книжек есть такая запись: «Иногда кажется, что дневник — это разговор с самим собой, так иногда хочется, чтобы на твои мысли кто-нибудь отозвался...»

Попробую восстановить события, происшедшие за эти два месяца. Поскольку дивизия все это время находилась в обороне, работы у нас было много. В день давали по два-три концерта: для бойцов переднего края — в землянках, для раненых — в медсанбате, для местного населения — на открытом воздухе. Часто концерты прерывались артиллерийским обстрелом или очередной бомбежкой, но иногда проходили и в полной тишине. Тогда наши бойцы говорили: «Фрицы слушают».

Однажды командир разведроты обратился к нам с просьбой не прерывать концерт даже в том случае, если начнется обстрел, причем выступить непременно на открытом воздухе, а не в землянке. И мы выступили. Первый раз с микрофоном — разведчики притащили и поставили перед нами какую-то усилительную аппаратуру. Мы не узнавали своих голосов, а реакция зрителей была настолько бурной, что, казалось, концерт смотрели не тридцать-сорок бойцов, а по крайней мере несколько сотен. Передний край обороны гитлеровцев просматривался хорошо. Там было тихо и спокойно. Уже потом мы узнали, что во время концерта наши разведчики подобрались к немецким окопам и «выкрали» двух «языков». На допросе пленные рассказали, что слушали «рус-концерт» и были застигнуты врасплох нашей разведкой. За этот концерт многие его участники были представлены к правительственным наградам.

А дивизионный клуб продолжал жить напряженной жизнью. В октябре меня назначили начальником клуба. Началась подготовка к проведению партийного актива дивизии: ежедневно приходилось бывать в полках и батальонах, и порой я не мог принимать участия в концертах. Мой репертуар, выучив его за два дня, играл Василий — памятью он обладал великолепной, работоспособностью удивительной.

Ночами мы с А. Раскиным писали новый репертуар, каждую свободную минуту репетировали новую программу. А в это время в лесу, близ деревни Тагощи, саперы строили здание клуба. Из разрушенных деревень привезли несколько срубов и начали возводить удивительное архитектурное сооружение со сценой, зрительным залом мест на двести, подсобными помещениями, кинобудкой. И это в непосредственной близости от переднего края.

В те же дни по просьбе Московского комитета партии мы начали готовить фотовыставку «Москвичи в боях за Родину», материалы которой должны были отправить в столицу к годовщине организации дивизии. Это была нелегкая работа. Какие фотографии отобрать? Кого из воинов представить на стендах? У нас уже было немало героев, отличившихся в боях. Снайпер Александр Воронин уничтожил 82 фашиста, санитар Филипп Кондрашин вынес с поля боя 89 воинов, зенитное оружие Алексеева сбило несколько вражеских самолетов, хорошо поработали в тылу врага разведчики Тутенкова. Отличились в боях и были награждены боевыми наградами командир батальона капитан Борзилов, пулеметчик Щибря, красноармеец Ровинский и много других. А каждый день рождал новых героев. Всех их надо было сфотографировать, рассказать коротко об их подвигах.

И тут выяснилось, что для организации фотовыставки в Москву будут направлены представители дивизии — фотограф и я.

Бедный Вася, как ему хотелось в Москву, как хотелось повидать свой любимый город, свой институт. Он искренне радовался за меня и просил писать ежедневно обо всех встречах с друзьями, о столице, о выставках.

КНИЖКА
ЧЕТВЕРТАЯ

*Если бы ты смог приехать в
Москву! Мы бы вцепились в
тебя всем курсом и никуда бы
ты больше не поехал...*

*Из письма
Лизы Солодовой*

28 октября 1942 г.

Сегодня Анатолий принес открытку от Наташиной подруги. Оказывается, Наташа [Качуевская] вышла замуж в феврале этого года за очень славного парня, кажется, начальника политотдела. Его уже нет в живых, а от Наташи это скрывают. Подруга просит не проговориться об этом в письмах к Наташе.

Находится она на Южном фронте, наверное, под Сталинградом, пишет бодрые письма, ведет комсомольскую работу. Два месяца тяжело болела — еле вылезла. Жалко девушку — вот не повезло.

9 ноября

Виктор пристал к Анатолию с расспросами о дальнейшей нашей работе. Тот сказал: «Будет агитбригада в 10—12 человек, которые должны выезжать в полки и давать концерты непосредственно на передовых позициях — 5—6 дней в каждом полку, а потом неделя в тылах на подготовку новой программы. Она должна быть театрализована и не громоздка, ибо выступать придется в самых разных условиях: в блиндажах, землянках, на воздухе, перед аудиторией в 5—10, а то и в 30—50 человек, но не более».

Мы привыкли в основном к большим и солидным «зрительным залам», а тут единицы зрителей. Но, видимо, так диктует обстановка.

11 ноября

В деревне Тагощи произошел у меня такой разговор с хозяйкой одного из уцелевших домиков:

Она. Бог хороший человек!

Я. А может, не человек?

Она. Все равно, дух.

Я. Так дух или человек?

Она. Когда нужно — дух, а когда нужно — человек,

Я. Кому нужно?

Она. Людям. Которые в победу верят.

А в углу ее хаты висят иконы, горит лампада, а под иконами на стене наклеены газеты с портретами Сталина.

16 ноября

Вчера давали концерт на юбилее 306-го артполка. Выступали без Анатолия. Его роль (исполнительскую) выполнял я, а организационную Раскин. Первый концерт прошел ничего, но второй... Были командир дивизии Блинов, комиссар Волгин, нач. политотдела Авдусь, командир артполка Башилкин.

Волгин вначале как-то морщился, а потом опустил голову на колени, да так и просидел всю «вступительную» часть концерта. После концерта подошел к нам.

— Что ж это вы? Подводите меня. Смотрите, вам предстоит поездка в соседнюю 362-ю дивизию, не наводите там такого же.

Я просто удивляюсь, как люди не могут за несколько дней запомнить три-четыре куплета стихотворного текста. Это какие-то абсолютно невнимательные, ненормальные люди. Ну ладно, Чернавцев Сережа, он непрофессионал, но Яндульский, бывший артист театра Красной Армии. Удивляюсь...

А комиссар продолжал:

— Довелось мне видеть ансамбль 362-й дивизии. Неприглядная картина. Правда, оркестр приличный, но в остальном... Покажите им, какой должна быть армейская самодеятельность. Только, пожалуйста, не осрамитесь, как сегодня.

— Ну что вы, товарищ полковой комиссар, мы сегодня случайно...

— Я верю вам. И в вас верю.

Сказал и ушел.

ПИСЬМО ИЗ СЕГОДНЯ

Прочитал эти строчки, и память как бы проявила события того вечера, когда проходил концерт, о котором пишет Вася. Вообще-то концерт был хороший. Ну, кто-

то забыл пару раз текст, сфальшивил в пении, но солдаты — зрители щедрые, все равно аплодировали без устали. Комиссар наш любил самодеятельность, покровительствовал ей, но и спрашивал за малейшие погрешности. А когда на армейском смотре наши ребята занимали-первое место, он радовался как ребенок.

Пожалуй, Пластинин был самым способным. Великолепно читал Эренбурга, Симонова, Твардовского, играл комедийные сценки и даже пел. Вот сейчас, когда вспоминаю, как он пел, прихожу к выводу, что пел он «душою», голоса-то сильного у него не было, а вот то, что он чувствовал, что поет, это точно, — уж очень здорово его всегда бойцы принимали. Бывало, только появится на сцене или другой площадке, под нее приспособленной, а ему уже аплодируют. Любили его. Замечательный был парень.

М. Титюнюк,
майор в отставке, бывший
адъютант командира 155-й дивизии.

17 ноября

Концерт в медсанбате. Выступали в палатке, где лежали раненые. В одном углу соорудили для нас настоящую сцену с кулисами и занавеской из нескольких слоев марли. Народу набилось уйма: из других палаток принесли раненых на носилках, а ходячие сами пришли, да медперсонал. Я одного раненого особенно запомнил, он на носилках лежал, весь забинтованный, вроде бы в первом ряду, у самой сцены. И ни на что не реагировал. Смотрел на все, что происходило на сцене, каким-то совершенно безразличным взглядом. Я весь концерт для него играл, особенно все смешные сценки, а он ну никак, даже глазами не смеялся. Во время выступления наших танцоров я узнал, что раненый этот — артиллерист из 306-го артполка, и в самом конце, в заключительной песенке, спел, обращаясь к нему:

Бывайте здоровы, вставайте скорее,
Привет вам от вашей родной батареи...

И он... улыбнулся. И очень как-то мне стало хорошо. Как будто и у меня весь концерт что-то болело, а теперь боль прошла. От волнения и отдачи вымок как мышья. Этот концерт мне запомнится надолго.

Сегодня Анатолий получил письмо от Наташи [Качуевской]. Скучает и тоскует. Ни с кем особенно не дру-

жит. Семь месяцев нет известий от мужа. Бедная, она и не знает, что он погиб. Сейчас их часть на отдыхе, и тоска по любимому делу опять гложет. Как можно догадаться из письма, ее представили к правительственной награде. Буду рад за нее. Эх, ГИТИС, ГИТИС, многострадальный ты!

18 ноября

Получил долгожданное письмо от Лизы Солодовой. Пишет, что живет в Москве, скучает по курсу, по занятиям, ждет решения правительства о переводе ГИТИСа в Москву.

А у нас здесь тоже все непонятно. Одни говорят, что скоро дивизия пойдет в наступление, другие — что отводится в тыл. В общем, действительно: «В голод наймутся, а в войну наврутся».

На нашем участке находится 1-я гвардейская танковая бригада генерала Катукова. Ходили они с нашим командиром дивизии осматривать оборонительные укрепления. Говорят, очень ими (укреплениями) Катуков остался недоволен.

20 ноября

Оказывается, в нашей армии есть банно-прачечный отдельный женский батальон. Вчера он прибыл в расположение нашей части. 100 девчонок. Лет этак по 20—25. Каждая кровь с молоком. В их обязанности входит стирка белья подразделений армии. Механизация у них, конечно, аховая: котлы да дезинфекционные камеры. Нас всех через камеры, а белье через котлы пропускали. А вечером батальон затребовал концерт и танцы. Концерт дали по сокращенной программе, а к танцам наши «кавалеры», как следует продезинфицированные, готовились как к боевой операции. Должен сказать, что им нелегко пришлось, ибо на каждую боевую мужскую единицу пришлось по несколько «рвущихся в бой» партнерш. Не знаю, как остальные, но наш баянист, по-моему, обеспечен теперь чистым бельем до конца войны.

ЖЕНСКИЙ БАТАЛЬОН

Это было удивительное подразделение. Девушки (а их было в батальоне около ста человек) работали очень старательно, понимая, что вносят посильный вклад в

общее дело. По вечерам они надевали припрятанные пестрые платица, накидывали сверху телогрейки, когда было холодно, и, заполучив баяниста, устраивали тайцы. Это было для них отдушиной, наградой за нелегкий дневной труд. А когда им давали концерт красноармейской самодеятельности, они были, пожалуй, самыми счастливыми и благодарными зрителями.

И не такая уж у девушек была мирная профессия, как нам казалось. Командир их батальона рассказал нам, что в том же 42-м попали они в окружение и с боями сумели выйти из него, сохранив весь свой нехитрый инвентарь, но потеряв несколько отличных девчонок.

23 ноября

Наши у Сталинграда продвинулись на 60—70 км и вышли к Дону. Здорово!

Завтра уезжают в Москву Анатолий и Андрей Петров — наш фотограф. Едут открывать выставку «Москвичи в боях за Родину». Толька везет с собой мои дневники — 1, 2, 3, 5-ю книжки. Хочет он эти книжки читать ребятам. Я просил не делать этого, но он все равно прочтет, я знаю.

Турция объявила войну Германии.

В районе Сталинграда наши войска продвигаются вперед.

В Африке войска союзников идут на соединение, разрывая гигантскими клещами армию Роммеля.

ИЗ СООБЩЕНИЯ СОВИНФОРМБЮРО. 24 ноября 1942 г.

В течение 24 ноября наши войска продолжали вести успешное наступление с северо-запада и с юга от гор. Сталинграда на прежних направлениях...

Наши войска заняли город и станцию Суровикино, населенные пункты Зимовский, Камышинка, Ближняя, Перекопка, Трёхострозская, Сирогинская, Томилин, Акатовка, Латошанка, Уманцево, Перегрузный и город Садовое.

24 ноября

С Турцией липа, как и со вторым фронтом. В медсанбат потянулись раненые, рассказывают: наш 786-й полк, обходя сильно укрепленную деревню Карповку, занял пять населенных пунктов. Немцы бросают оружие, бегут в болота, взято 200 пленных. В наступление пошла вся наша армия. А мы ждем приказа. Вероятно, долго не увижу Клаву. Очень долго.

25 ноября

Вчера ходил в политотдел армии, что в Шабанах, где до этого был штаб нашей дивизии. Места знакомые, но как все преобразилось. Во всех домах горит электричество. От походной электростанции. Пожалуй, впервые после отъезда из Москвы увидел я электрические лампочки и столько света.

Свет и война! Какие-то в моем сознании несочетающиеся слова. Скорее исключаящие друг друга. И вот впервые они рядом, И все же я не точен — я видел электролампочку на фронте, и много раз: в кинопроекторе, когда показывали кино, но она стыдливо пряталась в аппарате и светила изнутри, а не снаружи. .

Люди в политотделе показались мне какими-то неторопливыми, спокойными, совсем с иным, чем у нас, ритмом жизни.

Случайно стал свидетелем такой картины: горит лампочка. Вместо абажура — газета. Свет падает на стол, оставляя остальную часть комнаты в полумраке. За столом — четыре человека: три женщины и один мужчина. Одна уже пожилая женщина, со шпалой, черные выющиеся волосы, орлиный нос. Симпатична. Напротив нее молодая девушка с густыми пепельными косами. Сидит ко мне в профиль. Не так чтоб уж очень он (профиль) красив, но... притягателен. А вот, когда повернулась — оказалась обаятельной, интересной девушкой. Почему-то подумал, что она москвичка. И вскоре девушка сама это подтвердила. Из разговора узнал, что она студентка Московского педагогического института. Кончила три курса. Ушла, как я, на фронт добровольцем. И стало мне как-то приятно, хорошо и уютно. Смотрел я на эту внезапно появившуюся девушку, как на видение Москвы, и не мог оторваться.

А Анатолий уже ходит по Москве...

ФРОНТОВАЯ МОЯ МОСКВА

Да, в ноябрьские дни 42-го года, когда дивизия находилась в обороне, отправились мы в Москву вместе с фотографом Андреем Петровым и кипой фотонегативов, чтобы открыть в столице выставку, рассказывающую о боевых делах москвичей.

Не говорю о тысяче других попутно полученных поручений. Нужно было достать новые книги для библио-

теки, костюмы для самодеятельности, музыкальные инструменты для оркестра и краски для художника, новую киноаппаратуру и, конечно же, хоть какое-то оборудование для строящегося в лесу клуба, ведь у нас не было ни занавеса, ни кулис; ни фонарей для освещения.

Комиссар дивизии В. Волгин, по инициативе которого и была организована эта поездка, считал, что москвичи помогут своей дивизии, упустив, правда, из виду при этом, что московских дивизий к тому времени насчитывалось уже чуть ли не с десяток.

Не могу не сказать хоть несколько слов о нашем комиссаре. Это был фанатик своего дела, любимец солдат и командиров, несмотря на свою строгость и требовательность. Политработа в дивизии была поставлена отлично. Сколько выдумки, инициативы, настойчивости проявлял комиссар в ее организации! Ничего не делалось формально, во всем была видна забота о бойцах, об их настроении и боевом духе. Удивительно проходили партийные и комсомольские активы — зажигательно, каждый раз по-новому, задачи перед политработниками ставились предельно конкретно и обсуждались горячо и заинтересованно. Большое значение придавал комиссар красноармейской самодеятельности. Это его стараниями наш ансамбль сохранялся как боевая единица, во многом благодаря ему мы завоевывали первые места на армейских смотрах.

...Четыре дня добирались мы с А. Петровым до Москвы — сначала на попутках до Калинина, потом поездом.

Москва 42-го! То же затемнение. Те же машины с песком. Те же аэростаты заграждения. Но город живет какой-то иной, менее напряженной жизнью. В витринах магазинов — Окна ТАСС с карикатурами и стихами известных художников и поэтов. Работают многие театры.

Начались наши хлопоты по организации выставки. Поскольку дивизия формировалась из истребительных батальонов, среди которых был и наш Краснопресненский, Московский комитет партии решил открыть выставку в фойе кинотеатра «Художественный» на Арбате и направил нас в Краснопресненский райком. Находился он тогда на Суворовском бульваре, там, где сейчас Центральный дом журналистов.

Горячо взялась за дело Нина Васильевна Попова, тогдашний первый секретарь райкома. Были составлены план и эскизы выставки, сданы в фотолабораторию наши негативы. Каждый день — по несколько раз — выступали мы на предприятиях района, рассказывали о дивизии, о ее бойцах, о работе нашего клуба.

Интерес к открывающейся выставке был несомненен, и это накладывало на нас немалую ответственность. Мы почувствовали, что выставка нужна москвичам. Это придавало нам силы и уверенности в успехе.

Вечерами — театры. Как я по ним соскучился! Иппасть-то ведь в них было непросто. «Все билеты проданы» — такие таблички висели в каждом вестибюле. Выручала военная форма и какое-то удивительное отношение к фронтовикам. Стоило протянуть администратору удостоверение, что ты с фронта, и перед тобой открывались все двери. В те дни я слушал «Флорию Тоску», «Травиату» с В. Барсовой в главной партии, смотрел «Дон-Кихота» в филиале Большого, «Школу злословия» во МХАТе, «Цыганского барона» в театре К. Станиславского а В. Немировича-Данченко, «Отечественную войну» в Малом, «Русский вопрос» и «Собаку на сене» в театре драмы, спектакль А. Райкина «Кроме шуток».

Спектакли надо было запомнить в мельчайших подробностях, ибо я знал, что мои артисты, и в первую очередь Вася, забросят меня вопросами — все они ждут подробной информации о работе московских театров. Ждут там, на фронте.

27 ноября

Одинок я. Почему же? Ребята ко мне хорошо относятся. Я к ним — тоже. Но гнетет какая-то тоска, не дающая порою покоя. Это одиночество еще более обостряет тоску по Клаве, желание ее видеть. Она могла бы из полка с кем-либо передать весточку либо по почте письмом прислать. Молчит. Недостаток времени — не оправдание.

Жизнь течет как-то однообразно. Находимся в обороне. Немцы не наступают, и мы тоже не торопимся. И мы и они возводим оборонительные укрепления и зарываемся в землю. В лесу саперы собрали из нескольких срубов великолепный клуб со сценой, гримерной и библиотекой-читальней. В основном там и даем концер-

ты, а бойцы из частей приходят группами. Погода достаточно противная: метель и ветер. Живем в землянках вокруг клуба — привыкаем постепенно к земляной жизни.

КЛУБ В ЛЕСУ

Сейчас этим никого не удивишь. Сколько выстроено в лесах домов отдыха, санаториев, пионерских лагерей, и у каждого свой клуб — уютный, теплый, хорошо оборудованный. А тогда, на фронте...

Несколько собранных вместе срубов. Сцена, зрительный зал. Даже помещение для актеров, своеобразная гримбузная. В зале несколько металлических бочек из-под бензина, приспособленных под печки. На стенах лозунги, фотографии героев, боевые листки.

На открытие клуба приехала к нам делегация московских рабочих. Привезли подарки от москвичей, познакомились с жизнью наших подразделений, побывали на концерте самодеятельности и оставили в книге отзывов такую запись: «Мы, делегаты московских заводов Калининского района, выносим искреннюю благодарность коллективу красноармейской художественной самодеятельности 155 сд, сумевшему в тяжелых фронтовых условиях добиться подлинного мастерства в артистическом искусстве. Вся программа выступления носит характер злободневности и целеустремленности. Коллектив растущий и талантливый. Желаем дальнейших успехов».

Инструктор Калининского РК ВКП(б)

Поверго

Лучший стахановец завода № 192

Пестряков

Секретарь комсомольской организации
завода

Круглова».

28 ноября

Прочитал «Оливера Твиста» Диккенса. До этого несколько раз начинал и «Домби и сын», и «Пиквикский клуб», и «Николаса Никльби», но почему-то было скучно, и, прочитав страниц 20—30, я их бросал, ничего не поняв. Видно, потому, что читал их в 5—7-м классах, когда мой книжный багаж рос не столько качественно,

сколько количественно: в среднем читал по двести книг в год. Что мне бросилось в глаза в «Оливере»? Какая-то, я бы сказал, примитивность повествования. Многие события кажутся искусственно придуманными: например, поездка Бамбля в Лондон. Чем она вызвана? Ни с чем не связанный эпизод, даже не влияющий на дальнейшие события. Неприятным диссонансом звучат возвышенные, сюсюкающие речи Оливера, двенадцатилетнего мальчика, который, кроме ругательств да брани, и не слышал ничего в жизни. Все это психологически не очень глубоко, и переживания героев не доходят до читателя. До меня, например.

Пора идти в караул. И кто их только выдумал!

29 ноября

Наши войска начали наступление на Центральном фронте, т. е. нашем, и на Западном. Окружен город Великие Луки, перерезаны железные дороги Великие Луки — Невель и Великие Луки — Новосокольники. Западнее Ржева перерезана дорога Ржев — Вязьма. Да, этой ржевской группировке здорово досталось. Вся она избита. Настало время добить ее окончательно. Думал, что в сводке скажут и о нашей дивизии, но нет. Видимо, наше наступление — расшатывание нервов противника. Наблюдаю поразительное явление: Яндульский каждый день получает письма от жены и каждый день пишет ей длиннющие письма. Каждый день! С ума можно сойти!

А Клаву представили к награде! Как я за нее рад! Эх, Клавка, Клава!

30 ноября

Получил сегодня письмо от Мониной подруги. Очень письмо приятно написано, видать, неглупая девушка. Очень просит сообщить о Моне, что знаю. «Набралась смелости» спросить у меня о моей личной жизни. По ее предложению, начал свое существование «союз по отысканию нашего общего друга». Просит прислать предложения на этот счет. Я, признаться, пока никаких эффективных мер не принимал, разве что письмо написал Наташе [Качуевской], чтобы отыскала его в Иванове, в госпитале. Теперь общими усилиями начнем его разыскивать. А эта Мониная подруга больно красиво пишет. Не ударить бы в грязь лицом, когда стану ей ответ писать.

/ декабря

Дивизия наша наконец пошла в наступление, но что-то быстро оно заглохло. Остановились перед сильно укрепленной немцами деревней Селы, стоящей на пересечении двух дорог из Мостовой и Карповки. Видимо, этот опорный пункт имеет немаловажное значение и для наших, и для немцев, так как они оказывают здесь очень упорное сопротивление. Смотрел по карте и определил, что это западная часть ржевской группировки. Думаю, что скоро она падет, ибо деваться-то им некуда, наши войска начали обходить этот район и немцы могут попасть в «котел».

ЭТО БЫЛО!

ПИСЬМА ИЗ НЕВОЛИ

Наши разведчики принесли два письма, найденные в одной из освобожденных деревень. Вот они.

«Здравствуйте, родные!

Пишут вам с дороги ваши сыновья и дочери. Нас гонят без передышки. Идем и по ночам. Насчет пищи вы знаете, какую нам выдают, так что писать незачем. Мы уже пытались бежать, но нам не удалось. С нами идет большая стража, так что уйти никак нельзя. И мы каждую минуту оплакиваем нашу жизнь, вспоминая своих родных, а еще больше оттого, когда подумаем, куда нас гонят. Вся надежда встретиться с вами только тогда, когда наши братья, бойцы Красной Армии, окружат или совсем разобьют врага.

Дорогие родители, целуем вас много раз. Прочитайте письмо всем нашим деревенским.

С приветом, Нина, Тося, Тоня, Вера, Маруся, Катя, Варя, а также Шура, Миша, Толя и остальные.

Сидим и плачем. Сейчас погонят. Родные, до свиданья, до свиданья!»

А вот второе письмо этих же девушек и ребят.

«Дорогие бойцы и командиры Красной Армии!

Нас гонят в немецкий лагерь на каторгу. Гитлеровцы зверски издеваются над нами, морят голодом. Мы уже сделали несколько попыток бежать, но никак не удастся, так как они нас ведут под большой стражей.

Вся наша надежда только на вас. И вот мы решили написать

Ваше это письма ж оставить ет> у старой хозяйки, у которой оставились.

Дорогие наши отцы, братья — бойцы и командиры Красной Армии! Умоляем вас — бейте извергов без всякой пощады, спасите нас скорее. Никто, кроме вас, не сможет этого сделать. Еще раз слезно просим вас, дорогие братья и отцы, освободить нас от каторги и смерти.

Писали Нина, Тося, Тоня, Вера, Маруся, Катя, Варя, а также Шура, Миша, Толя и остальные».

Эти письма мы размножили в нашей типографии и вручили многим бойцам и командирам. И грянул бой! Воины дивизии рвались вперед, неся у сердца письма своих сестер и братьев. В новых наступательных боях отряды москвичей освободили 325 населенных пунктов, очистив от врага территорию в 2100 квадратных километров,

2 декабря

Пузаны. Деревня, где проходил передний край обороны. Жителей нет. Мрачное высокое помещение с двойными нарами. Холодно. Слева то и дело сверкают отблески выстрелов да зарево пожара — что-то горит. Справа — неподвижный розовый шар в небе, там наши части гонят немчуру. Выстрелов не слышно, все-таки двадцать пять километров! Иногда тишину пререзают пулеметные очереди, и тогда кажется, что передовая совсем рядом.

Все это — мороз, зарницы, пулеметные очереди, стрельба с самолетов по светящимся фарам грузовиков — настораживает и вселяет не то что страх, а физическое отвращение к тому, что люди научились так изощренно убивать друг друга. Сколько техники — для смерти...

3 декабря

Наша фронтовая агитбригада живет как на вулкане. То нас всех собирают и мы готовим программу и обслуживаем части, то вдруг нас всех расформируют и вновь рассыпают по батальонам и полкам. То мы — санитары, то — артиллеристы, то — автоматчики. Иногда наша судьба зависит от обстановки на нашем участке, иногда от капризов Артюхова (это наш нач. 4-го отдела), а иногда от недоговоренности нашего начальства с командирами частей — в общем, нервы треплют все,

кто в той или иной степени причастен к работе нашей агитбригады. Жаль, что много энергии и у нас, и у них уходит не на дело, а на у р е г у л и р о в а н и е .

5 декабря

Опять хочется возвратиться к «Оливеру Твисту». Сравниваю эту книгу с прочитанной недавно книгой В. Гюго «Человек, который смеется». Почти аналогичный сюжет, но какая колоссальная разница. По сравнению с Гюго Диккенс — детский писатель. Гуинплен — это трагедийная личность огромной силы. Он не может примириться с высоким положением лорда, прожив жизнь среди бедняков. Он хочет бороться против всего строя, но гибнет, потому что один. Трагедия же Оливера Твиста теряет свою трагичность, потому что он превращен в совершенно безвольного, экзотического человека. С отвращением отказывается от своей прежней жизни, стремясь к аристократической среде. Даже когда он хочет сделать что-то хорошее своему другу Дику, это как-то мелко и не охватывает всего того, что вокруг происходит. Правда, Оливер — всего лишь двенадцатилетний мальчик... Но все равно книжка эта — для детей английской буржуазии.

6 декабря

3 часа ночи. Холодно. На западе сверкают отблески вспышек, там идет бой. В небе висит Неподвижное зарево. Выстрелов не слышно. Тишина. Взлетела ракета. И опять ночь. Пробую уснуть. Приснилась какая-то чертовщина: зверский холод. Ночь. Голос. Зовет кого-то. Иду на голос. Вижу — лежит девушка навзничь на снегу, а спина голая и вся покрыта слоем льда. Кричу: «Замерзнешь!» Она мне что-то отвечает. Невнятно. Начинаю разбирать лед на спине, он не поддается вначале, а потом делается талым, и я легко его счищаю. Бегу куда-то за вазелином. Вбегаю в комнату и вижу, девушка эта уже лежит на диване. Простыней накрыта. Кричу: «Ее нужно натереть вазелином! Она же окоченеет!» Подхожу, беру за руку. Рука мягкая-мягкая... А она, девушка эта, так лукаво смотрит на меня и спрашивает: «Почему нужно?» Я вначале не понял, а потом говорю: «Что ты, не человек, что ли?» Тут кто-то из-за моей спины, кто — я не видел, но почему-то решил, что Клава, говорит: «Дайте ему вазелин, пусть научится вазелинить!» Только я взял банку, вижу, вот*

крытую дверь входит Женька Нерсисян, с нашего курса. Тут меня разбудили на дежурство. На морозе. У машин. На улице страшный буран: все занесло и воет ветер.

Погодочка! У меня только шинель и гимнастерка. Даже белья нижнего нет. У всех давно и телогрейки, и ватные брюки, а наше начальство никак получить не может.

ПИСЬМА С ФРОНТА В МОСКВУ

Отправитель В. Пластинин, полевая почта 1507, часть 900

1 декабря 1942 г.

Здравствуй, Толя!

Как доехал? Кто в Москве из наших, гитисовцев? Что нового с выставкой? У меня лично новость такого порядка: разошелся со своим партнером Исаевым. По творческим соображениям.

Сегодня наша часть переезжает (забыл, что я военный) — перебазировается на новое место. Сейчас ночь, все двинулись в путь, а меня оставили ждать машину, чтобы погрузить наше имущество: библиотеку и аппаратуру.

Раскин шлет внеочередной привет, потому что завтра сам будет писать тебе. От всех наших тоже привет.

Василий.

3 декабря 1942 г.

Вчера мы здорово оскандалились. Переехали на место нашего правого соседа, где повстречались с их ансамблем. Зашибли они нас окончательно, но не бесповоротно. Правда, находятся они под сильным влиянием свердловского коллектива п/р Вольнского, который приезжал к нам на фронт с концертами. Очень много оттуда взято. Но идет все очень легко и живо.

А у нас зато — свое лицо, и мы не похожи на других.

Василий.

19 декабря 1942 г.

Есть кое-какие новости — начинаем готовить новогоднюю программу. Ребята с энтузиазмом взялись за дело. Набрали десятка два совершенно новых номеров, некоторые из них написал А. Раскин. Белоусов просил

не забывать насчет красок, а Гондюреев — насчет киноламп. Значит, ГИТИС в Москве? Будешь, конечно, на занятиях? Счастливцев!

Василий.

21 декабря 1942 г.

Почему ничего не пишешь? Ведь ГИТИС в Москве, значит, есть что писать. У нас особых новостей нет. Хотели сделать джаз из наших музыкантов, но ничего не получилось. Получился тот же духовой оркестр, только с меньшим количеством инструментов. Непременно выкрои время и пришли подробный отчет. Ты конечно, понимаешь, что я имею в виду занятия в ГИТИСе.

Василий.

1 января 1943 г.

Справили мы вчера Новый год: три концерта было. Обкатывали новую программу. Все заметили одно — мало юмора. Я возобновил Твардовского и «Шар голубой». Это понравилось. Забелин смазал номер, на который мы очень рассчитывали, особенно Раскин, который этот номер написал. В финале мы делали «Романсы Гитлера и Муссолини». Забелин — Гитлер, я — Муссолини. Но наши художники сделали такой неудобный щит с их «портретами», что мне пришлось одновременно петь, делать шпагат и поддерживать всю эту декорацию. Ну и, конечно, смазали.

Очень нам не хватает людей в ансамбле. Надежд на возвращение наших «старичков», по крайней мере в ближайшее время, нет, ибо судьба их подразделений неизвестна. Такого мы еще не испытывали.

Будут новости — сообщу. А они должны быть с минуты на минуту.

Не так я тебя проклинал, как ты думаешь. Знаю, что много работы. А вот Левка Штейнрайх * мог бы и ответить на письмо. Отругай его за меня. Хотя, зная его характер, ему можно простить это маленькое прегрешение.

Василий.

* Штейнрайх Л. — выпускник ГИТИСа, затем артист Театра драмы и комедии на Таганке, режиссер радио.

ПИСЬМО ИЗ СЕГОДНЯ

Только теперь, прочитав Васины дневники, я понял, что за человек учился на нашем курсе.

Я действительно редко писал ему. Я вообще никогда не любил писать письма. Если бы я знал, как нужны были ему весточки с курса, какая ранимая была у него душа...

Столько времени прошло, а Василий как живой стоит перед глазами: скромный, застенчивый, еще совсем мальчишка. Он впервые приехал в столицу в тот далекий предвоенный год. По-моему, он до этого вообще никуда не выезжал из Архангельска. А теперь столица! Все ему интересно: занятия в институте и сельхозвыставка, Красная площадь и Третьяковская галерея, новые кинокартины и открытки, которые он так любовно собирал.

Он жил нелегкой жизнью, как и многие наши однокурсники, но не уставал всему удивляться. Его письма «из сорокового» — это же исповедь моего поколения. А его дневники — документы, от которых и сегодня леденит сердце.

Не так уж много осталось нас с тархановского курса, но мы встречаемся и по сей день. И каждый раз вспоминаем Васю Пластинина — его талант, жадность к жизни, удивительную чистоту, трагическую его гибель.

Да и как не думать об этом, когда мы, сегодня оккупующие, обязаны таким, как Вася, не пришедшим с войны.

Жаль, что вспоминаем мы об этом зачастую 9 Мая или 23 февраля. В будни вспоминаем реже. А будней всегда больше, чем праздников. И жизнь, историю лучше изучать по будням, чтобы почувствовать, пережить, ощутить эмоционально те движения души, которые рождали поступки и подвиги наших одногодков. Вася Пластинин пришел из вчера в наше сегодня так же, как мы, его друзья, пришли из его несостоявшегося завтра в наше вчера.

Л. Штейнрайх,
артист Московского театра драмы
и комедии на Таганке.

7 декабря

Бесконечно рад, что нашелся Монька. Лизе Солодовой написал, а мне ни строчки. Зенитчик теперь. Как там в Москве? Скоро выставку откроете? Вообще-

то придумано здорово, и название мне нравится — «Москвичи в боях за Родину». И место хорошее — в самом центре. Для меня же это вдвойне дорого, потому что кинотеатр «Художественный» рядом с нашим ГИТИСом. А о нашей поездке к вам не слышно? По-моему, все-таки липа. А жаль...

8 декабря

Приехал с концертами армейский ансамбль. А там трое наших: Злобин, Глинка и Терехов. Приятно, хотя и завидно. Программа их мне не понравилась, хотя звучит все слаженно и четко. Но весь вечер — одно пение...

А Яндульский опять пишет письма жене... Ужас!

Сегодня получил открытку от отца. Успокаивает меня. «...Тем большее удовлетворение ты получишь, если, закончив войну, снова вернешься к своему любимому искусству. Школа, которую ты пройдешь на фронте, не менее ценна, чем два курса института...» Мама сделала приписку: «Вася! Сегодня Володе 16 лет. Он большой». А я-то, дурак, и не вспомнил.

Была у меня беседа с руководителем ансамбля 185-й дивизии, который присутствовал на нашем концерте. Он сказал:

— Ты нам всем понравился. Прежде всего своей простотой. Хорошей дикцией. А главное — непосредственностью: так просто читаешь, как будто разговариваешь с залом. Замечательно! Если я и заметил у тебя недостаток, то в «Почтальоне». Вяло ты его делаешь, ритм другой нужен. — Я согласился с ним.

Сейчас только вспомнил, что ничего не писал о встрече-концерте двух ансамблей, нашего и 185-й дивизии. Их программа всех нас поразила своей дешевой, даже пошлостью. Застарелые эстрадные остро-ты, совершенно недопустимые в военном ансамбле. А вот джаз у них симпатичный, не чета нашим духовикам.

Ночью слушали другой «джаз» — немец садил из минометов. Мины рвались где-то близко.

9 декабря

Получил письмо и открытку от Лизы Солодовой.

«Сегодня в институте встретила неожиданно Толю [Борисова]. Очень много он рассказал мне о вашей

жизни, работе, о тебе, и вот мне захотелось с тобою поговорить, хороший мой человечик. Оказывается, ты там стал неузнаваем: возмужал, закалился, развернулся в работе во всю ширь своей изумительной души. Рада за тебя бесконечно. Очень захотелось взглянуть на тебя, пожать крепко руку и пожелать тебе всего самого наилучшего.

Я живу по-прежнему, в ожидании приезда института, курса и начала занятий. Оживаю только в театрах, которые посещаю довольно часто, да читая письма друзей и знакомых, с которыми завела довольно регулярную переписку. От тебя, Васек, почему-то давно ничего нет. Уж не обиделся ли ты на меня?»

А дальше ужасное:

«Сообщаю тебе грустную новость — погибла Наташа Качуевская, эта чудесная, светлая, отважная девушка...»

Дальше читать не мог. Руки опустились. Неужели нет больше Наташки?! На-та-ши! Как больно! Жутко как!

ПИСЬМО С ФРОНТА НА ФРОНТ

Наташа Качуевская — Василию Пластинину

Ноябрь 1942 г.

Вот я и воюю. Только ты на севере, а я на юге.

Если бы ты знал, какая у меня была радость, когда я побывала в городе Астрахани, где когда-то играла моя мама. Я возила туда тяжелораненых в госпиталь. Устроив всех, я зашла в пустой театр. Ты не можешь себе представить, какое это вызвало у меня смещение, один только вид хотя и пустого зала. Подышала родным воздухом, ведь в театре всегда какой-то особенный запах, посидела в разных рядах, смотрела на сцену и представляла себе вас, своих ребят из ГИТИСа, которые когда-нибудь будут играть, может быть, на этой сцене. Потом я пошла на сцену и стала читать горьковскую «Нунчу». Сразу вспомнила вас, мой экзамен в ГИТИСе, дорогих Валентину Ивановну, Михаила Михайловича, Владимира Вячеславовича. Сколько нужно было терпения, чтобы с нами заниматься.

Я так увлеклась, так забылась, что начала читать все, что знала, все громче к громче. Но здесь в зал зашла какая-то женщина, очевидно, служащая театра.

К»

Она меня не прерывала, хоть и смотрела с удивлением — ведь я была в военной форме, с пистолетом, сумкой.

Я поспешила закончить свое выступление перед пустым мертвым залом. Вспомнила, что должна идти к делам, людям, которым я сейчас так нужна.

Наташа.

Когда Василий Пластинин получил это письмо, Наташи Качуевской уже не было в живых.

ПИСЬМО С ФРОНТА

Василий Пластинин — родителям

9 декабря 1942 г.

О нас передавали в Совинформбюро 24 ноября. Слышали? За 3 дня наша часть освободила 8 населенных пунктов и продвигается вперед с боями.

У моего курса горе — погибла Наташа [Качуевская]. Погибла под Сталинградом. Чудесная, смелая девушка! Тяжело сознавать, что ее уже нет в живых. Она так много для меня сделала... Из Москвы часто мне пишет Лиза Солодова. (Запомните, пожалуйста, это имя.)

НАША НАТАША

Друг мой дорогой! Если бы сегодня ты вышел из ГИТИСа на улицу Герцена, то недалеко от Садового кольца прочел бы на домах: «Улица Наташи Качуевской». Это тот самый бывший Скарятинский переулок, где в старом двухэтажном домике бывали мы у нашей Наташи.

Она поступила в ГИТИС вместе с нами в 1940 году. Читала на экзаменах «Нунчу» из итальянских сказок Горького и поразила всех глубиной понимания, тонкой трактовкой образа горьковской героини.

Какое это было прекрасное время! Все мы были молоды, занимались любимым делом, а учили нас прославленные мастера сцены: Леонидов, Тарханов, Завадский, Горчаков, Мокульский, Дживиллегов, Сарычева и многие другие.

Наташа мечтала сыграть Снегурочку Островского и серьезно готовилась к этой роли. Война разбила эту

ПО

мечту. Наташа стала секретарем комитета комсомола института, и ни одно дело, будь то отправка на трудовой фронт или шефские концерты в госпиталях, курсы снайперов или дежурства в райкоме (а она в то время была и инструктором Краснопресненского райкома ВЛКСМ), сбор теплых вещей для фронтовиков или курсы медсестер, — не обходилось без нее. У нее был поразительный талант общения с людьми. Общения в радости и в горе. Она помогала найти друг друга разбросанным войной людям, мгновенно узнавала, кто из гитисовцев попал в госпиталь и в какой, сутками про-сигивала у постели раненых.

Главный режиссер театра имени Маяковского, народный артист СССР Андрей Гончаров, раненный в 1942 году и попавший в московский госпиталь, вспоминает в своей книге:

«Главной для меня «медсестрой», заботливой, чуткой, самоотверженной, оказалась секретарь комсомольской организации ГИТИСа Наташа Качуевская. По собственной инициативе пришла она выхаживать раненого товарища. Память о ней для меня священна, и я всегда обращаюсь к ней, этой памяти, когда мне предстоит работа над образами, в которых я хочу раскрыть самые светлые человеческие качества, сказать о вере и горении, о доброте и совестливости, о мужестве и женственности...»

Наташа училась на одном курсе с Васей Пластининым, и во время войны они переписывались. Из писем мы знали, что Наташа рвалась на фронт, кончила курсы медсестер и снайперов и в 1942 году добилась наконец отправки на Сталинградский фронт, попав в авиадесантную бригаду.

Вместе с Васей гордились мы ее настойчивостью, вместе переживали известие о ее смерти. Подробности гибели Наташи нам известны не были.

Много позже в газете «Комсомольская правда» был напечатан рассказ одного солдата:

«Была у нас еще девушка, Наташа Качуевская, секретарь комсомольской организации в медсанбате. Так, я тебе скажу, таких героев среди мужчин не часто найдешь. На передовую сама попросилась. В одном бою, помню, фашисты открыли такой огонь, что страшно было голову из окопа высунуть. А она ходит в полный рост и для храбрости «Синий платочек» напевает!

Погибла Наташа 20 ноября 1942 года близ калмыц-

кого села Халхута. Она сопровождала в тыл транспорт с ранеными; 70 из них Наташа сама вынесла с поля боя. Обоз заметили гитлеровцы. Укрыв бойцов в брошенных блиндажах, Наташа вступила в неравный бой, а когда патроны кончились, подорвала себя и окруживших ее врагов гранатами.

Долгие годы никто не знал, где похоронили Наташу. Только в 1961 году красные следопыты разыскали ее могилу, и останки героини были торжественно перезахоронены в селе Яшкуль...

Есть в Москве Измайловский парк культуры и отдыха. В центре парка — белоснежная березовая роща, среди пышных березок скромный монумент — «Наташа Качуевская».

Каждый год в один из первых майских дней собираются здесь друзья Наташи. Приходят вместе с детьми, внуками. И звучат среди белоствольных берез любимые Наташины песни и стихи.

А несколько лет назад была открыта новая планета № 2015, и назвали ее астрономы «Планета Наташи Качуевской».

Ты не знаешь всего этого, дорогой мой друг. Как гордился бы ты сегодня нашей Наташей!..

10 декабря

Получил вторую посылку из дома. Очень понравился свитер. Зачем только они мне его прислали. Приехал бы домой, тогда уж и носил. А еще прислали рукавицы, носки, белье, сухари, колбасу, масло, вафли и конфеты. С радостью а. благодарностью принял все. Спасибо, родные. Знаю, ведь от себя оторвали. Сегодня ходил на КП дивизии, километров за 20. Шел по освобожденной земле. Дощечка с надписью «Старица», и все. Ни одного бугорка, ни одной щепки, только густо растущий лопух. А когда-то здесь была деревня, жили люди.

Переходил линию немецкой обороны в том месте, где ее прорвали. Разорванная проволока, на ней еще висят немецкие трупы, а поле перед проволокой усеяно бугорками — это полужанесенные снегом наши погибшие бойцы. Здесь был бой. Их еще не успели похоронить.

Набрел на брошенную немецкую землянку. Надолго, видно, устраивались. У левой стены две кровати, на правой — окошко. Стоит глиняная печь, настлан пол.

Все стены и потолок залеплены вырезками из журналов. Бросается в глаза обилие женских фигур. Здесь жили фрицы.

16 декабря

Вчера получил письмо от мамы. Все-таки очень хорошо она пишет — от сердца. Очень взволновало меня это письмо. А сегодня — письмо от Лизы Солодовой.

ПИСЬМО НА ФРОНТ

Елизавета Солодова — Василию Пластину

11 декабря 1942 г.

Здравствуй, Васек!

Могу сообщить тебе наконец наирадостнейшее известие: с 25 декабря в институте начнутся занятия. Была я на днях у Валентины Ивановны [Мартьяновой], и она мне сказала, что подписан приказ насчет этого. В Саратов послан вызов. Скоро придут в Москву наши «страдальцы». От Валентины Ивановны тебе большой привет. Она сейчас неплохо выглядит. Они с Михаилом Михайловичем [Тархановым] лежали вместе в чудесной больнице, которая помогла Валентине Ивановне поправиться. А Михаил Михайлович пока чувствует себя неважно. Он теперь будет художественным руководителем и директором ГИТИСа, а профессор Дживиллегов — заведующий учебной частью.

Васек, если бы тебе вырваться в Москву, мы бы вцепились в тебя всем курсом и никуда бы ты больше не поехал. Планы на будущее пока намечаются для нашего курса такие: «Три сестры» и «Испытание чувств» К. Федина.

Вчера была в ГИТИСе на юбилей 5-й фронтовой концертной бригады (это второй курс актерского факультета). Изумительно дружный творческий коллектив, такие трудолюбивые ребята растут.

Вот пока и все, Васек. Посылаю тебе письмо Алеши Глазырина, из которого ты узнаешь о наших саратовцах. До свидания. Крепко целую. Лиза.

23 декабря

Все мое существо пронизано Москвой. Всякое маломальски напоминающее Москву событие или строчка в газете заставляют болезненно сжиматься сердце. Ноет

оно у меня. Вот едут наши в Москву по каким-то делам. А оно ноет. Почему так везет людям!

В Москву! Все мои мысли там. И сердце тоже там,, в родном моем городе.

Сегодня весь день фрицы садили из минометов, А сейчас артиллерийская стрельба. Жду весточки от Лизы.

А Клавка даже не отвечает на мои письма. Ну и черт с ней! Все кончено!..

ПИСЬМО С ФРОНТА

А. Раскин — родителям В. Пластинина

Декабрь 1942 г.

Дорогие Алевтина Павловна и Николай Алексеевич!

Поздравляю Вас. с наступающим Новым годом, сулящим новые победы над ненавистным врагом, и желаю Вам счастья и успехов!

Ваш сын Василий, красноармеец моей части, честно и добросовестно носит имя преданной Советской Родине воина Красной Армии. В своей работе он повседневно доказывает преданность нашей стране, несет в ряды воинов нашей части свое мастерство советского актера. В среде своих товарищей по работе он пользуется общей любовью, в среде слушателей и зрителей — успехом и популярностью.

Пользуюсь случаем сообщить Вам об успехах сына и желаю в будущем иметь от Василия еще больше радостей и хороших известий.

Крепко жму вашу руку.

Командир воинской части А. Раскин.

29 декабря

Был комиссар Волгин. Рассказывал о делах дивизии. Воюем мы теперь хорошо, по крайней мере, лучше, чем в прошлую зиму. Людей, правда, в дивизии мало осталось, и пополнения пока не будет. О боевых действиях дивизии есть в сообщении Совинформбюро за 26 декабря.

Насчет ансамбля он сказал, что это «замечательное детище дивизии, и оно должно существовать. При теперешней обстановке вас могут «разобрать» по частям, и потом будет очень трудно начинать все сначала. Да и всех ли соберешь! Я буду делать все, чтобы ансамбль ваш не распался. Боюсь только, чтоб не распались вы,

когда я уйду из дивизии, — с горечью добавил он. — Пока работайте. Есть у меня одна мечта... мы ведь московская дивизия... и от Москвы сейчас не так уж далеко. Может быть... с концертами...»

Черт возьми, если бы это было так.

Все мысли о Москве, об институте. Теперь они уже занимаются. Часто пишут. Письма эти причиняют столько боли, такое отчаяние захватывает, так хочется порою рыдать. Они для меня больше, чем родная семья.

Не хочу, не хочу получать их письма, которые на куски рвут мое сердце. Эх, жизнь моя! Родина моя! Москва! В Москву!

1 января 1943 г.

Новый год страна встречает радостно: на подступах к Сталинграду продолжается разгром немцев.

Вчера обкатывали новую программу в глубоких тылах: почта, редакция и другие тыловые подразделения. Прошло неплохо, но было много накладок.

Дивизия готовится к переброске. Полки уже выведены во второй эшелон. Если на юг, то через Москву... Неужели уедем из этих Калининских лесов, в которых ровно год провели? Пересчитал в уме деревни, в которых хоть сутки пробыл. Их оказалось двадцать восемь. Не так уж много...

8 января

Получил письмо от Лизы. Монька дал о себе знать: находится в Уфе, в зенитном училище.

Анатолий из Москвы пишет, что Иосиф Моисеевич Раевский собирается хлопотать о вызове некоторых студентов для окончания учебы. В том числе и меня. Еще он пишет, что Юлю Сазонова призвали в армию.

Иногда начинает казаться, что дневник — пустое дело. Ничего не дает ни уму, ни сердцу. Разговор с самим собой. И так иногда хочется, чтобы на твои мысли кто-то отозвался, что-то посоветовал. Правда, сейчас мне заменяют дневник письма к Лизе, но и она не на все мои вопросы отвечает. Каждый день концерты.

А Клава стала для меня более чем безразлична. Остался какой-то осадок. Но иногда хочется повидать, чтобы подытожить все, что между нами было.

Погиб Володя Карпов. Где? Как? Неизвестно.

Все еще не теряю надежды попасть в Москву. К этим дням коплю продукты, чтобы поддержать Лизу

Солодову. Наверное, не очень легко ей там живется. Накопил уже три банки консервов — двенадцатидневный паек. Немного крупы.

3 февраля

Дней десять тому назад вернулся из Москвы Анатолий, привез письмо от Левы Штейнрайха. Обещает быть «умницей» (в смысле писать все-таки). Хороший он парень. Ребята в эвакуации, в Саратове, написали чудесные стишата и песенки! Особенно мне понравилась «Песенка о шестерых друзьях»!

Жили-были на Армянской * шестеро друзей:
Два Володи, Коля с Левой, Саша и Сергей.
Жили дружно, жили браво, никогда не ссорясь, право,
И звенела в песнях слава, слава москвичей:
Друг, не опускай головы,
Ты — сын родной любимой Москвы.
Смелей, товарищ, пой,
Москва поет с тобой... и т. п.

Все мои волнения, вся тоска по Москве превратилась, к ужасу моему, в тупое равнодушие. Излил всю душу Валентине Ивановне, со страхом жду ее письма. Может быть, в ответ придется написать: «Вы правы. На этом кончаю жизнь в театре». Ей-богу, так и напишу.

Анатолий порассказал, как тяжело живет Москва, да и последние Лизины письма говорят о том же. Она очень устает, работает на елке в Колонном зале, потом занятия в институте. Захотелось чем-то ободрить ее, написать что-то очень теплое.

«Дорогая Лиза!» — так я начал, потом упрекнул, что мало пишет о своей жизни, черкнул, что пришлю чего-нибудь с попутным человеком. Перечитав письмо, я подумал, что оно звучит как письмо мужа или, по крайней мере, письмо любимого к любимой. Но ведь ничего такого нет на самом деле.

ПИСЬМО ИЗ СЕГОДНЯ

Я не могу без слез читать эти строчки. Друг мой, дорогой, незабвенный! Как не хватает тебя в нашей жизни... Как не хватает всем нам твоего горения, твоей преданности Театру, твоего самопожертвования, твоей наивности и чистоты.

* Улица в Саратове,

В трудное время мы росли, в трудные годы учились. Может быть, эти трудности роднят всех нас, наш курс до сих пор. И пусть мы не часто собираемся вместе, мы все равно единомышленники.

Несколько лет назад мы сыграли «Трех сестер» в Таганроге. Тех «Трех сестер», которых мы начали репетировать в суровые дни сорок третьего года. С теми же исполнителями. И как не хватало нам Васи Пластинина, который должен был играть роль Чебутыкина.

Он не сыграл ни одной роли в наших спектаклях. Но он был готов к любой из них. Готов морально, нравственно, ибо был духовно богат и щедр.

Я счастлива, что в моей жизни был Вася Пластинин.

Е. Солодова,
народная артистка РСФСР,
артистка Малого театра.

16 февраля

Почему-то разладилась почта — нет писем. А они до зарезу необходимы. Кто бы знал, как нужны эти маленькие цветные треугольники, как они поднимают настроение, вливают бодрость и даже делают человека сильным и смелым...

А наши на Украине отступают. Болезненно заныло сердце, когда прочитал об этом в газете. И сразу встали перед глазами тупые рыла самонадеянных самцов, которые видел на днях на стене какой-то хаты, где жили немцы.

2 марта

Немцы уходят с этого участка. Жгут села, взрывают Ржев и Белый. Наши войска заняли Мостовую. Из Оленина на город Белый движется колонна войск протяженностью до 20 километров. Железнодорожный путь от Мостовой до Оленина немцы разобрали и увезли. Ржев Рорит. Весь день летает наша авиация, и бомбят, и бомбят. Это месть за то, что мы пережили год назад — когда в небе хозяйничали фашисты. Бьет тяжелая артиллерия. Так их!

4 марта

Чудесный мотив «Катюши» вселяет бодрость и надежды. Ночью взят Ржев.

ЭТО Б Ы Л О !

Из дивизионной газеты «Вперед, за Победу!»

НОВЫЙ ПОРЯДОК

Руины

Это был живописный уютный советский город. Теперь его трудно узнать после того, как здесь похозяйничали фашисты.

Нет ни одной улицы, ни одного дома, ни одного советского человека, не пострадавших от их варварства. Кругом следы страшных разрушений и разбоя. Вместо здания МТС — груды обломков. Вместо тенистых аллей скверов — свежие могилы замученных и расстрелянных мирных граждан, женщин и детей.

До войны в городе было 47 тысяч жителей. Теперь осталось меньше половины. Свыше 15 тысяч человек угнано - в рабство. Остальные просто истреблены фашистскими карателями.

«Хозяин» города

Всей жизнью города заправлял капитан Вольбер. Его имя произносилось жителями не иначе как с проклятиями. Этот палач с чисто немецкой аккуратностью грабил, убивал и насиловал наших людей.

Каждый день десятки граждан получали повестки:

«Предлагаю сегодня же отвести вашу корову на городскую скотобойню. В случае задержки вам грозит суровое наказание.

Комендант капитан Вольбер».

Каждый уже знал по горькому опыту, что ему грозит. Советские люди вынуждены были отдавать все до последней крошки, чтобы не быть расстрелянными или повешенными. Они предпочитали умирать с голоду, но не быть жертвами гитлеровских молодчиков. И все же не всем удавалось спастись от них.

Замороженные люди

На площадь привезли трех советских граждан. Их раздели и поставили к столбам, крепко привязав проволокой. В страшных муках несчастные коченели на морозе, пока не замерзли.

С ужасом проходили мимо замороженных мучеников горожане. Они узнали их. Это были знакомые всему городу мирные граждане Сосненко, Городец, Беленко.

— Это художественное украшение города, — издевательски гоготали фрицы и веником сметали снег, залепивший лица и волосы казненных,

Живой костер

Несколько раз в неделю фашисты пригоняли на крупорушный завод очередные партии «врагов Германии» и после кровавых допросов засыпали их отходами проса и поджигали.

Далеко за пределами этого завода были слышны предсмертные крики жертв палачей.

Виселицы у собора

Место для казни гитлеровцы избрали возле собора. Там были устроены виселицы. Когда наши войска вступили в город, на этих виселицах качались тела агронома Раскошного и гражданина Тарасова.

Фашистские мерзавцы глумились над религиозными чувствами верующих. Они превратили старинный собор в свой застенок, а затем разрушили его.

Вот такой «новый порядок» оккупанты хотели водворить на нашей советской земле.

А. Борисов

14 марта

Много надо было записать, но когда упускаешь время, мысли тускнеют. Прежде казались такими яркими, интересными, нужными, а теперь...

Полки нашей дивизии за это время продвинулись на 70 км. Сейчас мы уже в Смоленской области, движемся пешком по железнодорожной ветке Вязьма — Смоленск. Остановились в деревне, которая 8 месяцев была «под немцами». Многие жители научились немецкому языку — знают по несколько десятков слов. И удивляешься их какой-то нерусской беспринципности: некоторые смирились со своим положением. Не понимаю, как может русская душа мириться с тем, что дом, земля заняты чужими. Это... это не выразить словами. Это что-то большое, огромное! А другие — молодцы, как этот дед со скрипкой, что встретили мы в одном из домов.

ЭТО БЫЛО!

Из дивизионной газеты «Вперед, за Победу!»

Скрипка деда Тараса

Последний бросок — и наше подразделение ворвалось в село, очистив его от немцев. Шесть-семь изрешеченных осколками хат

да десятка два труб и печей — вот все, что осталось от живописной деревни.

Прошло несколько часов. Мы шли по улице. Еще дымились пожарища. Вдруг послышались звуки скрипки. Прибавив шаг, мы подошли к полуразрушенному домику.

«Широка страна моя родная...» — играла скрипка, и несколько нестройных голосов подхватывали песню. Только что отгрохотал бой, и все это казалось очень необычным.

Мы вошли в хату. Она была вся в щелях, и морозный ветер гулял по ней. Печь была разрушена, пол выломан, глина со степ пообвалилась.

За столом сидело несколько человек. Они пели. А рядом стоял старик и играл на скрипке. Голова и маленькая бородка его были белы как снег. Он с увлечением играл, на его лице было вдохновение.

Мы слушали как зачарованные. Одна песня сменяла другую. Вот полились русские мелодии. Каждому почему-то вдруг вспомнился родной дом, и на душе стало и тепло и грустно.

Старик кончил. Он любовно погладил скрипку, вздохнул и протянул ее одному из бойцов.

— На, хлопец. Спасибо, сердцу стало легче. Давно ведь не играл.

— Это тебе, дед, спасибо. А скрипку возьми себе, Трофейная, мы ее здесь во фрицевском танке нашли.

Глаза старика заблестели.

— Вот спасибо, родные, дорогой подарок для меня. — Потом он вздохнул и добавил: — У меня ведь была скрипка, хорошая, старинная...

Дед не договорил. Он развернул что-то завернутое в клеенку. Это была скрипка, словно разрубленная топором на две части. Мы молчали. Тяжелая слеза катилась по морщинистым щекам деда. И вот что он нам рассказал.

Жили люди в колхозе «Заветы Ильича», горя не ведая. Всего было вдоволь. После работы веселилась молодежь, да и старики не отставали. Тарасу Ивановичу Тараненко было 65, но лет своих он не чувствовал. Бывало, такого пляса задаст, что сын Петр только руками разведет.

А любили больше всего деда Тараса за игру на скрипке. Еще в детстве отец подарил ему скрипку, и он берег ее всю жизнь.

Но вот душегубы нагрянули. Чуял он беду и спрятал скрипку под пол.

А фрицы стали грабить. Поотобрали они и кур, и поросят, и коров. Хватали все, что находили в хатах. Невтерпеж стало. Кто-то из селян убил немецкого офицера, когда тот стал приставать к его дочке.

Тогда началась дикая расправа. Фашисты расстреляла * овраге 40 человек, а 12 повесили.

А потом пошли по избам якобы в поисках оружия, а забирали все подчистую. Пришли и в хату Тараненко обер-лейтенант и двое солдат. С деда сняли сапоги, тулуп, забрали самовар.

«Пускай все берут, только не скрипку», — думал дед Тарас.

Но вот один солдат начал вскрывать половицу. У старика сердце защемило от боли.

— О, скрипка! — изумленно сказал офицер. — А кто на ней играйль?

— Я, — ответил дед.

— Играй, я буду слушать, что может играйт мужик.

Дед взял скрипку. Он секунду колебался, а потом уверенно взмахнул смычком.

«Широка страна моя родная...» — громко и звучно запела скрипка.

Офицер вскочил как ужаленный. Видно, он знал эту песню. Он бросился на Тараса, выхватил скрипку, мгновение — и разбитая ударом о колено она уже валялась на полу.

...Совсем седым стал дед Тарас. Ушел из своей деревни. Прятался в стогах сена, жил в лесу, заимел винтовку. От его выстрелов гибли враги. Он был неуловим.

Однажды дед Тарас заметил, что по дороге на запад идут немецкие повозки. И он вернулся в свою родную деревню..

Старик обвел нас заискрившимися глазами и вновь взял скрипку.

— Теперь опять я дома. И фрицев нет. И скрипка есть, Как хорошо!

И дед заиграл. Мы спешили в дорогу, И тихо стали выходить по одному из хаты. А вслед за нами неслась песня. Она звала к мести, в бой, в беспощадный бой с врагом,

А. Борисов

15 марта

А снег на холмах уже растаял. Окинешь взглядом родную эту землю — как она мрачна, безмолвна. И нестерпимая боль раздирает сердце! Вот здесь была красивая деревня — осталась обгоревшая березовая аллея: угли из-под снега да вытаивающий фундамент.

Мины. Это слово стало для нас обыденным и каждодневным, как хлеб, вода, махорка. Около дома, где мы остановились на привал, — две противотанковые мины. Оскалились своими усиками. Еще чуть-чуть... и превратятся в пасть удава. Да, какая-то магическая сила заключена в торчащем столбике с тремя расходя-

щимися шпильками и надписью: «Мины». Писать «Осторожно» нет времени. И так все понятно.

На дворе, кажется, запахло весной. Это потому, что солнышко стало поджаривать. Какое-то оно родное, наше, помогает двигаться вперед, на запад, и обнажает спрятанные под снегом мины. А было — чужое.

16 марта

...В доме, где мы остановились, живет старик. Ему 77 лет. Его невестку с внучкой увели немцы. Человек он страшно озлобленный... на русских. Говорит, что русские полицаи — звери, бандиты, сволочи! (Это, между прочим, жалобы многих жителей.) Пытались мы задобрить старика: давали ему табак, • покормили, поговорили по душам. Сегодня он, качая головой, сказал: «Ну и хорошие же вы ребята, ох, какие хорошие». И повторяет изредка: «Какие же вы хорошие...» Видно, оттаивает.

ЭТО БЫЛО!

Из дивизионной газеты «Вперед, за Победу!»

Ваня Вишняков

В селе Добринском жил Ваня Вишняков. Это был веселый, дельный парень.

Бывало, случится что с трактором, сеялка ли испортится — Ваня тут как тут. И знали колхозники: исправит все, как настоящий механик. За лето Иван заработал с семьей 800 трудодней. Ломились амбары Вишнякова от хлеба колхозного. Всего было вдоль.

Началось с голубей. Была у Вани просторная голубятня. Выкрашенная в голубой цвет, она виднелась далеко за деревней. Пришли гитлеровцы, голубей перестреляли, а над советскими людьми стали издеваться. Фашисты обложили оброком каждый двор. Надо было сдавать грабителям по шесть литров молока с каждой хаты, а где их брать, если у семьи Вишняковых молодая корова?

Старостой при фашистах стал проходимец Морозов. Давно он затаил злобу против Советской власти и теперь измывался над своими односельчанами. Сек розгами за то, что молоко принесешь не жирное или яйца попадутся мелкие. А с семьей Вишняковых еще до войны хотел он рассчитаться, не мог терпеть, что богателя она от честного колхозного труда.

Жили фрицы да страсть как боялись партизан. Всюду они им мерещились. И вот Морозов обвинил Ваню в связях с партизана-

ми и выдал его немцам. Вместе с ним выдал он 70-летнего старика Данилова и 50-летнего Якова Кузьмича Шведова.

Гордо и бесстрашно держался Иван Вишняков на допросе. Он знал о партизанах, но молчал. Ничего не могли от него добиться враги. Немецкий комендант грозил, кричал, бил его. Прикладом винтовки ему переломили руку, он на мгновение потерял от боли сознание... Но советский парень Иван Вишняков не издал стона, не проронил ни слова, он только плюнул в морду врагу.

Гитлеровцы были взбешены. Они бросили его в погреб. Били плетью, шомполами, крутили поломанную руку.

На восьмые сутки у него слезла с тела кожа, он превратился в бесформенную кровавую массу. Ваня умер, так и не сказав ничего о партизанах.

В опустевшей хате сидят убитые горем родители Вани — Иван Дмитриевич и Варвара Петровна Вишняковы. Как передать словами их отчаяние?

Такое не забывается. За смерть Вани отомстят его братья Григорий и Калистрат — они воины Красной Армии. За муки Вани отомстит вся Красная Армия.

А. Борисов

17 марта

Попала в руки отвратная брошюра, изданная в Германии на русском языке. Фотография Гитлера. Вот он проезжает по «освобожденным» городам, и жители приветствуют его. Вот колоссальное скопище народа в Берлине встречает «победителя», вернувшегося с фронта. Вот фюрер проявляет «заботу» о детях. Вот он поздравляет довольно откормленного «рабочего». Вот «величайший друг крестьян» беседует с ними. Вот «великий полководец» сам руководит военными операциями. Вот «рядовой солдат мировой войны» провожает на фронт новобранцев. Вот, «сам неоднократно раненный», посещает госпиталь. До чего отталкивающее впечатление — ужас!!!

23 марта

Вчера поехали искать отдел снабжения 39-й армии. Нужно получить новую кинокартину для показа в войсках. На сей раз поехали с Анатолием. Впервые запрягал и распрягал лошадь, а правил Анатолий. Провалились в канаву. Проехали километров 20 и приехали в Матренино, где, как нам было известно, располагался политотдел. Но оттуда все уехали. Пришлось разыски-

вать. Новый их адрес меня потряс — еще 15 километров. С этой-то лошадкой? Черт ее знает, может, она голодная, а может, переела. У меня все кипит против этой скотины. Пугливая до невероятности: каждую лужицу почему-то обходит, идет по обочине... Слезли, пошли впереди нее. Это почему-то ее не воодушевило. Кое-как доплелись до места назначения.

2 апреля

Я в полном смятении. Посмотрел картину, за которой мы ездили: «Парень из нашего города». Смирнова, Крючков. Чудесно!

Не могу без театра! Не могу! Дорогие мои, родные, как мне к вам вырваться... Хочу на сцену, хочу безумно, нечеловечески!

9 апреля

Взята Абинская, что под Новороссийском, и Сафонов у Дрогобыча. Четвертый день обслуживаем полки. Сегодня идем в 659-й, завтра — 306-й, послезавтра — 436-й.

Вчера концерт во втором батальоне давали под аккомпанемент артиллерийской и минометной стрельбы, в километре от линии наших окопов.

В общем, даем теперь концерты на самой передовой. В батальоне Мухартова играли в 900 метрах от немцев, они даже прекратили стрельбу, видно, тоже нас слушали. После концерта бойцы в нашу честь выпустили три мины по фрицам.

10 апреля

Сегодня из дивизии передали сообщение, что я награжден медалью «За боевые заслуги».

11 апреля

Грязь непролазная. Все развезло. Ни проехать, ни пройти. Да и грязь здесь какая-то особенная! Липнет к сапогам громадными пластами, и сапоги сразу становятся какого-то невероятного размера. В таких путешествиях Гулливер по Лилипутии. Но ему легче было — он шагал по утрамбованной дороге, а нам сегодня по этой грязи добираться на два концерта. Да еще инструменты с собою нести.

КНИЖКА ПЯТАЯ

Заметки об уходящем

21 апреля 1943 г.

Ходят слухи, что наша дивизия куда-то едет. Куда? Все имущество стягивается на станцию Пречистое. Полки уже снялись с передовой. Мы продолжаем давать концерты.

22 апреля

Все удивляются, почему я веду такую обширную переписку, да еще с таким большим количеством корреспондентов. Трудно мне ответить на этот вопрос даже самому себе. Повторить то, что записал в дневнике 16 февраля? Пожалуй, главное не то, что я там написал, а совсем другое: кончится война, и совсем безынтересно будет прочитать все эти письма, полученные на фронте. И по ним сверить свою жизнь и жизнь своих друзей. Ведь сегодняшние дни, а теперь уже годы войны отличает невероятная людская искренность, что ли, обнаженные чувства, отсутствие фальши в отношениях между товарищами. И, если кого-нибудь из них я увижу изменившимся, я предъявлю ему его собственное письмо и скажу: смотри, каким ты был.

Кстати, о письмах. Здесь мы получаем много писем с надписью «Передать бойцу», и всё. Нам тоже попадает такая корреспонденция. Некоторые ребята завели переписку с ранее неизвестными адресатами. И получают регулярно письма.

Вот и я получил письмо от совершенно незнакомой Марии Шкурихиной. Ответил. А недавно от нее пришло второе письмо, с фотографией. Довольно милостивая. Надо ответить, хотя пока я не знаю, о чем писать.

ПИСЬМО НА ФРОНТ

Здравствуйте, Вася!

Я очень рада, что мой подарок и мое письмо попали к Вам, человеку, который ушел на фронт из Москвы, поскольку сама я москвичка.

Немного напишу о себе: мне двадцать лет, закончила десять классов, но учиться дальше не позволили обстоятельства. Живу с мамой и младшей сестрой. Сейчас работаю на заводе Наркомата связи, член ВЛКСМ. Живем трудно, очень и очень много работаем, свободного времени совсем нет. Для такие сейчас могут быть личные интересы, когда вся страна воюет, вы — там, мы — здесь. Иногда, когда подумаешь, что война скоро кончится, опять будет всюду весело, до того хорошо на сердце становится, силы прибывают, улыбка появляется на лице, и работается как-то легче и быстрее.

А столица наша выглядит все так же, внешне почти не изменилась, стала только серьезнее и задумчивее. На экранах много новых фильмов. Мне удалось посмотреть о Сталинграде. Замечательная картина. Есть такие захватывающие кадры, что надолго в памяти остаются. И какая-то удивительная любовь и нежность к нашим бойцам, появляется и ненависть к врагу.

На этом я заканчиваю свое письмо. Желаю Вам сил, бодрости, здоровья и благополучия. Очень рада буду получить от Вас письмо, в котором Вы мне напишете о себе.

До свидания. Крепко жму Вашу руку.

Шкурихина Мария.

2 мая

Сегодня ушел первый эшелон со ст. Ломоносово, второй грузится. Слухи подтвердились: куда-то едем. Вернулась из госпиталя Клава. Абсолютно ничего не екнуло. Пусто.

4 мая

Вчера в 17.45 отъехали от ст. Ломоносово. Закончился очень важный для меня этап — Калининский фронт. Вечером приехали в Землы, а потом Ржев, Zubцов, Погорелое Городище. Через 193 километра — Москва!

6 мая

Вчера дали увольнительную. И вот я в Москве, в городе, о котором мечтал полтора года. Бегу по Пушкинской к Леве Штейнрайху. Нет дома. Бегу на Нег-

линную, к Анатолию. Открыла мать. Приняли чудесно. Накормили и уложили спать в мягкую постель, с двумя простынями и подушкой. Обидно только, что ночь промчалась молниеносно.

Утром пошли в институт — он теперь в помещении Щукинского училища, на Собачьей площадке. Занятия начались. Долго не решался, потом зашел. Что-то пробормотал. Все загалдели. Заплодировали. Не знал, что делать от смущения.

11 мая

Продолжаю вспоминать, что было: пришли в институт, когда занятия кончились, вернее, был перерыв до пяти часов — предстоял показ Михал Михалычу. Сидит одна Кэ-Ин. «Здравствуй, — притянула меня к себе, — тебя Валентина Ивановна очень хочет видеть. Почему же ты к ней не зашел? Ты обязательно зайди. Я дам тебе адрес». ■ — «Я адрес знаю».

Нужно было отвезти к эшелону поэта Семена Кирсанова. Мне было поручено. А в пять — показ в институте. Договорился с Анатолием, что Кирсанова возьмет на себя.

И вот мчусь по улице Горького. Чуть было не пробежал переулок Садовских. Вот и дом. Не чувствую под собой ног, поднимаюсь на второй этаж.

М а р т ь я н о в а . В. И. 2 зв.

Раз пять звоню по два раза. Ответа нет. Что делать? Кто-то поднимается по лестнице. Женщина.

— Вам кого?

— Мартьянову Валентину Ивановну.

— Ее нет дома.

— А где же она? Мне сказали, что Валентина Ивановна больна и лежит в постели.

— Нет, нет. Она бывает только рано утром и поздно вечером. Что ей передать?

— Скажите, что приходил Пластинин.

— Хорошо... И когда зайдете?

— Я больше не приду (сказал, и к горлу подступил комок).

— Ах, вы с эшелона? Жалко... А впрочем, подождите, пойду постучу. Может быть, она дома и спит.

Ушла. Слышу, как стучит в дверь. И слышу... голос Валентины Ивановны.

— Вот видите, — виновато сказала женщина, — оказывается, она дома. Проходите.

Я прошел в коридор. Какая же комната ее? Постучал наугад. Слышу:

— Одну минуточку (голос будто незнакомый). —
Апотом: — Войдите, пожалуйста...

Как она похудела!

— Вася, я знала, что это ты.

— Здравствуйте, Валентина Ивановна.

Она поцеловала меня в щеку.

— Ну, садись, рассказывай.

Я сел. Оба помолчали. Я смотрел не отрываясь на это дорогое мне лицо. Как она постарела! А глаза все те же, ласковые...

— Ты не зря пошел в армию, — неожиданно сказала она, — вы с фронта приезжаете совсем другими, духовно обогащенными, щедрыми, вот и Нина Суржикова * приезжала иная, красивая и целеустремленная. Все-таки армия — хорошая школа. Правда, Вася?

— Никак не могу привыкнуть. Я какой-то штатский по натуре.

— А почему хочешь возвратиться в институт?

— Боюсь его потерять. Тоскую. Ах как тоскую, Валентина Ивановна...

— Прочти мне что-нибудь, пожалуйста...

Прочел «Ленин и печник» Твардовского.

— Очень хорошо, замечательно. И насколько ты не изменился.

Когда прощался, она заметила:

— А ты красивый парень стал, Вася, ей-богу. Выпрямился, стал выше держать голову... вернешься, будешь играть Чебутыкина, Нила... Юлий Сазонов —■ хороший Нил, но все же какой-то надорванный интеллигент у него получается.

Ушел я от Валентины Ивановны, судорожно сжимая в руках письмо, написанное на имя Николая Никаноровича Кухаркова, заместителя начальника главного управления учебных заведений Комитета по делам искусств. В письме было написано:

«Дорогой Николай Никанорович! Это письмо передаст Василий Пластинин. Тот самый, которого нам так недостает на курсе. Посмотрите на него, послушайте его бас, и Вы сами поймете, что это такое...»

* Суржикова Н. — выпускница ГИТИСа, участница Великой Отечественной войны.

В 5 часов вернулся я в ГИТИС. Пришли все ребята. Ждем Тарханова. Вот он. Как постарел... бледный... от него же ничего не осталось, от прежнего.

— **Здравствуйте, Михал Михалыч!**

— **Здравствуйте.**

— Это наш Пластинин, — говорит Валентина Иванова.

■— Ну как же, узнаю...

13 мая

Город Ефремов. Приехали утром. Елец не принимает, стоим, ждем. Следом пришел второй эшелон. Мы — третий — почему-то оказались впереди второго.

14 мая

Высадились на станции Становой. Живописный край. Но нет привычных хвойных лесов. Чтобы сохранить ансамбль, командование создало из нас трофейную команду. Раз создаются трофейные команды — значит, будем наступать!

20 мая

А все-таки приятно встретить на фронте знакомых боевых товарищей, особенно тех, кто к тебе хорошо относился и к кому сам питал добрые чувства.

Я говорю о майоре Алампиеве, который сегодня объявился в нашей части. Сейчас он в политуправлении Степного военного округа, а я его помню рядовым бойцом истребительного батальона. Потом он стал политруком роты, а когда возникла наша агитбригада под Москвою — инструктором по агитации и пропаганде 5-го полка московских рабочих (так мы тогда именовались).

Был он, что называется, болельщиком нашей агитбригады и даже писал о нас во фронтовой газете. Когда мы уехали на Калининский фронт, я его потерял из виду, и вот теперь мне очень приятно было встретить этого милого человека в очках, с удивительно добродушной улыбкой. Все такой же, совсем не изменился. Только на груди орден Красной Звезды и медаль «За отвагу», а на погонах майорские звездочки.

Очень он меня радостно встретил, чувствовалось, что так же искренне рад, как и я. Вспомнили всех наших «истребителей» с Красной Пресни. В дивизии очень их

мало осталось. Сказал, что поговорит в ансамбле округа о переводе меня туда — я промолчал. Думаю, что он понял это так, как я бы хотел, чтобы он понял.

28 мая

И вновь нас раскидали по подразделениям, на сей раз по батальонам. И это несмотря на указание комдива держать нас по возможности вместе. Но ведь Артюхов — это бык, которого трудно чем-нибудь прошибить. Я получил направление в роту автоматчиков. Профессия уже мною освоенная. Другие разошлись по другим частям. Но... к вечеру все вновь собрались вместе, в трофейной команде, командиром которой назначен А. Раскин.

Толя, оказывается, пробился к комдиву, и тот всыпал Артюхову как следует. И мы почувствовали силу и уверенность в том, что мы нужны.

2 июня

Стоит отменная погодка. Жарковато. А мы попав в какую-то жуткую местность, где даже воду для питья приходится черт-те откуда возить. Я уже неделю не брился, и у меня оформилась интересная борода. Читал приказ о смотре художественной самодеятельности: с 15—20 в полках, с 20—25 в дивизии, с 25—30 — в армии.

9 июня

Живем в овраге, в дубовой роще. Вчера ночью давали концерт тут же, при свете одной керосиновой лампы, так что нас было больше слышно, чем видно. В концерте впервые принимал участие бывший актер Воронежского театра Борис Канцдалов. Хорошо его принимали.

А сегодня был концерт в 1-м батальоне. Только одна луна, довольно бледная, в эту ночь освещала сценическую площадку и позволяла различать фигуры выступающих, причем только на близком расстоянии, поэтому бойцы обступили подмости со всех сторон, как в цирке.

13 июня

Вчера давали концерт в д. Шатилово, в госпитале. Деревня прилично сохранилась. В центре — церковь. Почему-то с крыш всех церквей в округе содрано железо. Видно, немцы очень нуждались в железной кровле.

В церковном дворе оборудован «клуб»: широкие подмостки с кулисами из госпитальных одеял. Какая акустика! Начальник госпитального клуба — москвичка с ул. Казакова, училась до войны в институте им. К- Либкнехта. Очень приятно было встретить москвичку и поговорить о столице!

А какой был дивный концерт! Как нас принимали! После каждого номера были такие продолжительные аплодисменты, что мы не могли двигаться дальше и многое повторяли на «бис». А я повторял все свои номера. Это был самый приятный концерт за всю мою жизнь.

У церкви в Шатилово стоит памятник. На одной стороне: «Статский советник Николай Александрович Дурново. Родился 24 апреля 1840 г., скончался 14 сентября 1912 г.». На другой стороне: «Жена статского советника Анна Дмитриевна Дурново. Родилась 19 июня 1848 г., скончалась 2 марта 1890 г.».

5 июля

Судя по сводкам, на всех фронтах идет наступление наших войск. А мы под Курском, километрах в восьми. Весь день летает авиация. Наша. Непрерывный гул над головой. Должны были сегодня двинуться вперед, но немцы прорвались, и поступил приказ занять оборону.

Весь день льет дождь, дороги развезло.

7 августа

Писать некогда. Идут бои. Взяты Курск, Орел, Белгород. Фашисты все время контратакуют. Погибли многие наши бойцы и командиры. Среди них командир 306-го артиллерийского полка полковник Башилкин. Чудесный был человек. Боевой командир. Давний поклонник нашего ансамбля.

У него были роскошные усы, и все в полку, пытаюсь ему подражать, тоже стали их отращивать. А он решил «обзаводиться» усами только тем, кто отличался в боях.

9 августа

Проснулся от жуткой артподготовки — немцы прорвали оборону на соседнем участке. Нас срочно перебросили на правый фланг и, уже отойдя на пару километров, мы видели, как разрывались снаряды в той самой деревне, откуда только что ушла наша часть.

Но тут «заиграли» «катюши», и стало радостно и легко. Только близко к ним стоять невозможно — перепонки лопаются.

11 августа

Сегодня в освобожденной деревне проводили собрание колхозников. Проводил Толя [Борисов]. Сделал доклад, ответил на вопросы, как будто каждый день сталкивался с этим. А потом выбирали председателя колхоза. Вчера выбили из деревни немцев, а сегодня колхоз организовали. Значит, обосновываются надолго.

Это последняя страничка дневников Василия Пластинина. Может быть, он вел их и дальше, возможно, когда-нибудь мы их и найдем. В августе же 43-го наши фронтовые дороги разошлись: я остался в пехоте, он продолжал войну в танковом корпусе.

Вот его последнее письмо, полученное мною в январе 1944 года.

ПИСЬМО С ФРОНТА НА ФРОНТ

Василий Пластинин — Анатолию Борисову

5 января 1944 г.

Дорогой Толя!

Твои несколько строчек — огромная радость для меня. Ты пишешь, что Мариан в Васильковке. Это заставляет меня думать, что вы у Ватутина. Может, почастливится, встретимся.

Теперь напишу о моем житье-бытье. Попал я сразу в зенитно-пулеметную роту. После боев стал пом. командира расчета, ну и занимался с самодеятельностью. Ты, конечно, не представляешь меня руководителем, но придется поверить в это.

На корпусном смотре рассчитывал на первое место, но пришлось согласиться со вторым — подвели ведущие: очень вяло и робко вели программу. Вот так. Простояли мы на формировании больше 3-х месяцев и теперь вот воюем. О танкистах генерала Полубояроваты, наверное, слышал в приказах Сталина. Получил и я значок гвардейца.

Из зенитной роты меня перевели в штаб бригады. В октябрьском приказе вместе с благодарностью комбриг присвоил мне звание сержанта. Воюем мы неплохо. Захватили много населенных пунктов и городов. А вот из института я ничего не имею. Монька прислал

с.п.

фотокарточку. Все такой же. Абсолютно не изменился. Ну а у вас как дела там? Все ли наши живы? Мои самые горячие приветы нашей дивизии. Крепко целую.

Твой Василий.

А ДИВИЗИЯ ПРОДОЛЖАЛА НАСТУПАТЬ

Сначала на Воронежском фронте, потом на Орловско-Курской дуге. И вот — Украина.

27 сентября наши части подошли к Днепру в районе хутора Чаплина. Началась подготовка к форсированию реки: сооружались плоты, поплавки из плащ-палаток, набитых сеном; саперы готовили паромы и лодки.

Через двое суток, под прикрытием темноты, началась переправа. Группе бойцов удалось закрепиться на окраине села Григоровка. Противник открыл ураганный артиллерийский огонь, а затем бросил против смельчаков 30 танков. К утру появилась авиация. Весь день бомбили и обстреливали гитлеровцы занятый нашими войсками рубеж. Потом вновь пошли в атаку. Но воины-гвардейцы не отступили ни на шаг..

Каждую ночь на плацдарм переправлялись новые части. Сражение продолжалось.

За мужество и отвагу, проявленные в боях, звание Героев Советского Союза было присвоено пулеметчику Г. Карпову, бойцам Ж. Нурситову и А. Черногубову.

Закончился сорок третий год решающим наступлением под Житомиром.

А потом были Винница, Жмеринка. Никогда не забуду пятидесятикилометровую дорогу между этими городами. На всем ее протяжении вдоль обочин стояли брошенные гитлеровцами при отступлении грузовики, легковые автомашины, цистерны с горючим и штабные автобусы. Это был сплошной коридор, сквозь который с трудом пробирались наши части.

1944 год. Дивизия принимает участие в освобождении Западной Украины. Станислав, Стрый, Дрогобыч, Борислав. За образцовое выполнение заданий командования дивизии было присвоено почетное наименование Станиславской.

В июне сорок четвертого состоялся смотр художественной самодеятельности 1-й гвардейской армии, в состав которой входила тогда наша часть. Запомнился такой эпизод.

Лес. Огромная поляна со специально выстроенной сценой, занавес. Тысячи зрителей. В наш репертуар входила «Баллада о Севастополе». Ее пел всегда Вася Пластилин. На этом смотре его с нами уже не было. Кончалась песня такими словами:

Мы придем к тебе, наш Севастополь,
Вновь пройдем по улицам твоим.
Мы придем к тебе, зеленый тополь,
Будешь ты для нас вдвойне родным... и т. д.

Началось выступление. Внезапно оно было прервано сообщением об освобождении нашими войсками города Севастополя. Мы тут же, не сговариваясь, объявили «Балладу о Севастополе», и зрительный зал взорвался от аплодисментов.

А когда в финале вместо слов «Мы придем к тебе, наш Севастополь, вновь пройдем по улицам твоим...» прозвучало:

Мы пришли к тебе, наш Севастополь,
Вновь идем по улицам твоим...

зал встал в едином порыве и началось нечто невообразимое.

А мы... плакали. Плакали от радости, что наши войска освободили еще один советский город...

ИЗ СОХРАНИВШИХСЯ ДОКУМЕНТОВ ВРЕМЕН ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

П Р И К А З

ВОЙСКАМ ПЕРВОЙ ГВАРДЕЙСКОЙ АРМИИ № 046

14 июня 1944 г.

Действующая армия

За хорошую организацию, показ подлинно высокохудожественного красноармейского искусства, за правильное сочетание его с боевой деятельностью бойцов и офицеров объявляю благодарность коллективу самодеятельности 155-й стрелковой дивизии под руководством старшего лейтенанта Борисова А. Б.

Командующий войсками 1-й гвардейской армии
гвардии генерал-лейтенант *Гречко*

Начальник штаба армии
гвардии генерал-лейтенант
Батюня

Член военного совета армии
гвардии генерал-майор
Васильев,

Начальник политотдела армии
гвардии полковник *Сорокин*

В августе 1944 года дивизия вела наступление в Карнатских горах. Бои шли за каждую высоту, каждый горный перевал. Полки дивизии были награждены в этот период орденами Богдана Хмельницкого, Суворова, Красного Знамени. 9 августа дивизия перешла государственную границу с Польшей в районе города Санок.

А потом — длительный марш, и в конце года ожесточенные сражения за Будапешт. Здесь шли бои за каждый дом, каждый квартал.

18 января 1945 года наша дивизия овладела зданием венгерского парламента.

Четыре десятилетия спустя я вновь побывал в Будапеште. Бродил по оживленным улицам: что-то казалось знакомым, что-то было внове. Дунай вроде еще больше поглубел, красавцы мосты соединяли Буду с Пештом (в 1944-м они были разрушены все до одного), город жил спокойной мирной жизнью. Нашел некоторые знакомые улицы, у зоопарка узнал дом (здесь сражался 436-й полк), из подвалов которого мы вытаскивали наших раненых и убитых солдат.

Сколько их погибло в этом городе, чтобы сегодня будапештцы могли жить под чистым, мирным небом...

Побывал я и на Балатоне. Красивейшее озеро протяженностью 77 километров. Огромное количество отдыхающих, туристов, прекрасные дома отдыха, санатории, отели. А в те годы здесь шли ожесточенные танковые сражения. За бои под Балатоном 155-я стрелковая дивизия была награждена орденом Красного Знамени.

День Победы мы встретили среди горных вершин Австрии, в районе местечка Ворау.

«НЕ ПОХОРОНЕН. ПОГИБ В ТЫЛУ ВРАГА»

Прошли годы. Вернее, десятилетия. Васины дневники хранились в моем архиве. Иногда я их перечитывал. Это было нелегко. Но настало время, и я понял — надо искать друга. Мне было известно, что он погиб в начале сорок четвертого. Но где и как? Вероятно, об этом должны знать родные. В дневниках он упоминает город Архангельск, в котором прошли его предвоенные годы. Следовательно, надо искать в Архангельске.

На одной из истертых страничек дневника я обнаружил какой-то адрес, но он, как назло, был залит чернилами. С трудом разобрал: Архангельск, Петроградский проспект, квартира 3. Номер дома непонятен — 2/38, или 238, или 333, в общем, какое-то трехзначное число.

И вот первый ответ из адресного бюро:

«Есть Пластинин Антон Александрович, 1898 г. Адрес такой то. Больше подходящих нет».

Так было написано «подходящих». Дело в том, что я запрашивал о Пластининых рождения примерно 1900 года, имея в виду родителей Васи, а также и о его братьях. (В дневнике часто упоминаются Сережа и Володя. Судя по записям, Сергей младший, Володя уже в 1943 году ушел в армию.) Зная, что Васиного отца звали Николаем, я все-таки решил написать Антону Александровичу — а вдруг родственник?

Прошло несколько месяцев, но ответа из Архангельска я так и не дождался. Пришлось искать другие пути. Были разысканы адреса или телефоны наших общих друзей по ГИТИСу и фронту, начала действовать «цепная реакция», и в поиск включились все, кто когда-либо знал Васю.

В те же дни я узнал, что в библиотеке Государственного театрального института уже давно собираются материалы о гитисовцах, не вернувшихся с войны, об участниках фронтовых бригад, о студентах-воинах.

Удивительные это были документы: фотографии, письма и дневники, воспоминания, вырезки из фронтовых газет. Все было аккуратно разложено по папкам: о каждом из участников войны имелись подробные материалы. Чувствовалось, что в собирание этого бесценного архива вложено много любви, тепла и труда.

И всем этим занимались две уже немолодые женщины: заведующая библиотекой, заслуженный работник культуры Ольга Львовна Браславская и бывший педагог института Мария Абрамовна Дьяковская.

Вот где наверняка знают все о Пластинине.

Увы! В архиве удалось обнаружить лишь маленькую фотографию со студенческого билета да копии нескольких писем, написанных Васей с фронта Наташе Качуевской, его однокурснице.

— Надо посмотреть Наташины материалы, — посоветовала мне Ольга Львовна, и я, с трепетом раскрыв

голубые папки, погрузился в теперь уже далекие сороковые годы.

Один документ был, пожалуй, на подступах к тому, что я искал: письмо родителей Васи Пластинина Наташе Качуевской.

Вот оно:

«...Вашу открытку мы получили. Большое спасибо за сообщение. Последнее письмо от Васи было в половине ноября, датированное 1 ноября, после этого мы не имели от него писем. Пользуясь Вашей любезностью, мы будем просить Вас сообщить нам все, что вы сможете узнать про Васю, за что заранее выражаем Вам благодарность. С приветом. *Пластинины*.

6.12.41 г.»

Это была копия письма и, понятно, конверта с обратным адресом не имелось. Где же подлинник? Сохранился ли?

Архив Наташи Качуевской передан в Центральный музей Вооруженных Сил СССР, сказали мне в ГИТИСе, и я отправился туда в надежде разыскать нужный документ.

И вот передо мной письмо с обратным адресом: Архангельск, Петроградский проспект, 233, кв. 3.

Адрес найден. Но ведь столько лет прошло. Проживает ли кто-нибудь по этому адресу сейчас?

Потянулись долгие дни ожидания, и наконец...

«Вчера получил Вашу открытку, которую принесли соседи по старому дому, из которого мы выехали в 1965 году.

Из родных Василия Пластинина остались два брата: я, младший, Сергей, и средний — Владимир. Очень бы хотели знать, почему Вы разыскиваете родственников нашего погибшего брата».

Завязалась переписка с братьями, и они доверили мне свой семейный архив, который бережно хранили все эти годы. Здесь были письма Василия с фронта родителям (они вошли частично в первую часть), письма довоенных лет, дневник драмкружковца, фотографии, ученические тетради школьника Васи Пластинина.

И вот что я узнал...

ПИСЬМА С ФРОНТА

Василий Пластинин — родителям

11 сентября 1943 г.

Грустно, но я покинул свою родную дивизию и теперь служу в одном из прославленных гвардейских танковых корпусов. Пулеметчик-зенитчик. Прощай, пехота, в которой я прошагал почти два года.

Наш корпус — корпус прорыва. «Пробиваем дырку» в немецкой обороне и далее действуем по немецким тылам. Теперь-то увидел я войну такой, какая она есть, то есть я имею в виду крупные танковые и воздушные бои. По сравнению с тем, что происходит здесь, Калининский фронт, где я был раньше, — фронт мирный.

Здесь мне уже пришлось не только наступать, но и выходить из окружения. Выглядело это примерно так.

Всю ночь кружили по дорогам и к рассвету выехали на окраину какой-то деревни. Хотели немного отдохнуть, но внезапно из леса справа стали ложиться мины и строчить крупнокалиберный пулемет (я их уже стал определять по «тональности»). Шофер не растерялся, дал полный газ, и мы помчались. И почему-то было не страшно. Правда, один момент был малоприятен, когда мина разорвалась где-то впереди радиатора и машина слегка накренилась. Нас даже засыпало землей, и темно стало на мгновение. Но машина рванулась вперед и понеслась, как будто ее подстегнули. А в это время по лесочку, откуда били немцы, ударили наши «катюши». Вот только что вроде был наедине со смертью, а тут Жизнь. Захотелось смеяться, даже хохотать. Здорово пощекотало нервы.

Сейчас мы на переформировке, отошли немного отдохнуть. Скоро вновь пойдем освобождать родную Украину.

Какая прекрасная земля! Впервые увидел, как растет кукуруза, арбузы, сливы. Я, северянин, забрался на самый юг Украины, на Полтавщину. Работаю очень много. Главное — пулеметчик. Но так как сейчас все немного отдыхают, то я — редактор боевого листка и руководитель самодеятельности. Настроение хорошее. С ужасной неохотой ехал на отдых, ибо воевать теперь интереснее, если так можно выразиться, особенно после того, как я познал «азарт» боя.

14 декабря 1943 г.

Долгое молчание вызвано переездом. Нахожусь на правом берегу Днепра. Виден Киев. Пока издали. Жив и здоров. Обнимаю. Меня перевели в оперативный отдел штаба бригады.

ПОСЛЕДНЯЯ ОТКРЫТКА

11.1.44 г.

Полевая почта 43162

Дорогие мои!

Жив и здоров. До старой границы еще не дошли, но скоро, конечно, дойдем. Пишет ли Володя?

Здесь погода стоит очень странная: никогда не ходил в январе по грязи и под дождем. Сегодня ночью, правда, выпало немного снега и подморозило. Ну, до свидания. Целую крепко.

Ваш Вася.

ИЗВЕЩЕНИЕ

СССР
Народный комиссариат
обороны
Октябрьский
районный военный ко-
миссариат
Часть I
30 мая 1944 г.
№ 1/3005
г. Архангельск
Архангельской области

Ваш сын, красноармеец ПЛАСТИ-
НИН ВАСИЛИИ НИКОЛАЕВИЧ, уро-
женец Архангельской области, в бою за
Социалистическую Родину, верный воин-
ской присяге, проявив героизм и муж-
ество, погиб 13 января 1944 года.

Не похоронен. Погиб в тылу врага.
Октябрьский военком

майор Припутин

Зав. делопроизводством
техник-интенд. 2-го ранга Коноплев

ПИСЬМО ДРУГА

24 января 1944 г.

Уважаемые родители Пластинина В. Н.

Как ни горька правда, но приходится сообщить ее вам.

Ваш сын Василий был замечательный человек, талантливый деятель театрального искусства, способный своим актерским словом всегда поднять настроение бойцов. Все его любили. Старшие — как сына, младшие — как товарища. Он был моим лучшим другом армейских лет.

Василий привил мне любовь к музыке, научил ее

понимать. И вот его нет. Вечная ему слава. Он погиб как герой. Вот подробности его смерти.

13 января утром мы завязали бой с немцами у них в тылу. Здорово их помяли. В момент боя машина, на которой ехал Василий, была разбита снарядом, и ему пришлось вести перестрелку с наседавшими со всех сторон немцами. Многих они положили. Но... расстреляли гады фашисты нашего Василия. Клянемся отомстить за него. Память о нем навсегда останется в сердцах наших.

Друг Вашего сына *К. С. Шишков*.

Ваш сын погиб по дороге из с. Воробьевка в с. Северины Полонского района Каменец-Подольской области,

ВТОРОЕ ПИСЬМО ДРУГА

12 апреля 1944 г.

Дорогие родители моего друга Василия!

Благодарю Вас за письмо. Спешу ответить на интересующие Вас подробности гибели Василия.

В ночь на 13 января мы всей частью вышли к немцам в тыл, заняв важный узел шоссейных дорог — местечко Грицев Каменец-Подольской области. Затем двинулись на соединение с нашими войсками и завязали бой с фашистами между селами Воробьевка и Северины. Во время боя разбило машину, в которой находился Вася. Он успел выпрыгнуть и был вместе с другими товарищами схвачен гитлеровцами. Убежать удалось только одному шоферу, который рассказал, что фашисты издевались над нашими бойцами, стреляя поверх их голов, а затем расстреляли. Конечно, о похоронах не могло быть и речи.

Места эти в начале марта наши войска освободили, но мы уже были далеко, на другом участке фронта.

Сотней жизней заплатили фашисты за смерть Васи. И наш счет еще не закончен. Жму Вашу руку. С приветом, *К. Шишков*.

Многие годы разыскивал я *К. С. Шишкова*. Но слишком скупы были данные, которыми я располагал: танковый корпус генерала Полубоярова. И все. Пытался связаться с архивом Министерства обороны. Увы...

Константин Степанович Шишков нашелся сам. Прочитав с большим опозданием опубликованную в журна-

ле «Театр» подборку Васиных писем и дневниковых записей, он связался с редакцией и разыскал меня.

И вот мы встретились. В апреле восемьдесят пятого. Через сорок один год после гибели Василия.

МОНОЛОГ ВАСИНОГО ДРУГА

Чудесный был парень. Талантливый! Все в нашей части любили его. Лирическая душа. А слух какой! Бывало получим журнал «Красноармеец» — там на последней странице ноты новых песен печатали, — возьмет он журнал и с ходу петь начинает. Помню, как пел он «Ой, Днепро, Днепро...», «Офицерский вальс». К нему сразу танкисты наши подтягивались. Глядишь — через день все новую песню знают. От Васи шло.

Стихи хорошо читал, чувствовал их. Мы с ним в одной землянке жили, а я в то время сам стихи писать начал. Да не только я — многие писали. Так Василий мне судьей был, первым слушателем. Часто делал толковые замечания, переписывать заставлял. Прислушивался я к нему.

Я старшиной был, когда он к нам в зенитно-пулеметную роту попал. Помню, привели ко мне тощего белобрысого паренька с рюкзачком за плечами. Не поймешь, кто тоньше: то ли рюкзачок, то ли он сам.

— Вот, старшина, принимай пополнение.

— Что делать умеешь?

— Стрелять из противотанкового ружья, автомата.

— А еще что?

— Петь, стихи читать.

Как он про стихи сказал, понял я — нужный человек. Романтик. Никто не знал тогда еще, что Пластинин в театральном институте учился. В общем, сама судьба его к нам в роту определила. Сделал я Василия для начала ротным писарем, чтоб присмотреться к парню. А у него, ко всему прочему, почерк оказался удивительным. Из штаба даже интересоваться стали: кто так красиво донесения пишет? Да и литературно он их здорово обрабатывал.

— Говорят, у всех писателей плохой почерк, а у тебя, гляди, — писатель, да еще так красиво пишущий.

А как узнали, что он в театральном учился, так все наши самодеятельные артисты стали к нему на консультации бегать. И со всеми он занимался, репертуар подбирал, песни разучивал.

Вечерами же часто вспоминал об Архангельске, о своем институте, о друзьях. Вот вашу фамилию до сих пор помню. И еще Клаву Шмелеву. Много Вася о ней рассказывал, видно, его первая любовь была. А рассказывал он душевно, высокохудожественно, я бы сказал. И были это не просто какие-то жизненные байки — во всем был виден свой взгляд на жизнь, на события, с ним происходящие.

В 1944-м, 7 января, исполнилось мне 22 года. Стояли мы тогда в деревне Станишевке на переформировании. До этого была переправа через Днепр, потом Киев брали, ну и потери, конечно...

Собрались мои друзья, решили этот день как-то отметить, Вася, конечно, тоже был. Так он один нам целый концерт устроил — пел, стихи читал. А потом поил чаем, своим любимым напитком. Здорово он его заваривал: таскал с собой маленький трофейный чайничек, долго колдовал каждый раз, прежде чем дать отведать.

В том же январе поставили перед нашей бригадой боевую задачу — прорваться к Грицеву, а потом с ходу освободить Шепетовку. А стояли мы тогда в Либоре, это километрах в шестидесяти от Грицева. Двинулись поздно вечером, ветрюга был страшный, пурга мела. Всю ночь шли почти без боя, так, редкие перестрелки были. И в Грицев вошли легко — не ждали нас фашисты, из домов в нижнем белье повыскакивали. Ну, взяли мы деревню, много пленных, а вот что рядом, в пяти километрах, аэродром е «юнкерсами» не знали. В общем, на рассвете пошли на Грицев косяки немецких бомбардировщиков. Все горело: дома, танки, машины, люди. И хотя придали нам срочно зенитно-артиллерийский полк, ничего сделать уже было нельзя — уж больно неравны оказались силы. Ко всему еще отсекли от нас идущую следом 13-ю танковую бригаду, и оказались мы в окружении.

Уходить надо, прорываться к своим, а водителей на оставшиеся танки и машины не хватает. Стали собирать тех, кто хоть немного править умел. Вот в этой суматохе я и видел Васю в последний раз. Темно было, холодно, залезли мы с ним в штабную «эмку» и стали по карте смотреть, в какую сторону лучше прорываться. Решили пробиваться по шоссе к Либору.

А утром 13 января начали прорыв. С Васей мы попрощались и разошлись по своим машина'м. Двинулись к деревне Воробьевке, так как нам немецкие танки до-

рогу перекрыли, а кругом овраги,, на них не то что на машине, на танке не проскочишь — глубокие очень. Большой был бой в Воробьевке. Мою машину подбили — ^{все} сгорело: вещи, фотографии, стихи. Тогда я пересел в другую, и пошли мы в обход деревни по пням да кочкам. А Васина полуторка левее деревни проскочить пыталась.

В общем, кое-как вырвались из «котла», но уже пешком — и эту машину снарядом подбило. Долго до своих добирались.

Но еще дольше было ожидание — своих ждали, тех, кто пробиться сумеет. К нашим тогда многие вышли. А Вася... Шофер один, выбравшийся из окружения, рассказал о Васиной гибели. Вы знаете подробности.

Вот тогда-то и написал я письмо его родителям в Архангельск, а потом еще одно.

Столько лет прошло, а все равно тяжело вспоминать те годы. Об одном мечтаю — чтобы не пришлось пережить нашим детям то, что пережили мы...

Как-то принесли мне товарищи журнал «Театр»:

— Посмотри, Константиныч, не твоего ли друга здесь дневники напечатаны?

Схватил я журнал, прочитал да и бросился разыскивать автора публикации. И вот нашел.

«Не умирать я в бой иду, а побеждать и жить!» — писал, цитируя поэта, Василий Пластинин в одном из писем.

И о его жизни хочется рассказывать и рассказывать, тем более что братья Василия, Сергей и Владимир, сохранили удивительные документы, которые не могут не взволновать всех, кто успел полюбить моего друга.

Это довоенные письма студента ГИТИСа Василия Пластинина и «дневник драмкружковца».

Вот они.

ПИСЬМА ИЗ Сорокового года

Василий Пластинин — родителям *

12 августа 1940 г.

В Москву я приехал 9 августа в 7 часов утра. В тот же день был в ГИТИСе. Допущено к приемным испы-

* В. Пластинину было тогда 17 лет.

таниям на актерский факультет 360 человек. На 36 вакантных мест. Арифметика простая. Раздумывая над этим, бродил я по Москве, которую увидел впервые.

Странное впечатление произвела на меня наша столица: ужасная скученность старых домов, неравномерная застройка; стоит, к примеру, дом деревянный, покосившийся, а рядом громадное новое здание. Трамваи ходят старомодные, как в нашем Архангельске по северному и южному маршрутам. Правда, есть троллейбусы с мягкими сиденьями и пневматическими дверями, открывающимися на остановках самим водителем. В общем, Москва — в центре, примерно до Арбата. Что безумно понравилось, так это метро! Диво «чудное, изумрудное» — как в сказке.

А продуктов в Москве навалом — ешь, что хошь! Мороженое на каждом шагу, а через каждые десять (шагов) — газированная вода.

Ужасно мне совестно, что вы на дорогу выдали мне столько съестного. Половину истребил. Банка консервов, круг колбасы, половина хлеба и один пирожок остались. Вот деньги, которыми вы меня снабдили, почему-то все израсходовались. Впредь буду бережливее. Пишите мне по такому адресу: Москва, улица Трифонова, д. 53а, Студенческий городок, корпус 10, комната 10.

Этот городок находится недалеко от нового театра Красной Армии и, кажется, от ВСХВ.

Еще никуда не ходил, кроме кино и ЦПКиО им. Горького.

19 августа 1940 г.

15-го был экзамен по специальности, а 17-го по русскому языку (сочинение). Писал на тему: «Фамусовская Москва». За грамотность ручаюсь, но за стиль... не уверен. По специальности прошел на второй тур. Из присланных вами денег на всякий случай отложил НЗ на обратную дорогу. Мало ли что может быть...

В общежитии, где я живу, довольно интернациональный состав: из Тувы, Коми, с Западной Украины. Все ходят в своих национальных костюмах, и это очень красиво.

В комнате нашей — одиннадцать человек и... рояль. Правда, комната довольно большая. А теперь возьмите

план Москвы, который у нас есть, найдите на нем Ржевский вокзал. Нашли? Так вот, наш студенческий городок как раз врезается в его территорию.

А вообще-то Москва — городок прожитной, захватил меня и вытягивает деньги. Кино, музеи, выставки! Разорение да и только! Вот и хожу — духовно обогащенный, но физически голодный.

28 августа 1940 г.

Сегодня весь день был на съемках. Я здесь начал в кино сниматься, в массовых сценах. Для приработка. Только мало солнце сегодня светило, а без него не снимают.

В институте все сдал, остались конкурсные экзамены по специальности.

Вчера ходил в знаменитые Сандуны — это баня здесь так называется. Ящичков для белья, как у нас в Архангельске, нет. А вместо скамеек — диваны. И белыми чехлами накрыты. Идешь мыться, а белье прямо на диванах оставляешь. И не пропадает вроде.

1 сентября 1940 г.

Надеюсь, вы получили мою телеграмму, которую я послал, как только узнал результаты? Теперь расскажу обо всем по порядку.

На устной литературе мне дали разобрать предложение, и я не смог определить, что за слово «который» (глупо-то как). А преподаватель сказал: «Хотел я вам, батенька, «хорошо» по грамматике поставить, но раз вы мне Америки такие открываете...» И поставил «посредственно».

С историей было лучше. Принимал очень симпатичный преподаватель. В нашем Архангельске бывал в 35-м году. Расспрашивал меня о проспекте Виноградова, про мост, театр и т. д. А потом за меня принялся. Ну и трудные же вопросы достались: боярская дума при Иване III и газета «Правда» в 1912 г. И еще спросили про Крымскую кампанию. В общем, «хорошо» получил.

Самое сложное и волнительное было вечером двадцать девятого. Заключительный тур по специальности. Сначала проверили слух и ритмику. Прошел. А потом в Большом зале, до отказа заполненном студентами и преподавателями института, меня экзаменовала комиссия. Я сначала читал «Золотого петушка» (когда кука-

рекал, в зале смеялись), потом «Тройку» из «Мертвых душ» и басню «Лжец», Басню забыл в конце, так и не дочитал. Принимал у меня экзамены народный артист Тарханов. Ушел я после экзамена неудовлетворенным. Наутро в институте вывесили список лиц, которым надлежит забрать документы (не сдавших, значит). Ну, а я заголовок-то не прочитал и сразу же устался на букву П. Там одна фамилия. Моей нет. Все, думаю, не приняли. Хотел уже идти за документами, но машинально как-то скользнул глазами по заголовку ...и побежал давать вам телеграмму.

Рад, что все архангелогородцы из нашего класса поступили. Один — в архитектурный, один — в автодорожный, один — в кредитно-экономический, и я — в ГИТИС. Завтра мы все встречаемся. Земляки и потомки Ломоносова.

2 сентября 1940 г.

Вот я и студент Государственного театрального института им. А. В. Луначарского. Сегодня приступлю к занятиям. 31 человек — столько приняли на курс.

Я, признаться, боялся, что после третьего тура меня «отсеют» (удивительное слово какое-то), потому что читал на заключительном конкурсе не очень. Но... либо я еще сам себя не понимаю, либо оказались хуже меня. Когда вывесили список, под № 19 прочитал свою фамилию — В. Н. Пластинин.

Теперь надо заниматься и заниматься, потому что, как говорят старожилы, в течение года тоже отсеивают.

С питанием утрясется. Я уже убедился, что можно обедать на два рубля: борщ — 1 р. 15 коп. и каша пшенная — 65 коп. На остальное хлеб.

А вот от открыток никак не могу удержаться. Я понимаю, что всех открыток не перекупишь, хоть бы Третьяковку собрать.

В общежитии пока не топят, и на улице погода мерзкая: ночами зело холодно. Зато паспорт у меня с московской пропиской. В общем, живу неплохо, вот только ребята говорят, что похудел. Я и сам это заметил — ремень стал длиннее на 15 см, да и слабость какая-то. Думаю, что все это от волнения и со временем утрясется.

15 сентября 1940 г.

Педагоги говорят, что наш курс абсолютно бездарный. Сначала это действовало как-то угнетающе, а потом мы поняли, что они хотят очистить нас от всяких корок сомнения, чтоб лепить из нас что угодно в дальнейшем.

Заниматься трудно, но интересно. Самое сложное — это «мастерство актера» и «сценическая речь». По нотам уже выдавливаю кое-какие звуки. Трудный предмет — «античный театр». Надо знать много античных трагедий Эсхила, Софокла и др.

Курс у нас в основном хороший, только очень большой. А помещения для занятий в институте рассчитаны на 12—15 человек. Вот почему нас даже разделили на две группы.

Да, пришлите мне нотной бумаги, тетрадок и учебник французского языка Георгиу — я пожелал теперь изучать французский.

30 сентября 1940 г.

Как же ты мама, потеряла паспорт? А где он находится? Напиши, это очень интересно. Ты спрашиваешь насчет моих брюк. Пока целы, но скоро, наверное, последует прорыв. А ботинки уже давно «рот разевают». Как питаюсь? По-разному. Вот сейчас, накануне стипендии, «столуюсь» совместно с товарищем по курсу Монеи Шварцбергом. «Столование» наше заключается в том, что покупаем вечером килограмм черного хлеба за 85 коп., одной половиной ужинаем, другой завтракаем. Привык. Товарищи у меня хорошие, живем дружно и в институте и в общежитии.

Был два раза во МХАТе, смотрел «Вишневый сад» и «Дядюшкин сон». Последний спектакль произвел громадное впечатление, особенно Хмелев в роли дядюшки. Завтра у нас вечер в Доме актера, а в субботу был в институте. До 5 утра концерт продолжался, и выступали все знаменитости.

4 октября 1940 г.

Письмо это экстренное, по поводу известного вам постановления. В институте у нас паника, все спрашивают друг друга: «Ну как? Едешь? Остаешься? А откуда деньги возьмешь за обучение?»

Вот именно: откуда взять деньги? Предполагаются всякие несбыточные приработки, придумываются ка-

кие-то немыслимые заработки — все это будоражит студенческие умы, и мой в том числе. Так что вся надежда только на вас: в конце-то концов, 500 рублей в год. Вроде и не очень много. Забыл, правда, что еще жить на что-то надо.

Вокруг меня сидят все обитатели нашей комнаты и тоже строчат письма домой. Думаю, о том же самом.

А бросать учебу жуть как не хочется!

12 октября 1940 г.

В одном из писем вы спрашиваете о составе студентов института. Попытаюсь кратко вам ответить. В ГИТИСе много национальных студий: Адыгейская, Кара-Калпакская, Киргизская, Таджикская, Коми, Узбекская, Калмыцкая и другие. Готовят национальные кадры, вернее даже национальные театры, которые выпускаются со своим репертуаром и, возвращаясь в республику, становятся ядром театра либо вновь открываемого, либо уже существующего. Многие ребята из деревень, аулов, маленьких городков. До приезда в Москву они даже своих столиц не видели. А за пять лет учебы в Москве становятся не только хорошими актерами, но и вообще образованными людьми. Это, конечно, очень здорово.

В институте им созданы прекрасные условия: все они без исключения получают стипендию, преподают у них лучшие мастера МХАТа, живут они в лучших общежитиях и даже спят на пружинных матрасах.

7 ноября 1940 г.

Очень мне не нравятся московские дожди. Если уж зарядят, то дня на четыре. И дождик какой-то непонятный: моросит слегка, но без остановки, и на асфальте в каждой ямке вода скапливается. И рад бы не ходить по воде, да поневоле приходится. А после дождей воздух сыроватый, что еще больше усиливает ощущение холода, хотя вода и не замерзает.

Учеба идет своим чередом, но уже стали попадаться сучки да задоринки: по «мастерству актера» и по ритмике. Вот представьте — спрашивает, например, педагог, совершенно серьезно: «Зачем ты мне вчера раз пять звонил?» или «Так почему же ты с женой разошелся?» И на эти вопросы сразу надо дать такой ответ, чтобы никто не усомнился в его правдивости. Называется это «упражнение на фантазию». Делаем и на

воображение: строим из стульев и столов... лес или палубу парохода. И изображаем зверей или пассажиров. Мало того, что ты, к примеру, тигр, так надо еще активно действовать, а не просто изображать тигринные повадки. Пока в этих этюдах я не очень освоился и считаю себя посредственником.

А какой дивный человек наша Валентина Ивановна Мартыанова! Знает, чем живет каждый студент, что ему надо, чем ему помочь. С ней по любому вопросу приятно поговорить.

Ребята у нас на курсе хорошие. Больше всех я сдружился с Моне Шварцбергом. Да, чуть не забыл: меня выбрали профоргом курса. А еще поступил я во вспомогательный состав Камерного театра — буду участвовать в массовых сценах спектакля «Оптимистическая трагедия».

24 декабря 1940 г.

Действительно, нехорошо, что я так долго вам не писал. Вчера даже напугался, когда принесли телеграмму, думал, дома что случилось. Я же был очень занят — праздновали 10-летие ГИТИСа. Были всякие просмотры, научная сессия, и наш курс отвечал за студенческий бал. А теперь сессия надвигается. Самое главное, конечно, мастерство актера, но и история античного театра — трудный предмет: надо помнить имена всех богов и героев. Адский труд! Хотел поработать в школьные каникулы на елке в Колонном зале, но это в самый разгар нашей зачетной сессии, боюсь, может помешать занятиям.

А знаете, какое у меня амплуа? Валентина Ивановна сказала, что я буду «чудесным комическим актером». Вот уж не ожидал...

А про мастерство нам сказали, что «отлично» никто не получит.

31 декабря 1940 г.

Сегодня хочу вас познакомить с положением «на фронте искусств». А дела там сложноватые. Московские театры, как и наш архангельский, стали плохо посещаться зрителем, даже МХАТ и тот ежедневно заполняется лишь на 70—80%. Правда, есть спектакли, на которые невозможно достать билеты. Только Театр сатиры в Москве не знает этих трудностей: огромный репертуар и крохотный зал.

Вероятно, все это повлечет за собою какие-то перемены в театральном образовании, может быть, уменьшится количество выпускаемых актеров, а может быть, система выпуска изменится. Пока выпускают целыми коллективами с уже готовым репертуаром, но Л. М. Леонидов, наш худрук, против этого, ибо выпущенный в прошлом году курс не оправдал возложенных на него надежд и распался. В общем, поживем — увидим.

С нами сейчас занимается Михаил Михайлович Тарханов. Передает он нам, по его словам, «секреты актера». А секретов у него уйма, ведь он в театре тридцать е лишком лет. Учимся легкости, импровизационное™; рассказывает он много из своей жизни, из жизни своих товарищей-актеров. С ним очень интересно заниматься.

А в общежитии у нас поставили новые никелированные кровати с высокими спинками и обещают вскорости пружинные матрасы.

26 февраля 1941 г.

Наконец-то собрался написать. Доехал благополучно, правда, неудобно очень было в поезде.

День рождения отметил хорошо. Ребята позаботились и устроили чай, все поздравили, подарили книжку. В общем, всем доволен.

В этом семестре добавили два новых предмета (западную литературу и танец), а вместо античного театра стал западноевропейский.

По «мастерству актера» начали очень трудный и важный раздел — «общение». Было бы очень хорошо, если бы вы мне прислали книгу «Логика речи» и мой кинодневник. Купил две книги по истории театра (21 р.).

22-го я и еще четыре человека с нашего курса давали концерт в таганском педучилище. Успех был большой. Пригласили 8 Марта выступить еще. По военной службе мне дали отсрочку до 1944 г. Пока. *Вася.*

9 марта 1941 г.

Живу хорошо. Пишу это письмо, а плана нет. Жив, здоров. А дальше что? Володя, прошу тебя, найти тетрадку, где у меня записаны высказывания по «мастерству актера». Пошли ее мне. После каникул никому, кроме вас, еще не писал. Сегодня письмо не отправлю, может, завтра что-нибудь добавлю.

Ни завтра, ни послезавтра дописать не мог, потому что оба дня был в институте с 9 утра до часу ночи. Занимались «мастерством актера». 7 марта у нас в институте выступал начальник следственного отдела Прокуратуры СССР Л. Р. Шейнин. Рассказал несколько случаев из своей практики. Было очень интересно.

Деньги сегодня кончаются, правда, мне должны рублей 25—30. Вот и все.

23 апреля 1941 г.

Простите, что задержался с ответом — не было времени.

Да, мама, зубов у меня поубавилось. Когда дергали седьмой нижний, чуть не упал в обморок, минуты три отлеживался.

Погода в Москве уже дня три как испортилась: дождь, слякоть, но тепло. Ботинки пока носят, правда, подошва отвалилась в середине, но носок и каблук еще держатся довольно крепко.

Уже известно расписание экзаменационной сессии. 24 июня последний экзамен, после которого собираюсь домой в Архангельск на каникулы.

15 мая 1941 г.

Вот какой вопрос меня занимает в настоящее время. Я, вероятно, буду сниматься в кино, в картине «Испытание». Возможно, в одной из главных ролей (конечно, это еще очень неопределенно). Если так, то, во-первых, лето 41-го г. у меня будет занято целиком или, по крайней мере, два месяца — июнь, июль. Так что на каникулы приехать не придется. Во-первых, это даст какие-то деньги, и я смогу вас «разгрузить».

Съемки начнутся в середине июня, так что на экзамены не повлияют.

25 мая 1940 г.

Вчера был на сельскохозяйственной выставке. Про- был пять часов. Очень интересно. Насчет съемок в кино пока неясно. Если не получится, приеду домой в начале июля. За экзамены мои не беспокойтесь. Если «мастерство актера» сдам хорошо, остальное все ни- почем.

Вообще-то жизнь прекрасна! Пока все,

ДНЕВНИК ДРАМКРУЖКОВЦА

Февраль 1940 г.

Я, ученик 10-го класса 23-й школы г. Архангельска, решил вести дневник работы драмкружка. Не останавливаясь на работе предыдущего коллектива 14-й школы, скажу, что нами были поставлены две пьесы, из которых одна — «Женитьба» Гоголя, которую мы ставили под руководством заел. арт. РСФСР Александра Иосифовича Свирского.

И еще я должен вас познакомить, вероятный мой читатель, с моими друзьями, без которых мы бы и не создали такого дружного коллектива. Так вот — Боря Финкель (Борис Маркович) замечательный парень, очень обязательный. Приход к нам в руководители Свирского — целиком Борова работа.

Сергеев Вася (Василий Владимирович). Серьезен. Полная противоположность Боре. Он сколачивал коллектив со дня его основания. Немало сделал и для оформления нашего первого спектакля. Хороший артист.

Об остальных участниках буду говорить ниже.

Сначала в кружок записались ребята из 14-й школы. Девчонок не было. Я стал их агитировать, но они отказались. Через несколько дней пионервожатая передала мне список девочек, записавшихся у нее, у меня они почему-то постеснялись записаться. В списке их было столько, что они превышали мужской наш состав вдвое. Могло получиться так, что многие из них окажутся не занятыми в пьесе и уйдут, за ними потянутся остальные. Вопрос, стало быть, упирался в пьесу.

Стали ее искать. Мы с Васей считали, что надо начинать с пьесы маленькой, чтобы выявить способности новичков. К этому времени вернулся из Москвы Боря, и мы с Васей почувствовали себя более уверенно. 11 сентября пошли на квартиру к Александру Иосифовичу, чтобы посоветоваться насчет пьесы. Его предложение было для нас неожиданным:

— Поставьте «На дне» Горького.

— Но у нас много новичков. Может быть, проверить их не на такой серьезной пьесе? — сказал Боря.

— А может быть, лучше именно на настоящей драматургии их проверить? — сказал А. И.

Я давно втайне мечтал об этой пьесе. У меня были даже две роли для себя выбраны — Барон и Сатин. Только я еще не решил, какой из них отдать предпочтение.

— А на роль Луки кого? На роль Луки у нас нет исполнителя.

— А почему бы тебе, Вася, не сыграть эту роль, — сказал А. И. — У тебя должно получиться.

— Нет, мне эта роль не подойдет.

— Ты хочешь сказать, что ты не подойдешь к этой роли?

— Да. Именно это я имел в виду.

(Не буду же я раскрывать свою тайную мечту. А потом, раз А. И. так уверен, то, может быть, я и Луку сыграю?) Он отказался в этом году руководить нашим кружком, и мы решили поставить пьесу Горького «На дне» самостоятельно.

13 сентября на первую читку собралось довольно много народу, правда, больше девчонок. Пьесу прочитали, и дальше дело не пошло — не хватало мужиков. Только пятеро нас было, перешедших из «Женитьбы».

В это время мы уже состояли в драмкружке Дома пионеров, которым руководил артист Большого драматического театра Сергей Алексеевич Лобанов. Там играли «Грозу» Островского. Когда на проверке Лобанов услышал мой бас, то сразу же назначил на роль Дикого.

Так вот, в этом кружке работа шла нормально. Может быть, потом я буду описывать репетиции «Грозы», а пока вновь вернусь к репетициям нашего школьного драмкружка.

А. И. Свирский порекомендовал пригласить в руководители нашего школьного драмкружка артиста Бориса Ивановича Горшенина, тоже из БДТ. Он согласился, и мы решили ставить пьесу «За Родину».

Я был назначен на роль Радера, крупного шпиона (по правде сказать, я увлекся, роль хорошая). Боря — сотрудник НКВД, Вася Сергеев — Коля, Вася Смолюров — Шилов, Коля — Щелоков — красноармеец. Женских ролей было всего две. Левицкую играла Нина Ткачева, Наташу — Эмма Клыкова. Надо сказать, что эти две девушки (из 23-й школы) считались лучшими

школьными артистками, но на первой же читке они нам не очень показались, и мы почувствовали себя на голову выше.

Премьера пьесы состоялась 6 ноября 1939 года. Незадолго до премьеры у нас произошли замены в связи с уходом из кружка Васи Смолокурова. Некоторые роли перераспределили, и на роль красноармейца назначили Аню Летавину. На спектакле подтвердились наши предположения и жизненные наблюдения, что девочки — самые настоящие трепачки. Ролей они не учили, мизансцен не знали, и, если говорить серьезно, то спектакль наш провалился, но 23-я школа, видимо, лучших не видела, и мы имели даже некоторый успех.

7 ноября показывали спектакль красноармейцам и драмкружку 14-й школы. Опять провал — не знали ролей. 8-го играли для младенцев (т. е. младших школьников) и ликеро-водочного завода. На этом наши гастроли кончились.

13 ноября в Доме пионеров был прогон первых трех актов «Грозы». У меня еще одна роль прибавилась: купец, выносящий Катерину в финале. После репетиции я предложил Борису Ивановичу после «Грозы» ставить «На дне». Он согласился. Я, конечно же, буду играть Сатина.

...Премьера «Грозы» была 5 декабря. Наприглашали мы многих актеров из театра — и Свирского, и Простова, и других, но никто, кроме артистки Зиновьевой, не пришел.

Перед началом спектакля очень волновался, даже «наступил» в первом же выходе на реплику Бориса. Самая сложная и ответственная сцена у Дикого, т. е. у меня, — это перед домом Кабанихи. В этой сцене Дикой, ко всему, еще и пьян. Как ни старался, не мог найти настоящего звучания образа. По указанию режиссера я очень добросовестно кричал, надсаживая горло. Внешне это, может быть, и убеждало, но сам я понимал, что за пьяным голосом ничего нет. Не удалась мне эта сцена. А на нее было отпущено 24 репетиции. Даже потом, сыграв шесть спектаклей «Грозы», я все равно не смог ничего сделать. И если меня за нее хвалили, то думаю, что многих обманывал голос, а остальные из вежливости говорили, что понравилось. (Ох уж эта вежливость!)

Сцена моя с Кулигиным в 3-м акте шла довольно прилично, но все же ощущалась наша несрепетированность.

Вообще-то спектакль каждый раз шел с успехом. Правда, однажды нам не удалось доиграть до конца, сыграли только первый акт, так как отключили электричество. И очень было обидно, потому что именно на этот спектакль пришли Александр Иосифович Овировский и Евгений-Васильевич Простое.

Последний раз играли «Грозу» 4 февраля 1940 года. Мы уже не состояли в кружке Дома пионеров, выросли, а новых участников было мало, и кружок распался. Поставили они три одноактных пьесы: «Дружба», «Лотос», «Карнавал», но до показа так и не довели.

23-я и 11-я школы объединились. Вместе с 11-й перешел драмкружок, которым руководил артист ТЮЗа Толчинский. Видел поставленную ими пьесу «Дружба». Неинтересно.

В настоящее время ни в каком кружке не состою.

„Вот так начинал свою короткую жизнь в искусстве Василий Пластинин. Он мог и должен был стать актером, как многие его товарищи. Он им не стал — помешала война.

И нам, сегодня живущим, остались его военные дневники, его солдатские письма — живые свидетели тех огненных лет...

Память о войне! Это память о двадцати миллионах погибших советских людей, среди которых был и мой друг Василий Пластинин. Это память о бесчисленных муках и страданиях, выпавших на долю нашего народа, это память о его мужестве, самоотверженности, героизме. А сегодня это еще и наше оружие в борьбе за мир, ибо подобному нельзя дать повториться.

РЕКВИЕМ

Апрель 1985 года. Небольшой зал Государственного института театрального искусства, того самого, в котором учился Василий Пластинин.

Молодые актеры курса, которым руководит народный артист СССР Борис Александрович Покровский, играют спектакль «О тех, кто не пришел с войны».

На поверке перед строем полка командир называет имя солдата.

— Пал смертью храбрых в боях за Родину, — отвечает правофланговый.

Мы слышим эти слова, и у всех, от ветерана до новобранца, встает перед глазами лицо человека, навсегда внесенного в список части. Умерший остается жить, незримый — он находится в строю.

— На вечернюю поверку, становись!.. Гвардии сержант Василий Пластинин, участник боев на Калининском и Юго-Западном фронтах во время Великой Отечественной войны!

И молодой парень делает шаг вперед.

— Я! Студент 2-го курса актерского факультета Василий Пластинин. Погиб в боях за Родину.

И высвечивается портрет Василия Пластинина, навечно зачисленного в коллектив гитисовцев. Зал поднялся. Воцарилась тишина...

А потом будущие актеры читали строчки из его фронтовых дневников, писем, рассказывали о Васе Пластинине, слушали его любимые песни.

— Мы учимся у него жить честно.

Этот вечер был как реквием по моему погибшему другу, с которым мне вновь довелось встретиться. Через сорок лет после Победы...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Уважаемый читатель!

Только что Вы перевернули последнюю страницу полной удивительной, пронзительной человечности книги А. Борисова.

Мне бы хотелось добавить совсем немного.

В душе у меня живет чувство неоплаченного долга перед теми, кто не вернулся. Наверное, это чувство знакомо всем, перенесшим войну. И невольно приходят на память строки А. Тбардовского:

Я знаю — никакой моей вины
В том, что другие не пришли с войны,
В том, что они — кто старше, кто моложе —
Остались там, и не о том же речь,
Что я их мог, но не сумел сберечь, —
Речь не о том, но все же, все же, все же...

Возможно, возникнет вопрос — нужна ли нам сегодня, через сорок с лишним лет после Победы, эта боль?

Нужна! Как нужна память, как нужна совесть, осознание себя и своего места в сложном и противоречивом мире конца 80-х, в котором мы с Вами живем.

Я был другом Анатолия Борисовича Борисова. Мы подружались вскоре после войны на постановке его дипломного спектакля «Софья Ковалевская» в Свердловском театре драмы. Затем вместе работали в музыкальном театре. Анатолий успешно осваивал трудную профессию драматурга. Он написал десять пьес. Многие из них ставил я.

Были в его жизни Псковская драма, Тбилисский театр русской драмы, Великолукский театр, Московский

театр имени Пушкина, Московский передвижной театр оперетты. Потом, с 1961 года и до последнего дня Анатолий Борисович работал в редакции передачи «С добрым утром!» отдела сатиры и юмора Всесоюзного радио как режиссер и автор. Он был человеком с юмором, умел шутить и знал цену шутке. Почти все актеры Москвы прошли через «Доброе утро», через добрые руки А. Борисова, знавшие тайны монтажа, микиширования и магии микрофонов.

Но главное не в этом. Толю все любили, потому что он сумел сохранить в себе чистоту своего военного поколения, высокий патриотизм, гражданскую активность и человеческую мудрость. Он умел любить людей, умел быть полезным, нужным другом, умел слушать, умел просто быть другом.

Анатолий Борисович был человеком творчества. Писательский, журналистский, редакторский труд был для него привычен. Но книга «Встреча с погибшим другом» — это не просто литературное произведение, это еще и гражданский подвиг автора. Восстановить память о друге, воссоздать то удивительное, грозное время, когда грохот войны не мог заглушить голоса муз, — это стало его человеческим долгом, целью. Не много у нас выходило книг о бойцах — этого несуществующего рода войск — об артистах фронтовой сцены. А ведь они были настоящими солдатами...

И есть величайшая ошибка жизни в том, что, сдав в печать эту книгу, полную мужской любви к другу, к людям, Анатолий не дожил до ее выхода в свет.

Он и умер мужественно и скромно, как солдат, выполнивший свой высокий долг.

Я знаю — нет моей вины...
И все же, все оке, все же...

Владимир КУРОЧКИН,
народный артист СССР,
главный режиссер Московского
театра оперетты

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
Книжка первая	8
Книжка вторая	43
Книжка третья	67
Книжка четвертая	91
Книжка пятая	125
Послесловие	158

из № 5195

Анатолий Борисович Борисов

ВСТРЕЧА С ПОГИБШИМ ДРУГОМ

Зав. редакцией Г. Швец

Редактор А. Савельев

Художник А. Авдеев

Художественный редактор Б. Федотов

Технический редактор Е. Михалева

Корректоры Н. Самойлова, М. Пензякова

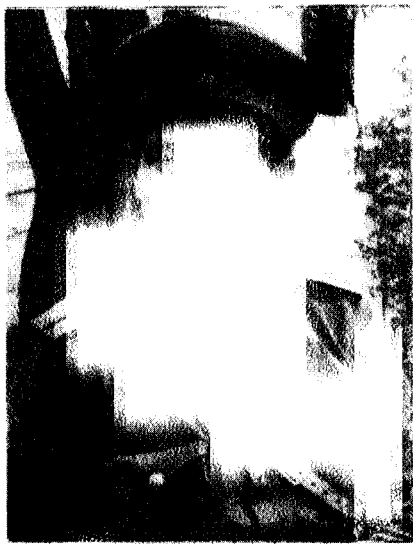
Сдано в набор 15.01.87. Подписано в печать 25.05.87. А01067.
Формат 84X108/32. Бумага типографская № 2. Гарнитура
«Литературная». Печать высокая. Уел. печ. л. 8,4. Уел. кр.-
отт. 8,82. Учетно-изд. л. 8,4. Тираж 100 000 экз. Цена 25 коп.

Набрано и сматрицировано в типографии ордена Трудового
Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».
Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Су-
щевская, 21. Заказ 2650.

Отпечатано на полиграфкомбинате «Молодь». Адрес полиграф-
комбината: 252119, Киев-119, Пархоменко, 38—44. Зак. 7—222.

і Василий Н)ї АСТИНМК.
Снимок 1940 года.

Анатолий БОРИСОВ.
Снимок 1943 года. |

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ